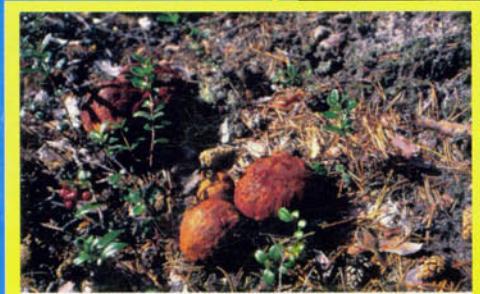

У Р А Л Ь С К И Й

4.2003

спеցопыт

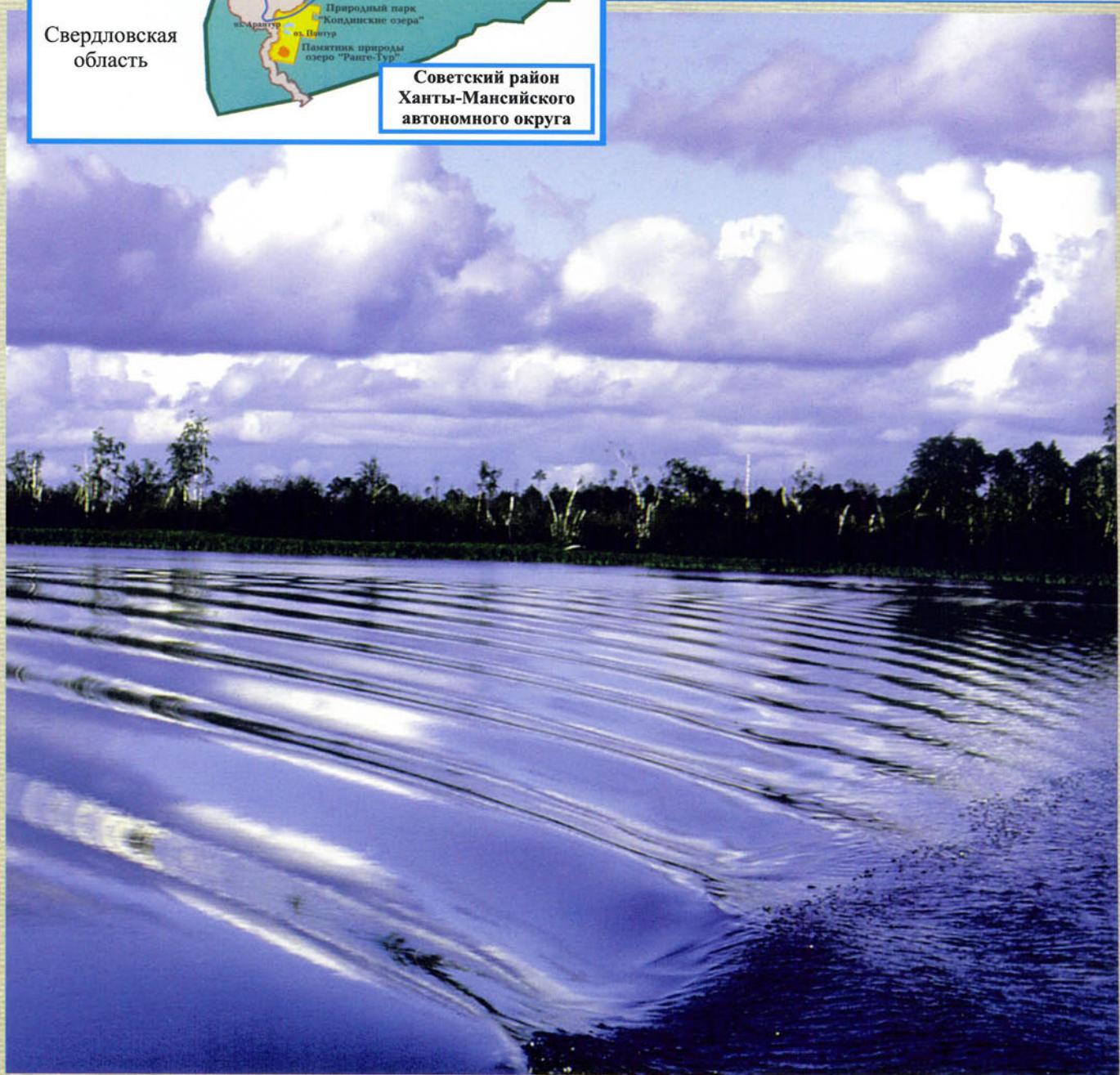
*суворовость и красота
Кондинских озёр*

УРАЛЬСКИЙ специалист

...Рыбе - вода, птице - воздух, зверю - лес, степь, горы. А человеку нужна Родина. И охранять природу - значит охранять Родину.

М. Пришвин

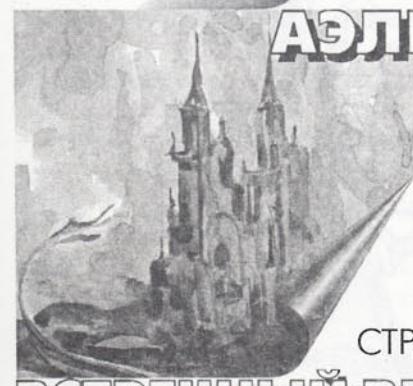
«Хочешь
двигаться –
ищи
попутчика»

РЕКА ВРЕМЕНИ

3-36

АЭЛИТА

СТР. 38-60

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СТР. 61-80

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ

УРАЛЬСКИЙ *следопыт*

ИСТОРИЯ,

ФАНТАСТИКА,
ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере:

4"2003

Фантастика

От редакции: «Аэлиты» не будет	2
Далекое-близкое	
И. ПЛОТНИКОВ «Чехословацкий корпус»	4
Давным-давно	
А. ГУРЬЕВА-САЖАЕВА «Ильин день»	8
Из «Сундуочка уральского краеведа»	
Г. КУЛАГИНА Головоломки	20
Г. КУЛАГИНА Головоломки (2-я часть)	30
Заповедные земли Урала	
Т. БЕСПАЛОВА «Природный парк окружного значения «Кондинские озера»	21
А. ШУКШАЕВ «Путь длиной в три века»	35
Занимательная нумизматика	
В. ПУРОНЕН «Реверс, аверс, гурт...»	26
Легенды и были	
Н. ЧЕРЕМНЫХ «Канонеровский корень»	28
Краеведческая копилка	
В. ТРУСОВ «Загадки горы Карабульной»	31
Тропой поиска	
С. ЛЕВИЦКАЯ «На встречу с Дельвигом»	32
Фантастика	
Л. АНДРОНОВА Страж Йегу-Инн	38
Новые имена	
Литературная мастерская имени Бориса Марьева: новые имена. Стихи	48
Дебют в «Уральском следопыте»	
Н. СЕМЕНОВ Рассказы	50
Современная проза	
С. ПОЛЯКОВ «Золотинка» (начало)	54
Экспедиции	
В. ЮКЧУБАЕВ «Непройденный маршрут»	62
Невыдуманные истории	
И. ПЕТРОВ «Спасибо, Тимофеевич»	65
Записки очевидца	
Ю. ВЛАДИМИРОВ «Встречи в горах»	66
Советы специалиста	
Разрядные требования по туризму	70
Путешествия	
А. КУРОЧКИН «Туристская солидарность»	71
Уральские тропы	
Е. ТАМПЛОН «Озеро Шарташ»	73
В гостях у неведомого	
Т. СУВОРОВА «Прошлое: белые пятна»	75
Галерея	
И. СТЕПАНИЧЕВА «Несерьезные этюды»	76

«Аэлита» не будет

12 апреля — не только День космонавтики. В этот день ежегодно (начиная с 1981 года) присуждается «Аэлита» — литературная премия всероссийского журнала «Уральский следопыт». Согласно Положения представление к премии производится местными писательскими организациями и печатными органами. Она присуждается за создание значительных художественных научно-фантастических произведений, получивших широкое общественное признание, отличающихся актуальностью проблематики, новизной авторского замысла и художественного воплощения, опубликованных в книгах и журналах в законченном виде. В 2003 году, как это ни печально признать, редакция таких представлений от писательских организаций не получила. Поэтому «Аэлите» в этом году журнал «Уральский следопыт» не проводит. Трагедии в этом, как мы полагаем, нет. Двухлетний перерыв (1995–1996 г.г.), вызванный уже известными нашему читателю экономическими неурядицами, был счастливо в своё время преодолён. Думаем, что и в следующем году литературная премия «Аэлита» будет вручена самым популярным и любимым читателями фантастам.

Напоминаем: жюри производит приём работ на соискание премии ежегодно до 1 февраля. Принимаются к рассмотрению произведения последних двух лет, опубликованные не позднее 31 декабря года, предшествующего году присуждения премии.

Рисунок Юлии Меньшиковой.

Произведения направлять по адресу:
620142 Екатеринбург, ул. Декабристов, 67,
журнал «Уральский следопыт».

Праздник обязательно состоится! Желаем вам успехов!

*Редакция журнала
«Уральский следопыт»*

РЕКА ВРЕМЕНИ

И. ПЛОТНИКОВ

“Чехословацкий корпус”

В. ТРУСОВ

«Загадки горы Караульной»

В. ПУРОНЕН

«Реверс, аверс, гурт...»

А. ГУРЬЕВА-САЖАЕВА

«Ильин день»

и другие материалы

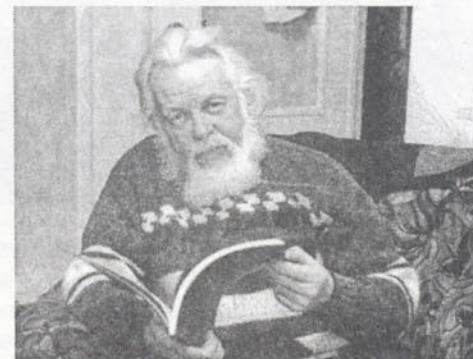
Внучка крепостного гидротехника

Нынешний апрель настаивает на том, чтобы мы, несмотря на вынужденное отставание журнала от графика выхода в свет, вспомнили одну литературную дату — 140-летие со дня рождения русской писательницы Елизаветы Гадмер.

При этом неизбежно вспомнится и другое: широкому читателю о внучке крепостного демидовского гидротехника Климентия Ушкова впервые рассказал «следопыт» Ю.М. Курочкин — один из основателей нашего журнала, создавший на Урале школу литературного краеведения.

Именно Юрий Михайлович, пользуясь очень немногими публикациями, а главное собственными архивными разысканиями, восстановил биографию Елизаветы Саввишны Гадмер. Его «Реконструкция одной судьбы» была сначала напечатана в журнале «Урал» (1980, № 11), а затем вошла в книгу «Уральские находки» (Св., 1982).

Первую книгу 20-летней поэтессы издала в 1884 году газета «Екатеринбургская неделя» — «Стихотворения Елизаветы Ушковой». Затем, уже став женой некоего Голова, она издала «Стихотворения Елизаветы Головой» (1887), а потом подписывала все свои творения девичьей фамилией матери — Гадмер. Ее стихи выходили в российских издательствах, печатались в таких «громких» журналах, как «Русское богатство» Н. Михайловского и В. Короленко. Писала не только стихи, но и народные книжки, например, «Князь Серебряный» — по роману А. Толстого, и драмы, например, «Искупление», поставленное Ека-

теринбургским театром в 1893 году под названием «Сусанна», рассказы для детей... Мы не говорим сейчас о литературных достоинствах ее пера: роль любой женщины в литературе драматична и не укладывается только в рамки критической оценки.

В голодный 1891 год она открыла в Екатеринбурге детский приют, два года спустя — библиотеку-читальню. Была одной из основательниц нынешней Белинки...

После разрыва с мужем, в 1908 году Елизавета Саввишна покинула Урал. Ее дальнейшая скитальческая жизнь малоизвестна и не изучена.

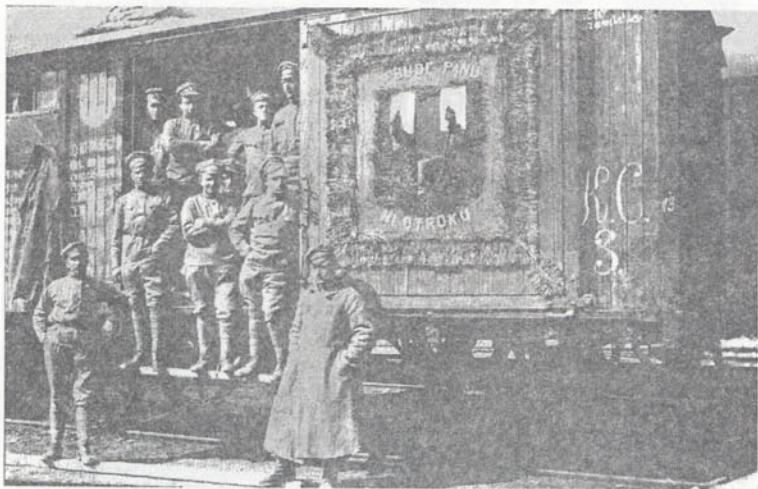
«Уральский следопыт» не раз обращался к стихам и судьбе Елизаветы Гадмер. Ее стихи напечатаны в «Антологии Цеха Поэтов» (Т. 2. М., 1997) и в сборнике «Поэты Урала» (Т. 1. Св., 1976). Обстоятельную статью посвятил Е. Гадмер новейший биографический словарь «Русские писатели» (М., 1989).

Юлий Горбулов

Фото. Е. В. Савенко

Иван ПЛОТНИКОВ, г. Екатеринбург.

Чехословацкий корпус

Группа чешских легионеров у своей теплуши.

В мае исполняется 85 лет со времени восстания Чехословацкого корпуса — военного соединения, оставившего на Урале и в Сибири едва ли не самый заметный след, но от этого не ставшего менее загадочным и малоизученным явлением периода российской революции и Гражданской войны.

Вопрос о формировании в странах Антанты воинского корпуса был решен Чехословацким Национальным советом, созданным в 1916 году в Париже. Совет ставил перед собой цель отделения Чехословакии от Австро-Венгерской империи и образование самостоятельного государства-республики. Его возглавлял Т.Г. Масарик, государственный деятель и философ. России совет уделил особое внимание. Здесь был создан его филиал, который в мае 1917 года возглавил сам Масарик. Деятельность Филиала горячо поддержали Временное правительство и Ставка.

Осенью 1917 года из военнопленных австро-венгерской армии, эмигрантов чехов и словаков с привлечением русских офицеров на Украине, в тылу Юго-Западного фронта, и был сформирован Чехословацкий корпус. Его командиром был назначен генерал-майор В.Н. Шокоров, а начальником штаба — генерал-лейтенант М.К. Дитерихс (оба — россияне). Численность составляла вначале 30, а затем достигла 40 тыс. «штыков», составивших 2 дивизии,

запасную бригаду и отдельные подразделения (польская дивизия, сербский батальон и пр.). По начальным планам, согласованным с правительствами стран Антанты, корпус должен был переместиться во Францию, пополниться там и стать автономной составной частью французской армии.

Но тут грянул Октябрьский переворот. Положение и Национального совета, и его филиала в России, и самого Корпуса крайне осложнилось. Советское правительство пыталось использовать части Корпуса в своих военно-политических целях, вплоть до борьбы с отделяющейся от России Украиной. Оно не разрешало эвакуировать его соединения коротким путем — через Архангельск, а назначило восточный вариант — по длиннейшей Транссибирской магистрали во Владивосток. В марте 1918 года эшелоны с личным составом Корпуса растянулись на гигантском пространстве от Пензы до Владивостока.

Но вскоре их продвижение прекратилось. Стали поступать тайные приказы из Москвы, в том числе приказ Народного комиссара по военным и морским делам Л.Д. Троцкого, который, как и все правительство В.И. Ленина, испытывал давление немецкого посольства. Приказы требовали то разоружения Корпуса, то переформирования, то фактической его ликвидации как военного боевого соединения. За невыполнение, конечно же, грозил расстрел.

Возникла чрезвычайная ситуация. От полного разоружения Корпус отказывался; попытки осуществить его местными властями, в частности на Урале и в Западной Сибири, оказались безуспешными и приводили лишь к обостряющимся конфликтам. В этих условиях страны Антанты, игравшие определенную роль в судьбе Корпуса, решили оружие не сдавать, а поднять соединение на открытую вооруженное сопротивление советским властям и пробиваться во Владивосток. Такое решение было принято 20 мая на совещании в Челябинске, где находился филиал штаба Корпуса.

Корпус к тому времени состоял из четырех групп: пензенской (около 8 тыс.), челябинской (ок. 9 тыс.), сибирской (ок. 11 тыс.) и владивостокской (в литературе эта группировка, в которой насчитывалось до 14 тыс. штыков, иногда именуется 3-й дивизией). Командовать выступлением групп было поручено: пензенской — С. Чечеку, челябинской — С.Н. Войцеховскому, сибирской — Р. Гайде (Гей-

длю), владивостокской — М.К. Дитерихс, который находился уже там.

Первой восстание начала группа Р. Гайды, тогда капитана, а прежде военного ветеринарного фельдшера, в свое время присвоившего себе офицерское звание. 25 мая она захватила Мариинск, затем Новониколаевск (Новосибирск). 26 мая выступила группа подполковника С.Н. Войцеховского (тоже россиянин) в Челябинске и без труда захватила его, ограничивая действия местных властей. Группа поручика С. Чечека 29 мая захватила Пензу, на другой день — Сызрань. Успешно действовал генерал М.К. Дитерихс, но в специфических условиях уже наличия в Приморье американских и японских интервентов. Во Владивостоке советская власть была свергнута чехословаками 29 июня. Словом, к концу мая основные пункты Транссибирской магистрали оказались в руках Корпуса.

Его выступление послужило мощнейшим толчком к усилению гражданской войны, начало которой было положено октябрьским восстанием большевиков в Петрограде. Она из очаговой (на Урале — в районе Оренбургского казачьего войска) превратилась в масштабную, всеохватную. Практически повсеместно, особенно на Востоке страны, усилилось повстанческое антибольшевистское (отнюдь не везде антисоветское) движение.

Зауралье, Тобольская губерния в майские и июньские дни 1918 года стали районом ожесточенных сражений между чехословацкими частями и белоповстанцами, с одной стороны, и красногвардейскими отрядами и соединениями Красной армии — с другой.

Следует подчеркнуть, что уже в ходе успешно начавшегося восстания руководство Корпуса не исключало возможность мирного разрешения проблемы его эвакуации. Однако эти инициативы не были поддержаны. Приказы о разоружении восставших, расстреле не подчинявшихся солдат и офицеров продолжали. На решительные действия Корпуса против существующей в стране власти, все определенное скатывающейся к авторитаризму и терроризму, ориентировались офицерские кадры, особенно из российской части. В мень-

шей мере — солдаты. Сказывалась демократическая ориентация чехословаков, потом выразившаяся в государственном устройстве их республики, уважение к русскому народу.

Отношения чехословаков с большинством населения складывались благоприятно. Масса крестьян, многие рабочие, средние слои города, интеллигенция, не говоря уже о буржуазии, встречали чехов и словаков как освободителей от большевизма. Но по мере ужесточения установленного с их помощью военно-политического режима белых, уклонения корпуса от борьбы на фронте, введения карательных функций и особенно — обогащения за счет приютившей их страны, отношения стали резко меняться в обратную сторону.

В майские и летние дни 1918 года в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке наблюдалось триумфальное шествие Корпуса. Сопротивление ему, как и белоповстанческим силам, шло по убывающей. Превосходящие по численности силы красных терпели одно поражение за другим, местные отряды порой просто распадались, красноармейцы дезертировали или сдавались в плен.

Заштитникам советской власти в Зауралье пришлось иметь дело и с челябинской, и с сибирской группами Чехословацкого корпуса. На станции Курган сосредоточилось 6 эшелонов численностью более 2700 человек. Курганский совет обратился к крестьянам и казакам с воззванием о вступлении в ряды Красной армии. Был создан штаб обороны города, который возглавил военный комиссар В.В. Губанов. Но село на помощь не спешило. Пришлось опираться на имеющиеся в городе отряды. Утром 2 июня чехословаки двинули свои силы. Вместе с ними шел и отряд белых, вышедший из подполья и быстро пополнявшийся. Красногвардейцы потерпели поражение. И чехословаки в тот же день овладели городом.

Из Кургана челябинская группа развернула наступление на Омск, а навстречу ей двигались части сибирской группы, но встретили серьезное сопротивление, органи-

Ян Сыровый,
командир Чехословацкого
армейского корпуса.

Р. Гайда (Гейдель),
командир полка
Чехословацкого
корпуса.

зованное Западно-Сибирским советом и военно-оперативным штабом. На помощь Омску по свободной северной железнодорожной магистрали прибывали отряды из Тюмени, с Урала. Если Новониколаевск легко пал вслед за Маринском, то Омск удерживался красными до 7 июня. Эвакуировались учреждения и отходили на Тобольск и Тюмень сохранившие боеспособность отряды. Началось длительное сражение в районе Тюмени.

Челябинская группа чехословацких войск развернула наступление не только в восточном, но и в западном направлении — на Уфу и к Поволжью, для соединения с группой С. Чечека, которая с тяжелыми боями двигалась навстречу. Соединение произошло во второй половине июля.

На Урале важнейшей задачей группы Войцеховского было занятие административно-политического центра — Екатеринбурга. Военные действия на Среднем Урале во многом предопределяли и положение Тюмени, Зауралья. С 14 июня войска красных Среднего, Северного и Западного Урала, а также сибирские, сконцентрировавшиеся под Тюменью, были объединены в Северо-Урало-Сибирский фронт под командованием Р.И. Берзина, но его действия в конечном итоге носили лишь оборонительный характер. 20 июля они вынуждены были оставить Тюмень. Ею овладели части и отряды Сибирской армии полковника Г.А. Вержбицкого.

Обеспечив группе тылы, С.Н. Войцеховский силами сформированной группы белых, оренбургских казаков и чехословаков в середине июля развернул решительное наступление на Екатеринбург, взял его в полукольцо и 25 июля занял. В августе уже все Зауралье, а в сентябре-октябре — большая часть Среднего Урала была Советами потеряна. Переформированный в 3-ю армию Северо-Урало-Сибирский фронт красных отступал. Противобольшевистские силы Урала и Сибири и части 2-й чехословацкой дивизии в августе образовали единую Екатеринбургскую группу — часть Сибирской армии и Чехословацкого корпуса, вошедшего в подчинение французского генерала М. Жанена, главнокомандующего интервенционистскими силами.

Командующим группой вначале был С.Н. Войцеховский, произведенный в генералы, а с октября — генерал Р. Гайда.

И на Урале, и в Поволжье до конца 1918 года чехословацкие соединения играли доминирующую роль. Во многих городских гимназиях, в том числе в Тобольской губернии, в частности в Кургане, Тюмени и Тобольске постоянно или эпизодически размещались подразделения Корпуса. В Тюмени длительное время находился один из полков 2-й дивизии. Два его подразделения из 50 чехов и 86 сербов пребывали в Тобольске. Их в октябре 1918 года использовали при подавлении восстания в каторжной тюрьме.

Но обстоятельства резко менялись. Страны Антанты отказались от организации широкой интервенции в Сибирь и на Урал. Германский блок потерпел поражение в мир-

Американская гостиница в Екатеринбурге.

вой войне, и образовалась Чехословацкая республика. Росли потери белых на фронте в борьбе с крепущей Красной армией. Произошел правительственный переворот в Омске, где к власти пришли правые силы во главе с адмиралом А.В. Колчаком. Большевики сделали ставку на внутренние силы, на мощную русскую армию и приняли меры по прекращению или ограничению действий леворадикальных (эсеровских и других) течений, близких по духу к личному составу Корпуса.

Все это привело к изменению его позиций и ориентаций. В частях Корпуса усилились требования отправки на родину. В декабре 1918 — январе 1919 годов под предлогом передышки и доформирования соединения чехослова-

В.Н. Шокоров, Первый руководитель Чехословацкого корпуса.

по приказу М. Жанена переориентировались на внутреннюю охранную службу.

Однако эвакуация корпуса откладывалась. Солдаты проявляли недовольство использованием их как карательной силы против повстанческо-партизанского движения в Сибири, достигшего громадных размеров. Наблюдалось революционизирование и даже большевизация части солдатских масс. Участились случаи неповиновения их начальству.

20 мая на станции Тайга открылся общевойсковой съезд, затем продолживший свою работу в Иркутске. Он протестовал против использования частей корпуса в охранно-карательных целях. Часть его делегатов была арестована (в дальнейшем освобождена). Командование корпуса и специальная коллегия для России, созданная вместо ликвидированного Филиала Национального совета (руководитель — вначале Б. Павлу, а в дальнейшем — В. Гирса), вступили в конфликт с Верховным правителем А.В. Колчаком. Они стали игнорировать его политические и воен-

ков отводятся в тыл. А затем военный министр Чехословакии принял решение снять корпус с фронта. С 1 февраля 1919 года корпус получает статус «армейского» — Армейский корпус чехословацкой армии. Штаб из Челябинска перенесли в Иркутск. С весны 1919 года части Корпуса

ные решения, поддерживать социалистическую, эсеро-меньшевистскую оппозицию, в том числе созданный ею в Иркутске Политический центр. А он в декабре 1919 года захватил власть, отстранив правительство Колчака.

Возможность продвижения эшелонов Корпуса к Владивостоку оказывалась проблематичной. В Прибайкалье и на Дальнем Востоке достигло огромного размаха партизанское движение, руководимое коммунистами. Оно грозило разрушить железнодорожную магистраль. И чехословацкое руководство заключило с советской стороной тайное соглашение: корпусу обеспечивается перемещение во Владивосток и эвакуация на родину с огромными ценными грузами, а он, в свою очередь, осуществляет арест Колчака, задержание следовавшего с ним «золотого эшелона» и передачу его советской власти.

А.В. Колчак, 4 января 1920 года отказавшийся от власти, был арестован и вместе с бывшим председателем Совета министров В.Н. Пепеляевым передан Политцентру. С переходом власти к губревкому, узники оказались в распоряжении большевиков. По тайному приказу В.И. Ленина 7 февраля 1920 г. они были расстреляны. «Золотой эшелон» по изъятию значительной части его содержимого чехами был тоже передан ревкому, а позднее — центральным властям. В тот же день, 7 февраля, на станции Куйтун между правительством РСФСР и командованием Корпуса было подписано соглашение о перемирии. Началась интенсивная и длительная эвакуация частей и имущества корпуса через Владивосток морем, закончившаяся 2 сентября 1920 года.

Домой. Погрузка на пароход «Америка». Начало 1920 г.

Александра ГУРЬЕВА-САЖАЕВА

Александра Гурьева-Сажаева. Художник. Участница многих выставок в Москве, Екатеринбурге и других городах. Призер выставки, организованной женским объединением «Ираида». Работы печатались в журналах «Родина», «Сельская новь» и др. Живет и работает на своей малой родине - в деревне Глухово Богдановичского района.

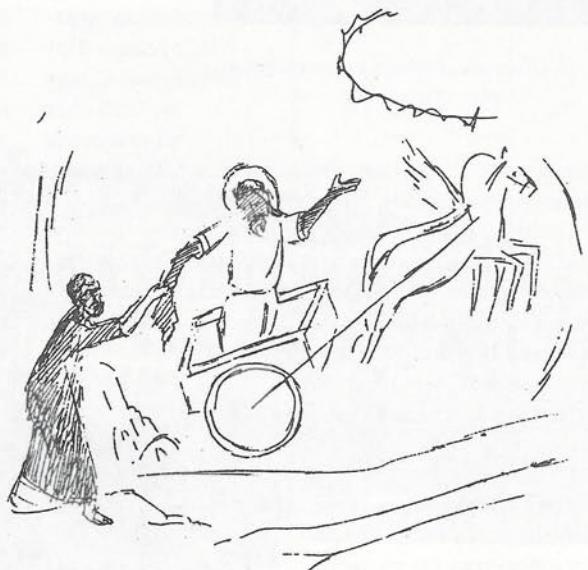
Ильин день

Очень раннее утро, в доме еще сумрачно. Просыпаюсь и сразу слышу звуки. Скрип половиц на кухне, перезон чугунов, шипение кипящей на печи воды, стук принесенных поленьев, и вдруг тихий ласковый голос: «Шура, вставай». Так начинался каждый новый день. Мне 7 лет и рядом мама. И еще высокие деревья, еле заметная лесная дорога с высокой травой-лабазником, идем с матерью с покоса домой, уставшие, и молчим. Пахнет груздями и ягодами — август. У каждого человека свое ощущение детства — у меня это запахи и звуки родного дома, мамины сказки и ожидание Нового года в запорошенном снегом декабре. И зачем тоска догоняет меня, и не дает уснуть, и возвращает меня снова и снова в мое детство, не знаю.

*И в Божий рай пришедшие с земли
Устали, в тихом доме прилегли...*
Владимир Набоков

Мама была уже совсем больной и немощной, все чаще лежала, глядя в окно, но что меня всегда удивляло, вдруг ярко и подробно вспоминала моменты своей прошедшей жизни. Я стала записывать воспоминания в тетрадь, матери уже давно не было, я открывала записи и как-то живо представляла судьбу эсеничины, родившейся в начале века. Судьба эта мелькнула и исчезла вместе с ее трудно прожившим свою жизнь поколением. Нас окружает уже совсем другой мир, холодный и расчетливый. Когда пусто и одиноко на душе, хочется согреться, как возле большой печи, в старом нашем доме возле маминых воспоминаний. Ее родная деревня с тех пор порастеряла почти все, что делало ее самобытной и интересной, осталась только высокая гора на краю деревни, где когда-то стоял храм, и еще дорога, поросшая одуванчиками и молодой полынью.

Почему-то не оставляет меня чувство вины перед мамой. Смогу ли я так же соединить прошлое и настоящее для своих детей, уже взрослых? Они тоже всматриваются в лица бабушек и дедушек на выцветших фотографиях и задумываются о чем-то. Простые деревянные

Огненное восхождение пророка Илии.
С иконы XVI века.

кресты предков на заросших кладбищах — как метки уходящего времени, слишком быстро уходящего: не промелькнуло бы важное и главное. Каждое поколение в роду проживало свое время и уходило, оставляя не только горечь потерь, но и светлые воспоминания. Время меняется, но остается семейный уклад, дом — все это сдерживающие начала от греха и душевной скверны.

Когда-то попала в мои руки старая полуоборванная фотография. На фотографии — красивый, с колоннами у входа, храм на высокой горе. Оказалось, что это и был

храм Ильи Пророка, построенный в прошлом веке на средства большой округи деревень и замок, и был в этом селе самый большой приход в округе. Шли и ехали туда люди целый век то по раскившей от солнца дороге на Пасху; то в конце лета на Вознесение по блестящей от августовского солнца накатанной телегами, везли отпевать; то по накрытой белым рождественским снегом. Дорога поднималась круто в гору, и от этого ли или еще от чего чаще билось сердце и в ногах немели слегка мышцы.

Деревня была родиной моей матери, Сажаевой Натальи Петровны, урожденной Старковой.

Она часто рассказывала о том, как жила у попа в работницах лет в тринадцать, качала в зыбке поповских детей, пекла хлеб — плохой неукисший, обсыпанный золой; понапалу находила то под половиком, то у порога монетки и возвращала их попадье (деньги подбрасывались специально — проверяли на честность). Однажды приехавший в деревню Архиерей был торжественно и пышно встречен всей деревней, размели даже пыль на главной дороге и половицах, а с обочин уносили мусор подальше от дороги. Поставлены были березки, молодые, видимо, была Троица, или престольный праздник Ильин день. В этот день лечат порчу водяную, кликуш, припадки. Лечить нужно три раза в один день — на утренней заре, в обед и на вечерней зорьке. Хорошим признаком считается, если в этот день пойдет дождь. Значит, человеку, которого лечат, будет долгая жизнь.

В детстве мама была тихой, набожной, стеснительной, может, поэтому и надолго задержалась в поповском доме в няньках. В деревне было два попа: отец Павел и отец Константин. У отца Павла на окнах спели помидоры — что это такое, никто в деревне не знал. Обижались: дескать, придется к ним, у них вон яблоки на окнах лежат, и даже не угостят никого.

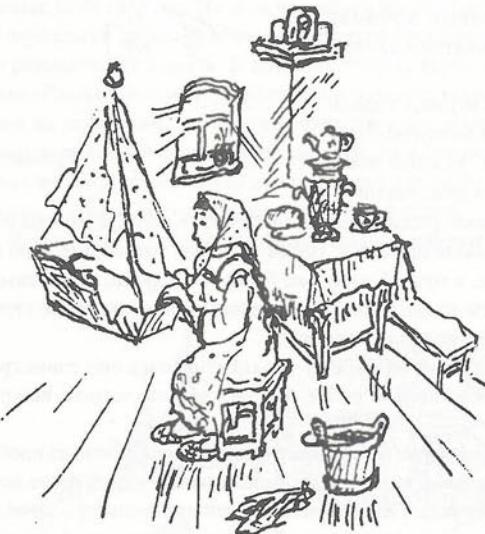
Самым удивительным в этом доме была библиотека, полки с рядами книг притягивали и вызывали уважение. Вечерами тихонько заходила мать в эту комнату и брала с полки еще не прочитанную книгу. Стихи Некрасова и Кольцова были самыми понятными и близкими сердцу строчками. Поле и гумно за деревней, васильки во ржи и шум березок в ближнем колке — это было и в стихах, хотелось все заучить наизусть. Мир открывался и расширялся в этой комнате до размеров вселенной, волновал детскую душу. Вспоминала она, как в церковь ходила, богомольная была: «Матери все некогда было, и мы с сестрами часто бегали молились. В Велико Говене — на исповедь. На исповедь-то не сразу — день молиться надо».

Так все переплелось в жизни: духовное и самое низкое, мирское, соединилось в пестрый тканый половик, где суровая серая нитка граничила с нарядной красной или синей.

Деревня растянулась на много километров вдоль реки — илистой, тихой, заросшей местами купавками и камы-

шом. Берега крутые, с змеинymi тропками по бокам и бerezками у самой воды. Пониже церковной горы берег раскололся от эрозии и представлял собой глубокий овраг, поросший кустами и березами. Мама еще девчонкой бегала туда по грибы. Иногда из илистого бока оврага выглядывали края долблевых деревянных гробов и чьи-то истлевшие кости — дети пугались и убегали оттуда, а потом снова находили остатки чьей-то давним-давно умершей плоти. Видимо, здесь было древнее захоронение предков, так же собирающих грибы и ягоды по утрам. Может быть, где-нибудь здесь вместо церкви стояла часовенка — она-то и могла быть предшественницей Ильинского храма...

По праздникам в деревне устраивались гулянья, мелькали тут и там парочки «синекубники» (синие сарафаны с цветами), побогаче девки гордо шли в кофтах с напуском и юбках в складку. Парни поглядывали на незамужних и приглашали на танец. Венки хороводов расцвечивали крутой берег речки, играла гармоника. На Троицу сначала шли в церковь к обедне, а после трапезники раздавали в руки молодым и старым зеленые терпко пахнувшие смородиновые ветки. Спускались по крутым берегу к речке и бросали их в воду: чья ветка потонет, тот умрет, не потонет —

В няньках.

жить будет. Со страхом следила мать за своей веткой, но век ее оказался долгим и трудным, и все еще у нее было впереди. К вечеру на стол ставился большой самовар, гостей было много, родню и просто знакомых приглашали. Купленные в церкви свечки и ладан были приготовлены и лежали на чистом полотенце. Дед клал ладан в шабалу и «кадил» в избе. Все наполнялось этим запахом, и долго он

еще оставался где-нибудь в самом дальнем углу над полатями и напоминал о празднике.

Время растягивалось в длинную череду праздников и будней. Маленькая девочка становилась застенчивой девушкой, с толстой рыжеватой косой — это была моя мать. А пока бегали, прижимая к себе холщовую сумку, ученики в церковно-приходскую школу, познавали Закон Божий и верили, что этот закон единственный и понятный. Правда и непреложность этого закона были в душе и вели по жизни, не давая плутать и воровать, пить и ненавидеть.

Где-то в 20-х годах открылось кредитное товарищество. Мой дед купил сепаратор, построил маслобойку. Пропадал он на этой маслобойке день и ночь, пока монтировал незнакомый механизм. Бумаги не было, искурил Евангелие, которое осталось в доме еще от его родителей. Ходили девки на посиделки, до ночи прядли или вязали длинные белые кружева для кроватей и скатерей.

На игрища ходили к вдове Катерине Леонтьевне, каждый нес с собой хлеба, парни — гармошки; рассаживались по лавкам и поглядывали на тех, кто больше нравился. Вдова являлась только под утро от дочери, в пустой избе уже было все убрано, выметены и вымыты полы, у печки принесены дрова, на столе стоял пустой еще теплый самовар.

Вот такие праздники — заканчивались они снова группой крестьянской работой и ожиданием чего-то нового, светлого.

Матери уже было 70 лет, она смотрела в окно на пробегающее мимо время и вспоминала, что сегодня Спасов день — 14 августа. Первый спас — бери рукавицы про запас. В этот день, сказала она, у Соломии, ее сестры, был день рождения. В церкви шла служба, и она всегда молебен проводила там. Умерла сестра совсем молодой: была у нее неизлечимая и непонятная болезнь — эпилепсия.

Мы ходили в школу, которая совсем не походила на мамину церковно-приходскую. Уроки истории напоминали политическое обозрение, где события оценивались, как вздумается учителю. Из сознания красногалстучной пионерии начисто выветривалось слово русское, литература уже была почти вся советская. Бунин, Набоков, Солженицын даже не упоминались, безобидный Кольцов со своими васильками и полями не уживался с «железобетонными»

поэмами первых пятилеток. Осознание себя и своего отечества потихоньку вытравлялось пионерскими сборами, «клинейками», демонстрациями. Только мы, росшие в простой крестьянской избе, чувствовали ненатуральность этого казенного бытия. Наступивший новый век мало что изменил в нашей семье. Все так же стрекотала швейная машинка «Зингер» по ночам — матери надо было заработать на хлеб насущный.

По воскресеньям ей вспоминалась молитва, которую она шептала в церкви: «Верую во единого Бога, Отца вседержателя творца... Небо и землю видимо же всем и неви-

Троица.

димо...». Вспоминался зеленый высокий берег и избушка на берегу. Дружила она тогда с Еленкой. Взяли эту сиротку соседи Григорий Петрович и Надежда Николаевна, но кормили худо, и стала Еленка воровать у них хлеб, нестерпела постоянные побои и однажды рано утром куда-то исчезла из деревни, ушла и умерла где-то в соседнем селе от голода никому не нужной.

Уехали Григорий Петрович и Надежда Николаевна в 30-м году строить Уралмаш. Увезли с собой корову, вырыли там себе землянку и жили в ней. Место стройки все было изрыто котлованами будущего гиганта машиностроения. Шел однажды Григорий Петрович пьяный и упал куда-то в одну из ям, там и замерз. В деревне говорили, что это их Бог за Еленку наказал.

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

Давно уже поднялся и изменился ближайший наш индустриальный центр, назван был он в честь революционера Свердлова.

Отец наш работал после войны на маленькой станции Богданович — имел за это зарплату в 43 рубля, суровую железнодорожную шинель, сапоги и фуражку. Проезд был

до Свердловска бесплатный. Ходил в Свердловск очень рано дачный паровозик. В темном холодном вагоне на дощатом сидении мы с восторгом смотрели за окно поезда, когда приближался шпиль вокзала с часами. Выходили на перрон и попадали в другой городской мир, где сновали носильщики в фартуках, зазывали купить товар мороженицы с деревянными лотками, скрежетали проходящие трамваи — все это оглушало и вселяло в душу панический страх: только бы не потерять из виду мелькающую в толпе шинель отца. Дорога поднималась в гору к Вознесенскому храму, но там давно уже был краеведческий музей, а рядом в старом господском особняке — Дворец пионеров. Намотавшись за день по пассажам и цумам, получала в награду эскимо на деревянной палочке, сидилась тут же на ступеньках магазина и съедала под шарканье сандалей и кирзовых сапог покупателей.

Шел 1958 год, не было Сталина, войны и карточек. Мама, разгоряченная и растерянная, приезжая домой из большого города, скорее бежала поить ревущую и вечно голодную скотину в конюшне, все возвращалось к своему нехитрому смыслу деревенского бытия. Вспоминалось ей снова ее детство — далекое и призрачное уже видение 60-ти летней женщины.

Самым любимым праздником матери с детства была Пасха. «На Пасху как-то всю ночь молились, всякою она была, задремлешь под утро, а потом очнешься, поп уже в белой ризе, свечи зажжены, под утро Христос Воскресе запоют. Как-то задремала моя подружка Ефрасья Андреевна со свечой, и загорелась «лопотина» на спине у старухи впереди стоявшей. Ночью-то нас мама в Пасху не отпускала иногда, говорит: смотрите в окошко — на колокольные всяки фонарики зажигались».

В деревне на этот праздник уже прогревалась земля, с небес спускалась благодать солнечного тихого утра, поля ожидали своих пахарей, на полях сутились вечные грани. Ребятишки играли в мячики, сшитые из тряпок, а бабы сидели на лавочках, отдыхая после утренних хлопот у печи и со скотиной. Совсем маленькой девочкой мать пасла коров: разбудят рано утром, обуют в обутки, наденут пальтишко, шаль — и на пастице. Эти пасторальные истории были и в нашем детстве. Так же точно будили и нас. Бежишь утром с большой вицей в руке, в резиновых сапогах, еще темно, собираешь стадо со всей улицы, громко зазываешь сонных коров и их хозяев за ограду. День тянулся долго-долго, вмешая в себя, казалось, целую вечность.

Когда смотрю теперь на картины голландских живописцев, на румяные пухлые щечки пастушек всегда почему-то вспоминаю свое детство. Старые немецкие часы в русской избе, привезенные отцом с войны, тихо шли и отсчитывали день за днем — ускользающее суетное послевоенное время.

Мама тогда заведовала небольшим детским садом в нашей деревне и часто в морозы и метели, накинув «верхо-

вую» клетчатую шаль поверх пальто и полушалка, ходила в город с отчетом. В руках всегда был большой черный ридикюль с витой ручкой — там лежали документы.

Вечерами она замерзшая и какая-то тихая садилась рядом с нами на печке и рассказывала про свою деревню. «Сначала-то тятя — так по старинке называла она своего отца — шибко бедно жили. Артемия, брата в «строк» к Григорию-монаху.

Мужик этот редко подстригался, за что и прозвали так, заставляя брата коров пасти. Жена его напечет шанег на весь день, а братец был мал совсем, надел однажды кошелку с шаньгами на шею теленку, тот долго мотал головой и скакал, стараясь освободиться от чего-то непонятного. Проезжал мимо на лошади «в мячиках» староста Федор Вавилович и хохотал до упаду. Веселый был и жадноватый этот мужик: приедет в церковь на своей выездной и, ни на кого не глядя, сразу пройдет к иконостасу. Раньше, кто церковным старостой побудет, сразу богатым сделается».

Летом мама, когда поспевали ягоды, везла нас в деревню Черданцы, тихую, зеленую. В центре деревушки стояла полуразрушенная часовенка, рядом когда-то, вспоминала мама, была еще деревянная школа, разрушенная при советской власти. Вокруг росли громадные кедры, староста церковный продавал с них шишки деревенским мальчишкам. Шел 1959 год. Из окон часовенки неслась музыка, там проходили танцы, у высокого крыльца бродили ленивые разомлевшие свиньи. В дощатом старом клубе «крутили» «Ивана Бровкина». Молодые потихоньку уезжали в город на заработки, потому что единственная молочная ферма не могла обеспечить всех работой, да и стыдновато было уже работать молодым парням с семи классами скотниками, а девки уже не признавали дойки и коров.

Жила у нас в этой деревне тетка Пелагея, мамина сестра.

В школу.

ра — хлебосольная и шустрая. Беспрерывно разговаривая, она выверенными за долгие годы движениями хватала то ухват, то мутовку, то кухонное полотенце, и вот уже на печном шестке дымились большие чугуны с картошкой, на столе закипал самовар, а на чистом полотенце, источая тонкий хлебный дух, лежали калачи.

Тетка мелькала то тут, то там, и говорок ее уже раздавался во дворе, и тяжелое розовое вымя коровы так и ходило под руками. Заканчивался длинный деревенский день в июле. Приезжал на лошади ее сын — добродушный, розовощекий парень Гена. Он возил молоко с фермы.

Когда-то в школе полезли они с ребятами на чердак — завхоз послала найти нужную краску для ремонта. Пока

Ягоды.

они искали, бродили в темноте по чердаку, видимо, отравились парами парижской зелени, пролитой случайно, и сняли их оттуда уже почти бездыханными. Гена выжил, но стал мучаться головными болями. Видимо, невезение преследовало парня — укусил клещ весной, и он опять попал в больницу, вышел уже парализованным, волоча левую ногу, но живой. Так и остался в деревне работать и жить с матерью.

Молодежь уже к тому времени отправилась в города, и некогда зеленая, богатая, ягодная деревенька превратилась в место, заросшее бурьяном и крапивой. Да и районное начальство во главе с председателем горисполкома и глуповатым первым секретарем далеко не способствовали сохранению окрестных деревушек. Ездили ветераны из Черданцев к начальству: больно было им оставлять родную деревеньку, родные избы, куда они пришли когда-то с

фронта бравыми парнями с медалями на груди к своим красавицам-женам, нарожали еще детей, вырастили их и теперь вот оказались ненужными никому.

«Неперспективная деревня» — это определение придумал какой-то очередной дурак в правительстве, и показалось оно директивой по районным и поселковым деятелям. Все тогда укрупнялось и объединялось — фермы, центральные усадьбы, начальные школы, а заодно и людские судьбы.

Теперь, приезжая иногда в эту деревеньку вспомнить ягодное свое детство, я вижу деловито снующих дачников, приехавших сюда за сотни километров. Собственно, большей частью они — дети и внуки тех фронтовиков, но уже ставшие городскими и не очень понимающими, что хождение по кругу за деньгами и волей привело их к своим же деревенским предкам.

Мужики здесь вообще славились своей странноватостью и крутым нравом. Напротив тетки жил Петро Данилович. Едет с горы на лошади, и уже слышно, как матерится; подъезжает к жене, толкает ее в суммет (сугроб) и едет дальше. Как-то ни с того ни с сего захотелось мужику одиночества. Ушел в лес, сделал там балаган и жил. Жена его Анна всем в деревне рассказывала, что из него «дуurnые моши выходят». Сын его Темка ездил за ним, прихватив полушибок, уговаривал. Странно было, что взрослый мужик упрямился, как дите. Не поеду, говорит, и все тут. Потом все-таки согласился, и полушибок надел, осень уже глубокая была.

Все жили долго в деревне — лет по сто, не меньше. Отец Петра — тоже уже старик был глубокий — выходил на промерзшую улицу в чем мать родила. Все удивлялись, бабы говорили: «Ты бы хоть одел чего грешное тело прикрыть». Поворачивался и бросал зло: «А ты откуда знаешь, что оно у меня грешное?» Такой же странностью отличался и муж тетки Пелагеи, всегда сидевший, сколько я помню, по утрам у стола с чашкой чая и дымящейся во рту сигаркой.

Укрупнение колхозов и их заставило сняться с родного ягодного места в деревне Черданцы и перебраться в родительский дом на «центральной усадьбе» в Ильинке. Покосились горестно избушки и в окрестных совсем маленьких хуторках, оставшись без хозяев. Тетка Пелагея и здесь пекла и варила, не зная устали, и всегда вспоминала, как жила в соседней деревне Горушки в нянках у шустрых бабы Лукии Львовны. Вот только муж у нее был ленивый и неповоротливый. В страду собираются, поедут в поле, хлеб «посадят» в печь, а придут уж поздно вечером и вытащат из печи засохшие перегоревшие булки.

Бегали после июльского зноя купаться на реку, круто поворачивающую к другому хуторку Бобры. Весело смотрела эта деревенька с пригорка на Черданцы, но теперь только заросли крапивы напоминали о былом. Разрушались деревеньки эти не от войны, наводнений и пожаров, а

просто в погоне за новым, прогрессивным. Казалось, нужно скорей забыть прошлое в виде вот этих деревушек с плетнями, старыми часовенками, темными покосившимися баньками среди подсолнухов, деревянными мостками. Вон там, уже за березовым леском, за оврагом — светлое благополучное будущее: прямые шоссе с богатыми машинами, коттеджи, а в них веселые, сытые и трезвые колхозные жители.

Все обернулось буквально через 15-20 лет еще большим разрушением, но уже на другом витке. И самое печальное — разрушением душевным. Обиженные и когда-то непонятые жители деревень с упреком смотрят на нас из прошлого, не давая поселиться в душе покоя.

Вспоминалось матери, как в 19-м году справный мужик в ее деревне Игнатий Осипович держал богатую ямщину — кони-то были сытые хорошие. Уставший красноармейский комиссар приказал бойцу запрячь лучших коней на какое-то задание, тот пришел с отказом. Запуганный деревенский народишко, привыкший к постоянной смене власти, безропотно подчинялся всему — может, в этом его и беда. Комиссар, скрипя кожанкой, зашел в конюшню и громко гаркнул: «Запрягай, или...». Игнатий Осипович, взглянув исподлобья, бросил зло: «Вы, засранцы, таких лошадей-то еще не видали...». И не успев договорить, упал спящий комиссарской шашкой, Игнатья комиссар приказал склонить на падиннике, где закапывали обычно пропавшую скотину. Бегала мать еще девчонкой на эти печальные похороны. Лежал в гробы Игнатий, а жена его Катерина причитала: что вот лето, покос, работы много, а ты лежишь... И бессвязные эти причитания рвали душу. Сменилась власть, жена попросила перехоронить мужа в церковной ограде, но поп не дал; с падинника, дескать, нельзя — осквернить территорию. А еще припомнит поп, как Игнатий, прия на обедню, крестился торопливо и, не глядя на нищих, говорил резко: «Проходи, проходи — Бог подаст».

С Петрова дня 12 июня начинали потихоньку косить в логах, болотах, а потом уже и на лесных полянах, где трава поспевала лишь к Ильину дню. К этому главному празднику в деревне уже почти все неленивые откашивались и везли сено домой. Сродный брат деда Иван любилправлять Ильин день подолгу. Всех своих детей — Алешку, Ивана, Федора, Романа и жену Харитину — пошлет на другой день праздника докашивать, а сам еще пирует да песни поет. У деда уж обычно полный дом гостей, бабушкин брат из Щипачей приедет, гостит дня три, а дедушка ворчит, что лошадь их в огороде всю траву смяла.

В этот раз сестра бабушкина Анна приехала на исповедь, исповедалась, а есть нельзя — только после причасния, на другой день. Не спится ей ночью, на желудке голодно. Разбудила бабушку и просит у нее пшеницы в сусле: «Сейчас, говорит, Бог не видит — темно».

Приближался Ильин день — в церкви мыли и скребли полы, стлали половики, ставили на окна герань. Мимо про-

езжали телеги, поднимая тучи пыли. Середняк Миша Быков ехал с поля, заканчивался покосный сезон к этому празднику. Рядом сидели три его сына Сергей, Павел и Андриан, громко пели песни вместе с работниками. Не обижались на него, напоминались с охотой — кормил Миша сытно, а иногда и бражки подавал уставшим косарям.

Летом, если долго не было дождя, устраивали богомолье — часовен по деревне было много, и везде молились. И вправду, небо начинало хмуриться, и вскоре первые капли падали в дорожную, легкую, как зола, пыль. Накрапывал дождь.

Еще одно суматошное деревенское лето заканчивалось. Наступал праздник, освященный службой в вымытой и выскобленной церкви. Каждый, молясь, забывал нудную знойную жару, тучи комаров и однообразный тяжелый труд косца. Насущный хлеб, который так трудно доставался, и молитва в праздничный день немного смывали пот с души и укрепляли надежду на что-то другое лучшее, а может, просто извечную мечту о лубочном будущем, что все еще будет хорошо.

Август пролетал еще быстрее: после Ильина дня снова брались за работу. Потихоньку самые нетерпеливые начинали и свадьбы играть. Венчались в церкви, народу набегало много смотреть. Потом по прогретым, пыльным улич-

Посиделки.

кам ездили на кошевках. Ковры, подушки, дуги у лошадей наряжены колокольчиками, звон их разносился далеко по деревне.

Раньше, если свадьба, невеста ревела за столом, ей причитают, а она ревет. Причеты пели обычно две бабы: Надежда и Парасковья. Были еще «бояре», они в свадьбу

сидят за столом, девки им поют припевки, а они им деньги подают. После, как споют «боярам», прикальывают им цветки на рубахи. Невеста в шелковой парочке, с восковыми цветами на голове, жених тоже в яркой рубахе-косоворотке сидят под иконами в начале стола. Уже в конце гуляния пелась обычно «расхожая-разъезжая»:

Кому ехать домой — запрягай да ступай,
Кому спать-ночевать — стелись да лежись.

Приходил незаметно уже и Семенов день (14 сентября). Все чаще примораживало по утрам придорожные лужи, река уже не радовала теплыми плотиками и ласковой водой, каждый в своем наделе жали, кто овес, кто горох, кто пшеницу.

27 сентября наступало Воздвижение креста животворящего. В голубом высоком небе курлыкали улетающие журавли. Коноплё уже было убрано и провялено. Ждал своей очереди лен, убранный с поля. Трепать и отбеливать его было долгим занятием, но зато когда все было готово, коноплё на веревки прял сам тятя, как говорила мама, а мы с сестрами Пелагеей и Крестиной ткали вечерами скатерти из рогожки, вышивали потом гарусом. Полотенца, тоже вышитые красными нитками, готовились к чёмуму-то приданому: ведь было уже нам по шестнадцать лет. Приходили три дочери соседа Петра Даниловича — Орина, Марфа и Агафья, придут, чинно поклонятся, сядутся все в горнице и вышивают всяк свое, и думают про будущих женихов. На Крещение и Рождество свадьбы особенно часто игрались.

На зиму тятя затачивал верстак в избу и всю зиму занимался столярным делом. Из-под опытных тягинских жилистых рук проворно выходили новые янтарные кадушки, крепкие рамы в новую избу, широкие кухонные лавки и столешницы. Товар расходился быстро, мужики приходили за заказом, долго сидели, смолили цигарки со свежей махрой и разговаривали. Дым этот синей струйкой уходил куда-то вверх и оседал в дальних уголках полатей и печи. Этот запах я всегда чувствовала в дедовой избе, когда уже меня мать привозила в Ильинку в гости.

Дед быстро, благодаря своей изворотливости и трудолюбию, приближался к вполне обеспеченной середняцкой жизни. Семья все росла, и дедовы золотые руки все быстрее двигали рубанок, забивали гвозди, хватали топор, чтобы поставить новый пятистенок. Даже собираясь на заутреню в церковь, тихонько клал в карман стеклорез; бабушка замечала и ругалась: мол, надо забыть о мирских делаах, идя в церковь.

В семье уже появился сепаратор, несколько коров, маслобойка на паях с деревенскими мужиками и послушная лошадка по кличке Буланко. Возили мама с братом на ней клади на гумно, лошадка тихо шла, опустив голову, по накатанной телегами дороге, вечерами долго паслась одна за огородом, уже ночью приходила, зубами выдергивала замок у амбара, лбом открывала дверь и заходила спать.

Утренняя молитва.

Наступил двадцать первый год. Пришли, забрали у бабушки сепаратор, увезли со двора и Буланка, надсадили лошадь тяжелой колхозной работой и, что случается, наверное, очень редко с животными — сошла с ума добная и тихая лошаденка. Коров тоже увезли через неделю, но то ли из жалости, то ли потому, что семья была большая (8 детей), отдали обратно. До кулака дед не дотянул, а потому директива о раскулачивании коснулась его частично.

Еще по-старинке праздновались престольные праздники в окрестных деревеньках. Незаметно жизнь изменялась, все реже на Пасху звучали колокола в Ильинской церкви, тот перезвон, похожий на музыку, остался только в душе моей матери. Илья Пророк, гремя своей колесницей, прокатился по небу последней осенней грозой и исчез. Уже не нужно было идти в Велико Говенье на средокрестной неделе на исповедь. Батюшко виновато смотрел на редких прихожан, торопливо крестил и уходил домой, а вскоре и вообще исчез из деревни. В деревянном клубе, построенным рядом со старой мельницей у реки, играли по вечерам на гармошке, слушали доклады заезжих районных начальников.

Двадцать первый год обернулся голодом и разрухой, дед посеял рожь за рекой, но она не выросла, зато на другую весну взошла дружно зелеными кругами на поле. Обмолотили ее и смололи на мельнице. К Ильину дню 1922 года были с хлебом, хоть и ржаным, бабушка, как вспоминает мама, целый день пекла пироги со спелой свежей земляникой, и все это было похоже на сырое дореволюционное детство.

Лето в тот год было ягодное. Подружек у матери было много в деревне, все ее ровня. Домна, Ефрасья, Катюшка и корявая девка Сонька. Росла эта Сонька в доме незаконнорожденной, никем не любимой. Днем все уезжали на лошадях в поле и оставляли ее в зыбке одну. Заболела она однажды оспой и как выжила — непонятно. Ручонками расцарапывала кожу на лице от заживающих оспин. Да и судьба ее обернулась опять же невеселой. Рано вышла замуж за пожилого мужика, уехали они из деревни в тридцатом году.

Через несколько лет стали жить спрятано — потому что приворовывать стал муженек в детдоме, где работал директором; но сытая жизнь как-то и тут быстро закончилась у Соньки. Умер муж, а вскоре и она сама. Осталась у них девчонка-сиротка, маленькая, с конопатинками у носа и тихая.

Отдали сироту в детдом, приспособленный из мрачного красного кирпича собора с высокой оградой. Вроде и жить стали получше уже в сороковые годы, но от детишек многочисленная обслуга тянула продукты домой. То ли от голода, то ли из любопытства — что за сладкая травка такая, — объялась девчонка белены и умерла. Мама иногда вспоминала, как и они чуть не объялись злой этой травы, но все обошлось. Может, молитва помогла в детстве.

«Живые в помохи в кровь Бога небесного водворится речеть Господи заступник мой еси...»

В тот голодный двадцать первый год много поумирали в деревенке, не успевали отпевать, а молитва та совсем забылась. Матери уже было 80 лет, когда просила я ее вспомнить хоть какие-то слова — но так, казалось, впечатанные в мозг с раннего детства молитвы вдруг забылись, и даже «Отче наш...». Губы ее привычно зашевелились, но произнесли только эти два слова.

За окном мерцали в ряд стоящие три звезды — кичиги, как и тогда, 80 лет назад, вот так же ночью, при

Гриша Свисток - художник.

Отче наш.

свете этих звезд и появилась на свет мать, уже седьмой ребенок в семье.

Тусклый свет освещал маленькую баньку в конце огорода, и писк ребеночка возвестил миру о новой жизни, появившейся в деревне Ильинка августовской ночью. Дед с усталым лицом, одернув косоворотку, посмотрел на небо — кичиги показывали полночь. По соседству, в высокой избе на пригорке, родился еще один человек. Через шестьдесят почти лет станет этот новорожденный чудаковатым мужичком-художником. Гришка Фомин — так звали местного, наивного живописца. Дружил он с маминим братом Артемием и подарил ему на день рождения большую картину маслом «На Самойловом озере» (место возле озера потом почему-то называли «пролетаркой»). В круге озера отражались кусты, по берегу шел охотник, весь увешанный утками, здесь же, в яркой зелени, девки собирали ягоды. Веселый наивный сюжет радовал глаз, когда я ходила к дяде в гости. Над самодельным ковриком у кровати висело полотно друга, а под ним ружье, привезенное со Второй мировой.

Дядя был сильно крутого нрава, еще в детстве начал прихватывать махорки из кисета отца и покуривать. Бабушка выворачивала карманы у штанов и обнаруживала курево. Доставалось дяде потом большой вицей, но это мало действовало, настойчивость и непослушание были основными чертами у Артемия. В школу он ходил мало, прозвали его там «кобыльими сапогами» — за сшитые из красной кожи обуточки. Неподалеку жила старуха, звали Фиена, так он набирает черемухи и снесет ей, продаст на четыре копейки. И чем только не славилась эта Фиена в деревне: портняжки-

ла, шила шубы, заговаривала от разных болезней, даже от того, чтобы долго ребеночек грудь у матери не сосал.

Семьи у всех в деревне были большие. Утром в праздник места не хватало всем маминым братьям и сестрам стоять у божницы. Все тихонько смеются, тятя строго пшикает — и опять тишина. На столе уже кипит ведерный самовар, и шаньги источают аромат такой, что становится невмоготу, но... сначала молитва, потом все остальное.

Наконец, наступил день «жен мироносиц». Бабушка, на минуту забыв об ухватах и чугунах, не стираных рубашонках, преображается. В новом платке, темном строгом платье идет в церковь. По узким тропинкам к высокому крыльцу храма степенно двигаются деревенские бабы — сегодня их праздник. Можно тихо постоять в церковной прохладе, немного подняться над суетой обычного бабского бытия и заглянуть в усталые глаза Богородицы с надеждой и болью.

Хозяйство было большое. Вечером двор наполнялся самыми разными звуками. Две коровы, лошадь, овечки, свиньи, куры, гуси — все это шевелилось, мычало, кудахтало, хрюкало, требовало корма, но до настоящего достатка было еще далеко. Рано утром будили ребятню, одевали обутки, шали и еще по холодной, отливающей серебром росе гнали они скотину на пастбище.

Бабушка каждый день бегала обсудить последние де-

ревенские новости к бедно жившим соседям Григорию и Парасковье, часто они обсуждали эти новости, стирая белые глиной, отполаскивали и отбивали его на широких речных «плотиках». Если сентябрь был погожий, солнечный, успевали и льняное полотно отбелить на берегу.

27 сентября — Воздвижение Креста Животворящего — обычно светлый праздничный день, в голубом небе исчезает косяк журавлей.

В этот день, вечером, мужики собирались в большой избе у Гани (Гаврила), старуха его накрывала на стол, кипятили самовар, рассаживались по лавкам, дымили махоркой и слушали рассказы заезжих цыган про всякие новости.

В Камышлове осенью проводились большие ярмарки. Площадь у церкви Александра Невского кипела повозками и людьми. Мелькали «синекубовые» сарафаны, павловские платки, расшитые гарусом рубахи молодых парней. Кто сжимал в руках вилок капусты, кто приглядывал гостинец у коробейника для жены, кто громко зазывал посмотреть на дойную козу. Ирбитская или Нижегородская ярмарки, наверное, были больше и размашистей нашей. Но по накатанным телегами дорогам и дорожкам в Камышлов тоже стекалось немало люда со своим немудреным товаром.

Взял как-то мать с сестрой их брат Артемий на ярмарку, да потерялись две застенчивые девчушки в этой толче и ходили, спрашивали, не видел ли кто их брата Артемия.

Ярмарка в г. Камышлове.

Какая-то бойкая бабка примирила их еще сидящими в телеге утром и привела, усадила обратно. Брат уже был взрослый, раз в год тятя посыпал его продать семя льняного, овса да клюквы, надранной с Катайского большого болота за деревней. Тут же и прикупали на вырученное краски для тканей.

**«Благослови плод твой,
чрева твоего, яко Спаса родила
еси дум наших... Аминь»**

Соломия, сестра старшая, умерла вскоре после Спасо-ва дня, непонятная болезнь — эпилепсия — убила ее однажды вечером, так в непрерывно повторяющихся приступах она и затихла на лавке у окна. Бабушка, измученная, прилегла в чулане; открыв дверь, дед тихо сказал: «Вставай, Солка-то умерла».

В деревне, если умирала девица, ее тихо везли по накатанной дороге от церкви до кладбища. На могильный крестик привязывали косу, сплетенную из льна с лентой. Такой был обычай (из воспоминаний моей мамы).

Дед срубил новую избу, светлую, с широкими лавками, со сводчатыми окнами и большими полатями. Мужик по прозвищу Крысан со всякими наговорами заводил семью в новый дом и дал ей в приданое ухват и клюку. Первую ночь ночевали на щепах — такой был обычай в деревне.

Возле избы набирал силу молодой тополь, из окна в сенцах был виден берег весь белый от гусей. Вообще Ильинка была гусиная деревня. Любила эта птица топкие ее берега в камышах, теплую, пахнущую водорослями воду. Илистое дно мягко охватывало ноги, когда бабы входили в нее, чтобы пополоскать рубашонки. Река текла, рассекая деревню на две части, то, круто поворачивая, то сверкающей лентой огибало огороды и баньки. Несспешное ее течение напоминало саму жизнь деревенской деревни. Жили и умирали жители большого села, жили подолгу и этому долгожительству способствовала вся окружающая людей, вроде бы неприметная природа. Ничего нет более прочного в жизни человека, чем его испокон века сложившиеся устои, душевный покой.

Наступали первые холода, замерзали по утрам придорожные лужи, опадали последние листья, печально кружащася и падая на серую лужайку возле дома. Как будто печаль эта в природе совпадала с поминальной печалью Родительской субботы. Наступал Покров 14 ноября. От суеты летних жарких дней и последней жатвы хотелось отдохнуть.

От церковной ограды отмечены осенние листья, чисто убрано. Здесь же, в церкви и в самой ограде, в этот день продавался мед прихожанам. Старый-престарый дьякон трясущимися руками брал поминальники, путал имена, произносил иные несколько раз. Видя сопли у ребятишек

на руках баб, шепелявя, замечал: «Вытри ты ему чеплито», — и продолжал дальше.

Поминальников было много: имена, имена, имена, просто Феклы, Оксины, Ферапонты. Покинувшие этот мир еще помнились и витали в стенах притихшего храма.

Так и замыкался еще один крестьянский хлопотный круг от весны до зимы. Скоро белое покрывало накроет дома, огороды, тонкий ледок на реке, еще прокричат краснолапые гуси на берегу и наступит зима — длинная и сытая. Церковный староста, Василий Федорович, замечал, что поступкнули как-то церковные фрески, ждал, что скоро придет артель художников с кистями и красками в деревянных ящиках. Надо бы подновить, думал он, к Крещению, и закрывал шумно тяжелые церковные врата. Последней выходила из церкви одинокая бедная баба Пелагея по прозвищу Курман. Жила она одна, муж умер рано, был чудаковатый и косоватый, за что, по-видимому, и был прозван «Оська-заяц». Кормилась она, в основном, тем, что пускала на игрища молодежь по праздникам и, забравшись на печь до утра, слушала и вздрагивала от веселых криков и плясок под гармошку. Утром за «квартирство» приносили ей парни дров и хлеба. Кроткое и безответное лицо Пелагеи чем-то подхило на полу-старший лик в «Притче о вдовице». Да и библейская история чем-то напоминала ее жизнь в этой родной ей деревне.

Феклушки-странница.

**«Ты куда идешь, скажи мне,
странник с посохом в руке?
Дивной Милостью Господней
к лучшей я иду стране...»**

Почему-то лицо моей бабушки Федосы тоже отчасти напоминало мне лица немногих скорбных, но с ясными глазами Богородиц на божницах старых, выцветших икон. Родившая 11 детей и вскорившая их грудью, она в моем детском сознании была почти святой. Фамилия бабушки была Крысанова. Родом она была из деревни Щипачи Ка-

мышловского уезда. Общины были разные, поэтому, когда мой дед женился на бабушке, ее долго не признавали в деревне Ильинке. И только благодаря ее трудолюбию, какой-то особой доброте сердца, приняли в деревне. В голодные 20-е годы пекла на колхозной пекарне бабушка Федосья хлеб, потому как мастерицей была первой в деревне и под страхом великим иногда прятала под фартук кусок для детей.

Да и дед к тому времени уже быстро начинал осваивать основы столярного и плотницкого дела, если рубил избу бедному мужику, то даже и обедать не всегда садился, чтобы не изызянить хозяев. Сердился даже, что хозяйка от радости, что будет поставлен новый сруб, колола последнюю курицу и накрывала на стол; сердито ворчал, что и кусок хлеба с солью его бы устроил.

Бабушка длинными вечерами садила всех детей на широкую печь и при свете луны в избышное окошко заставляла учить молитвы. Все дети, подобрав под себя ноги на теплых печных кирпичах, шевелили губами и на всю свою долгую крестьянскую жизнь запоминали.

Два маминых брата, Артемий и Дмитрий, в холодных окопах под Москвой, лютых боях под Тихвином, в болотах Белоруссии вспоминали святые слова из старинной солдатской песни, когда служил в армии еще мой прадед:

Зимой частые походы,
Раскрешенские большие морозы,
Во сапожках ножки мерзнут,
О ружышко ручки щиплет.

Наступали холода, но крестьянским рукам отдыха не было и зимой: дед садился и сам прядл нитки на веревки, свивал их, но чаще, конечно, занимался своими «деревянными делами». Распаривал большущие лесины, становились они от кипятка податливые, мягкие и, загибая на «бало», ладил сани, они стояли потом под крышей новенькие, янтарные и ждали своего времени, как поедут они, бойко скрипя полозьями, по подтаявшему «масленично-му» снегу на праздник.

Осенью начинались свадьбы, и катание на конях было обязательно. Из соседней деревни Володино на венчание приезжали на «кошевках», устланных домоткаными коврами, чинные пары, иногда сразу несколько. В Ильинке был большой приход. Перезвон колокольчиков на дугах сливался с колокольным звоном церкви.

Если тысяцкий (крестный жениха) был богатый, то все свечи в церкви зажигались, и староста Федор Вавилович был доволен богатыми угощениями. У деда был брат Степан — веселый мужик с красивым голосом, он часто бывал «дружкой» на свадьбе, знал все порядки и тосты, находил для каждого гостя нужную шутку, часто приезжал под утро, сильно навеселе, с дарами, расшитыми гарусом полотенцами, скатертями, угощением.

Отишельник.

В воскресные дни все шли на молебен. За церковной оградой было тихо. Тут же стояли два амбара, несколько мужиков ссыпали на просвирки привезенную пшеницу, дьякон, подобрав рису, торопил их и спешил к прихожанам. Внутри храма было прохладно, горели свечи, пламя тихонько вздрагивало и опять разгоралось от тихого пения псалмов.

**«Верую в единого Бога, отца
вседержателя, творца Небо и землю
видимо же всем и невидимо...»**

(Воскресная молитва,
рассказанная мамой)

Наступало заговенье, ноябрь, серенько, холодное, зыбкое время. Еще кое-где ярким желтым пятном сверкали кусты калины, сверкали зеркальцами на дорогах застывшие лужи, сороки сутились, перелетая с плетня на плетень, внося хоть какую-то радостную ноту в этот печальный, затухающий перед первым снегом пейзаж. На столе у деда привычно дымился самовар, лежали хрустящие, влажные груздочки в чашке, за столом чинно сидел и тихонько разговаривал дедов брат Степан, приятным мягким голосом расспрашивал о делах в хозяйстве, о новой маслобойке. Дед монтировал ее с деревенскими мужиками и дал попробовать конопляного масла. Степан макнул куском калача и похвалил. В праздники брат никогда не работал и осуждал деда за то, что тот грешил с рубанком в руке по воскресным дням.

По улице, привычно ступая по раскисшей холодной дороге, босиком прошел мужик по прозвищу «Лупан». Был он родом из соседней деревни Щипачи, то ли побирался, то ли свихнулся отчасти, вот и ходил по соседним деревням. На плече висел на веревке большущий пестерь (кор-

зина из ивовых веток), в котором чаще всего было пусто. Собирал «Лупан» всякие цветные черепки от побитой посуды, стеклышки от разбитых керосиновых ламп.

Особенно большим количеством «блаженных» отличалась Ильинка. В деревне их жалели, не трогали, и лишь «пацианца» бежала вслед и дразнила, завида дурачка. Часто, еще помню это даже я, в детстве нам с матерью встречались на дороге старухи небольшого роста с темными глазницами, в красном платке одетом высоким «домиком» надо лбом. В руке большой посох, на шее, на шнурке, почему-то болтался «люминесцентный» бидончик.

Детское и удивительно добре выражение лица объединяло всех этих непутевых, в общем-то, людышек; будто все человеческие пороки — злость, сварливость, жестокость — спотыкались об этих людей и шли дальше, не замутнив ничем их, в общем-то, детские души. Где они жили и чем питались, не всегда даже и знали в деревне. Может быть, эти люди нужны были для чего-то: отрешенные почти от всего мирского, они заставляли на минуту задуматься о смысле жизни.

Их существование на этой суэтней земле ничем, вроде бы, не оправдано — ни потомства, ни крепкого состояния, ни нормального жилья, а если эти люди и занимались тем, чем все занимались в деревне, то сами не понимали, зачем.

На самом краю деревни, называемой в народе Кишкиной, жил мужик Иван. Вырыл он на зеленом взгорье землянку рядом с полем и жил в ней, а вокруг, как в новом ковчеге, росли и размножались куры, утки, гуси, коровы, свиньи, собаки, козы. Всех обитателей кормил Андрей, косил им сено, давал зерна, хлеба, иногда доил коров. И везде: на полу и подоконниках, на лавках стояли крынки с молоком, никому не нужным. Стадо увеличивалось и размножалось само собой, бродило по оврагам и пригоркам, щипало траву.

Почему-то вспомнилась другая землянка. По рассказам матери, она была вырыта в лесу двумя мужиками, Егором и Павлом, скрывавшимися от набора в Красную Армию. Оба были застенчивые и пугливые, не выдержали, да и непонятно было их чисто крестьянским душам, что же происходит кругом. Зачем надо убивать своих же русских, а иногда, случалось, и вовсе односельчан.

Жена Павла держала в няньях мою мать. Иногда ночью Павел приходил тайком в деревню, тяжело вздыхая, курил в сарае, брал припасы: то жареную утку, то хлеба, и уходил перед утром. Однажды мать наткнулась на него у ворот и сильно испугалась. Уже тогда она

поняла, что в жизни творится что-то неладное, и уходит в прошлое тихая, накатанная, как осенняя полевая дорога, жизнь в Ильинке.

На землянке Егора и Павла был навален хворост, но становилось холодно, охотники заметили струящийся дымок из трубы. Сделали облаву и поймали дезертиров, повезли в Камышлов на допрос; дорогой, когда ехали на телеге, Павел выхватил ружье у охранника и хотел застрелиться, но ему не дали. Отсидели они тогда не очень длинный срок и были отпущены на свободу, но с тех пор какая-то трещина постепенно разрушала душу Павла. Жизнь его сложилась, вроде бы, не так уж плохо, позже стал он в школе работать завхозом, делал свое дело исправно, но обнаружилась недостача, и когда-то не выстрелившее ружье охранника все-таки выстрелило через 20 лет. Закончил свою жизнь еще один тихий и безответный житель деревни Ильинки.

Бабушика.

Окончание следует.

Галина КУЛАГИНА

Их творениям

ЖИТЬ ВЕКА

Архитектурными памятниками разных периодов и стилей наш город богат. Конечно, большая часть монументальных памятников, сохранившихся до наших дней, падает на XX век. В кроссворд включены шестнадцать наиболее известных уральских архитекторов, хотя, конечно, список их можно было бы с успехом продолжить.

По горизонтали:

- Автор проектов зданий Управления железной дороги, Товарной биржи (ныне универмаг «Пассаж»), бывшей библиотеки им. В. Г. Белинского (ныне детская библиотека), Дворца культуры железнодорожников, Делового клуба (ныне — Филармония) и др.
- Автор проекта спорткомплекса «Динамо» на стрелке городского пруда и др.
- Автор проекта Окружного дома офицеров.
- Один из авторов проекта комплекса «Городка чекистов».
- Автор памятников Комсомолу Урала, В.К. Блюхеру (в соавторстве с Г.И. Белянкиным).
- Скульптор, автор памятника студентам и преподавателям УПИ, погибшим в годы ВОВ, памятника уральским танкистам на площади УДТК (перед вокзалом) и др.
- Автор проекта зданий Физинститута (площадь Коммунаров), типографии и издательства «Уральский рабочий» (проспект Ленина), городской больницы № 1.
- Старейшина свердловских архитекторов, автор проекта водонапорной башни соцгородка Уралмаша (1930), декора гостиницы «Большой Урал», завершал работы по реконструкции здания Горсовета, входа в дендрологический парк (ул. Первомайская) и др.
- Замечательный архитектор, оставил Екатеринбургу многие здания, построенные по его проектам в первой половине XIX века, среди которых: собор Александра Невского в ансамбле монастыря, дом главного горного начальника (ныне больница № 2 — Набережная рабочей молодежи), большой и малый дом Рязановых (ул. Куйбышева), аптека горного правления (на площади Труда), колонное ограждение дома Растворгueva-Харинова.

тонова, построенного ранее (ныне Дворец творчества учащихся) и многие другие.

10. Автор проекта гостиницы «Большой Урал», реконструкции в 1939 г. нового железнодорожного вокзала, построенного в 1910 г. (в соавторстве с К.Т. Бабыкиным и Г.П. Валенковым).

11. Автор проекта здания Уральского государственного университета (просп. Ленина, 51), застройки улицы Грибоедова на Химмаше, строительного техникума (ул. Малышева).

12. Автор проекта первого в Екатеринбурге городского театра (1848), (ныне кинотеатр «Колизей»), здания первой в городе мужской гимназии (1853) (ныне школа № 9 на просп. Ленина), здания Екатеринбургской гранильной фабрики.

По вертикали:

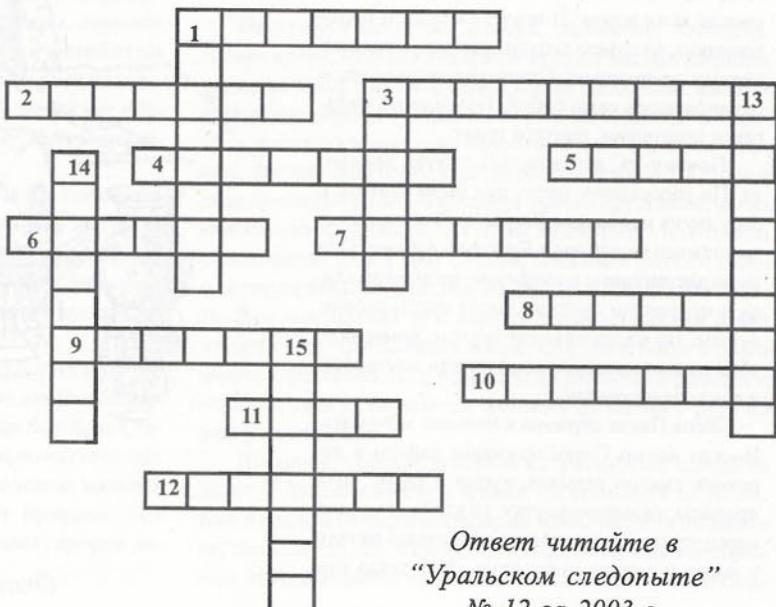
1. Автор проекта Дворца Молодежи, монумента уральцев, погибшим в годы ВОВ, киноконцертного зала «Космос» (в соавторстве с Ю.М. Шаповаленко, Л.Б. Масленниковым, А.Н. Хрущевым, Н.Н. Надеждиным), мемориала на Широкореченском кладбище (худ. М.М. Фаттахутдинов).

3. Автор памятника И.М. Малышеву на площади его имени.

13. Автор проекта Дворца спорта, большого трамплина Уктусского спортивного комплекса «Юность» (ул. Куйбышева) и др.

14. Автор памятника Я.М. Свердлову на площади Парижской коммуны.

15. Автор проектов и строительства Заводоуправления УЗТМ (площадь Первой пятилетки), дома «Мадрид» и ряда жилых домов в соцгородке Уралмаша.

*Ответ читайте в
«Уральском следопыте»
№ 12 за 2003 г.*

природный парк
КОНДИНСКИЕ ОЗЁРА

БЕСПАЛОВА Т.Д.,
зам. директора по НИР, природный парк "Кондинские озера"

Природный парк окружного значения «Кондинские озера»

Природный парк «Кондинские озера» образован на территории Советского района Ханты-Мансийского автономного округа 24 ноября 1998 года Постановлением Губернатора ХМАО № 498.

Природный парк создан с целью сохранения водной системы озер Арантур, Пон-Тур, Ранге-Тур Кондинского речного бассейна и прилегающих территорий с расположенными на них природными ландшафтами, историческими и археологическими памятниками культуры,

Его территория площадью 43,9 тыс. га расположена в западном секторе Западно-Сибирской равнины в пределах Кондо-Сосьвинской среднетаежной провинции.

В территорию природного парка включена система озер, расположенных вдоль левого берега реки Конда, включающая в себя озера Арантур, Пон-Тур, Ранге-Тур и несколько других, меньших по площади, а также реки, ручьи, протоки и старицы. Сравнительно большая озерность является отличительной особенностью природного парка.

Территория природного парка значительно заболочена: болота занимают около 50%. Местами лесоболотные комплексы простираются на многие десятки и сотни гектаров и являются, как, например, уроцище «Сулаймановы острова», наиболее подходящими местообитаниями для многих видов животных (лось, северный олень, медведь и др.) и боровой дичи (глухарь, рябчик).

Флора «Кондинских озер» представляет собой типичный комплекс средней тайги Западной Сибири. Самая распространенная древесная порода — сосна обыкновенная или лесная. В зависимости от условий увлажнения она формирует различные типы соснов-

Рысь.

ков: от лишайниковых до сфагновых (рям). На территории природного парка произрастает 328 дикорастущих видов сосудистых растений. Из них более 80 видов обладают лечебными свойствами, около 30 видов являются съедобными, четвертая часть видового состава растений имеют декоративные свойства.

Основу фауны природного парка составляют типичные «таежники»: соболь, лось, горностай, ласка, заяц-беляк, бурундук. Но, наряду с представителями средней тайги, здесь же наблюдаются виды млекопитающих и птиц, характерные для северной тайги и тундры (росомаха, таежный подвид северного оленя, белая куропатка, гусь-гуменник и др.). В пределах природного парка проходит северная граница распространения нескольких видов млекопитающих (колонок, куница и др.) и двух из пяти видов герпетофауны региона — обыкновенной гадюки и серой жабы.

На сегодняшний день в природном парке и на прилегающих к нему территориях зарегистрировано 37 видов млекопитающих, 178 видов птиц, 3 вида земноводных и 2 вида пресмыкающихся. Из них в особой охране нуждаются виды, занесенные в Красную книгу и ценные охотничье-промышленные виды, численность которых оказалась значительно подорванной в результате неразумного хозяйственного освоения таежных ресурсов в последние десятилетия. Преобладают карповые, а также щука, окунь, ерш, налим.

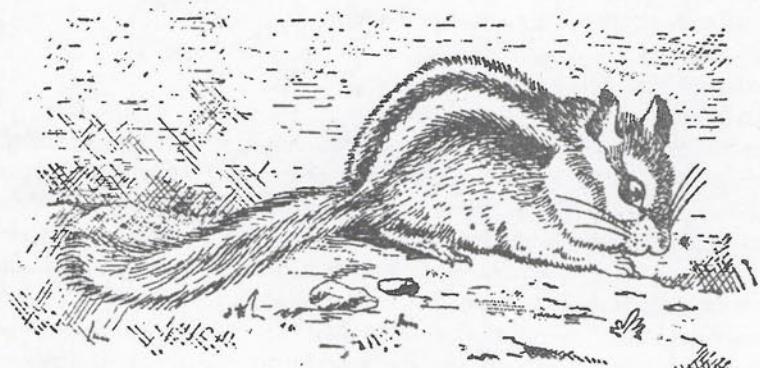
В природном парке «Кондинские озера» находятся под охраной выявленные на сегодняшний день около 300 археологических объектов, являющихся памятниками истории и культуры. Наиболее ранние из них относятся к эпохе мезолита и датируются VII — VI тыс. до н. э. Историко-культурные памятники представлены, в основном, земляными сооружениями, среди которых наиболее распространенными являются поселения (в т.ч. жилища, хозяйствственные постройки, очаги и др.). Кроме того, обнаружены городища, выполнявшие оборонительные функции, могильники, промысловые сооружения (ямы-ловушки, предназначенные для охоты на копытных), производственные площадки, связанные с процессом выплавки и обработки железа (остатки плавильных печей). Необходимо также отметить наличие на территории парка исторического памятника, так называемого «Мансийского тракта», который начинался у оз. Сатыгинский Туман и, минуя пос. Арантур-Пауль, тянулся до устья р. Тапсуй и р. Северная Сосьва.

Земли природного парка не изъяты из хозяйственного использования. Это значит, что наряду с охраной и изучением природных и историко-культурных объектов и комплексов, организацией научно-исследовательской и просветительской деятельности предусматривается и ограниченное природопользование, минимально воздействующее на природную среду. В этом плане для Кондинских озер наиболее остро стоит проблема, связанная с разработкой Тальникового месторождения нефти. В течение пяти лет шла работа по разведке этого месторождения, а с 2000 года начались работы по опытно-промышленному освоению Тальников. Обустраиваются кусты

Глухарь.

скважин и ДНС, строятся дороги и ЛЭП, протягиваются нефтепроводы... Одна из задач, которую природному парку предстоит решить совместно с нефтяниками, — создание рабочей модели экологически грамотного использования ресурсов недр. Разрабо-

Бурундук.

таны и утверждены особые условия разведки и освоения Тальникового нефтяного месторождения, которые предусматривают применение новейших технологий и высокую культуру производства, проведение геологоразведочных и нефтедобывающих работ с учетом особенностей установленного режима фун-

циональных зон парка. Невыполнение их является решающим условием, исключающим дальнейшее осуществление предоставленного права на пользования недрами. Но, конечно, главное — это новое мировоззрение у людей, работающих на освоении нефтяного месторождения... Нефтяники, работающие на особо охраняемой территории, понимают, что, взяв у природы богатства недр, необходимо сохранить ее красоту для потомков.

Сохранение природного комплекса на территории природного парка «Кондинские озера» может быть выполнено лишь на основе научного исследования как естественных, так и антропогенных природных изменений. Управление процессами природопользования, выработка стратегии природоохранных мероприятий возможны только на основе информации о качестве природной среды, тенденциях ее изменения. Такой информационной базой в природном парке «Кондинские озера» является система комплексного экологического мониторинга. Работы в рамках программы мониторинга ведутся природным парком с 1999 года совместно с учеными Тюменского госуниверситета. Эта программа предусматривает системные наблюдения за всеми природными средами, а также за растительностью и животным миром. В 2000-2001 гг. работы были продолжены с некоторым расширением объектов и состава наблюдений. Была составлена программа совместных работ с участием специалистов природного парка, Тюменского госуниверситета и лаборатории экологии и промсанитарии ТПП «Урайнефтегаз». Утвержденная сеть мониторинговых исследований включает 3 поста наблюдений за гидрологическим режимом рек и озер (уровни и расходы), 3 гидрологических скважины наблюдений за режимом подземных вод, 6 почвенных площадок оценки физических показателей и качества почв, 3 площадки наблюдений за почвенной мезофауной, 3 площадки наблюдений за состоянием растительности, 10 створов отбора проб на гидрохимический анализ вод рек и озер, 8 пунктов оценки загрязнения верхнего горизонта почв, 4 точки отбора проб снега. Летом

2000 г. исследовалась радиационная обстановка.

Схема расположения пунктов наблюдения разработана так, что большинство точек отбора проб располагается в зоне развития нефтепромысловых работ. Однако, ряд пунктов находятся на «фоновой» территории, т.е. вдали от источников антропогенного воздействия (нефтепромыслов).

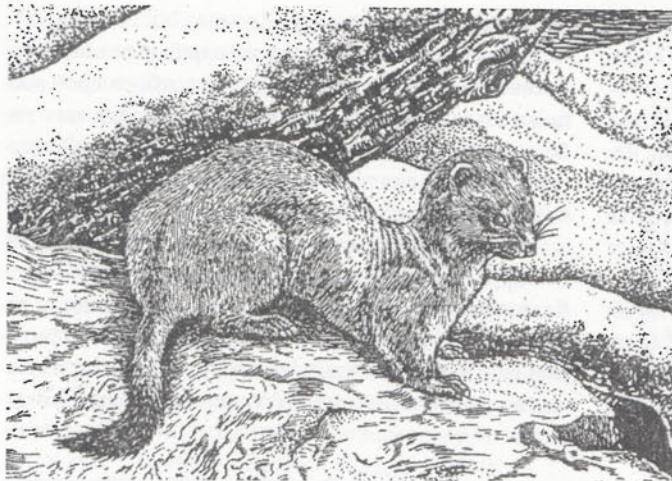
Существенной особенностью наблюдений за состоянием природных сред и биоты Парка является базовая составляющая, охватывающая период с серединой 1999 по середину 2000 года, когда на территории еще не были начаты масштабные нефтепромысловые работы. Данные этого периода являются ба-

Росомаха.

зой сравнения для наблюдений последующих лет.

С целью постоянного слежения за состоянием природного комплекса в природном парке осуществляется программа комплексного мониторинга, которая проводится специалистами природного парка, Тюменским государственным университетом и лабораторией мониторинга ТПП «Урайнефтегаз». Наблюдения за состоянием растительных сообществ проводятся на фиксированных площадках и трансектах, расположенных около эксплуатируемых нефтяных скважин, внутрипромысловых дорог. В июле 1999 г. было проведено рекогносцировочное геоботаническое обследование растительного покрова около

Горностай.

гидрологических скважин, почвенных разрезов и разведочных нефтяных скважин. Были взяты гербарные образцы для флористического анализа. В июле — августе 2000 г. и 2001 г. были заложены площадки для мониторинга растительности.

В 2000 — 2001 гг. природным парком совместно с сотрудниками Уральского госпединиверситета были начаты работы по инвентаризации и динамике водных и наземных беспозвоночных. Учеты животных на территории Кондинских озер проводятся совместно с районной службой Госохотнадзора. Решается вопрос о включении территории природного парка в комплексную программу гидрогеологических исследований окружного и федерального значения. Подготовлена ландшафтно-типологическая карта территории природного парка. Сотрудниками научного отдела природного парка с 2000 г. проводятся регулярные фенологические наблюдения за сезонной динамикой растений на постоянных фенологических пробных площадях, представляющих все характерные для территории биотопы. С 2000 г. ведутся работы по учету продуктивности дикоросов.

Таким образом, комплексный экологический мониторинг природного парка «Кондинские озера», развернутый в 1999 году, позволил зафиксировать фон-

вое состояние природных сред и биоты. Полученные материалы с учетом дополнительных данных в дальнейшем позволят углубить исследования с выходом на прогноз экологического состояния природного комплекса территории при различных вариантах антропогенного давления на него.

Результаты, полученные в процессе изучения природного комплекса, на сегодняшний день позволяют с уверенностью говорить об эффективности тех природоохраных мероприятий и экологически грамотных технологических решений, которые были предусмотрены при разработке Тальникового месторождения.

Для предотвращения браконьерства сотрудниками охраны территории парка проводятся регулярные рейды. С 2002 года начинается работа по совместному патрулированию территории с Советским РОВД. В 2000 г. на территории природного парка начаты работы по опытно-промышленному освоению Тальникового месторождения нефти. Для предотвращения экологического ущерба природному комплексу при разведке и добыче нефтяных запасов, особыми условиями проведения работ на Тальниках предусмотрено применение новейших экологически чистых природосберегающих

Кукушка обыкновенная.

технологий. Сотрудниками службы охраны территории природного парка осуществляется постоянный контроль за выполнением особых условий. За 2001

год было проведено 23 комплексных проверки, в результате которых выявлено одно административное нарушение, не повлекшее за собой административного взыскания.

На территории природного парка проходят полевую практику студенты географического факультета Тюменского госуниверситета, Нижневартовского государственного педагогического университета, специализированная Московская группа школьников. Одной из студенческих работ является изучение рекреационных ресурсов природного парка и определение существующей рекреационной нагрузки на территорию на основе анкетирования отдыхающих. Показательно, что основной своей целью отдыхающие называют общение с нетронутой дикой природой.

Территория природного парка «Кондинские озера» несет значительную рекреационную нагрузку. Здесь традиционные места массового отдыха населения Советского района (отдых и купание на пляжах, сбор дикоросов, любительская охота и рыбная ловля). Наличие сети дорог делает территорию удобной и транспортно-доступной для этих целей. С посетителями территории природного парка проводится регулярная разъяснительная работа.

В настоящее время разрабатываются экологические маршруты на территории и за пределами территории природного парка.

Кроме того, с 1996 года сотрудники природного парка организуют для школьников района экскурсии на территорию парка по программе двухдневного лагеря выходного дня, экологические уроки на природе. Это позволяет детям в течение учебного года не только отдохнуть в лесу, на берегу озера, общаться друг с другом, но и получить дополнительные знания об истории края, его природе и экологических проблемах. Полученная в такой неформальной обстановке информация удачно дополняет знания, полученные в школе по учебной программе. Летом на базе на берегу озера Арантура каждый год отдыхают и набираются здоровья дети трудной судьбы. С вечерней школой проводилась комплексная

программа уроков на природе. С Советским УПК — лицеем отрабатывается программа экологического обучения для учащихся на отделении эколог-лаборант. На базе природного парка проведен районный слет школьных лесничеств с закладкой памятных лесопосадок. Всего за годы работы природного парка в летнем лагере отдохнули более 600 ребят, а в поездках по программе экологических экскурсий — более 2,5 тысяч школьников.

Работниками парка подготовлены и изданы буклеты «Природный парк «Кондинские озера», «Черное золото Кондинских озер», выпущена «Памятка для посетителей территории природного парка», набор открыток «Природный парк «Кондинские озера», в районной и окружной периодической печати публикуются статьи и заметки о работе и проблемах природного парка, о его сотрудниках.

На территории Ханты-Мансийского автономного округа в последнее десятилетие организовано четыре природных парка. Один из них — «Кондинские озера» расположен за острогами Урала в краю Сосьвинского Приобья. Его основными задачами является сохранение разнообразия природного комплекса и развитие экологического просвещения среди населения.

Лисица.

Владимир ПУРОНЕН

Аверс, реверс, гурт...

Положите перед собой несколько монет из числа тех, что окажутся у вас под рукой. Посмотрите на них внимательно и сравните друг с другом. Сначала вам в глаза бросятся их различия. Монеты — неодинакового размера, одни изготовлены из желтого металла, другие — вроде бы из белого... («Вроде бы» потому, что на ребре, например, пятирублевых монет сквозь белое покрытие часто вполне определенно просвечивает явно желтая основа.) Достоинства выражены разными цифрами (числами) и словами...

И все-таки у этих монет немало общего. Все они — независимо от размеров — одинаковой формы. На одной стороне у всех монет номиналом от одной копейки до пятидесяти отчеканен Святой Великомученик и Победоносец Георгий, на монетах от рубля до пяти — герб российского банка, похожий на государственный герб. Номинал на другой стороне обозначен цифрами (числами) и надписями, под которыми обязательно стоит год чеканки. Номинал обрамлен растительным орнаментом. И герб, и номинал заключены в выпуклый ободок, идущий вдоль ребра монеты. Само ребро чаще всего покрыто мелкими зубчиками, хотя у копеек и пятаков ребро гладкое.

Признаюсь, что, описывая монеты, я позволил себе выражения, способные вызвать негодование сколь-

Советский золотой червонец 1923 года.

ко-нибудь опытного коллекционера. Одна сторона... другая... ребро... надписи... Ни один уважающий себя нумизмат никогда так не скажет. Почему? Да потому, что каждая часть монеты и элементы ее оформления у специалистов имеют свои особые названия. Описывая монеты, коллекционеры пользуются (должны пользоваться!) специальными терминами: «аверс», «реверс», «гурт», «легенда». Что они означают?

«Легенда» — надпись на монете, совокупность всех имеющихся на монете письменных знаков, будь то слова, аббревиатуры, отдельные буквы или цифры. Легенда может располагаться в поле монеты в одну или несколько строк; по прямым линиям, по дуге или крест-накрест; читаться слева направо и справа налево; лежать вдоль монетного края

и читаться как по часовой стрелке, так и против; при наличии двух круговых легенд различают внутреннюю и внешнюю; может быть гуртовой — располагаться на гурте. По способу чеканки — выпуклой или вогнутой.

«Гурт» — он же «рант» — боковая поверхность монеты, если рассматривать ее как плоский цилиндр. В античную эпоху специально обработанный гурт встречался лишь в виде исключения. Как обязательная часть современного оформления монеты, гурт появился лишь в конце средневековья. В настоящее время гурт

Серебряный советский рубль 1921 года.

Тибетская тангка, 1830 год.

обычно (но не всегда!) украшен мелкой насечкой, узорами или надписями. Раньше оформление гурта предназначалось для предохранения монет из благородных металлов от обрезания и спиливания. В наши дни подобные украшения — всего лишь традиционный декоративный элемент.

Итак, легенда и гурт определены достаточно точно. Но вот с «аверсом» и «реверсом» дело обстоит не так просто. Вообще-то «аверс» — лицевая, она же главная, сторона монеты (сокращенно — «л.с.»), а «реверс» — обратная сторона («о.с.»), менее важная по сравнению с лицевой. Казалось бы, определения достаточно четкие, но вот беда: даже признанные специалисты не могут в некоторых случаях договориться, какую из сторон считать главной. В соответствующей литературе можно прочесть различные, зачастую взаимоисключающие суждения. Даже авторитетные словари, давая определение аверсу, сопровождают его необходимыми оговорками. Так, например, лицевой стороной рекомендуют называть ту, где изображены лицо (лица, профили, бюсты, фигуры в полный рост — в том числе и конные...) или герб. Но как быть, если на одной стороне монеты изображен портрет, а на другой — герб? Или лица (гербы) расположены сразу и на той, и на другой стороне? Или среди изображений вообще нет ни гербов, ни портретов? Некоторые коллекционеры для описания современных (в первую очередь — отечественных) монет предлагают употреблять термины «лицевая» и «гербовая» стороны. Что ж, в этом есть свой резон, но пока что данный способ описания не стал общепринятым. Впрочем, для большинства монет аверс и реверс

установлены вполне определенно. У нынешних российских монет лицевой стороной принято считать ту, где изображен герб банка России или святой Георгий.

Современные элементы оформления монеты получила не сразу. Самые первые монеты имели примитивное изображение лишь с одной стороны. (Страна без изображения называется «слепой».) Но и после того, как изображение появилось на обеих сторонах, монеты долгое время не имели надписей, были «немыми». («Немыми», случается, называют также монеты с нечитаемыми надписями.) Однако постепенно изображения на монетах становились все более совершенными, а надписи, вначале предельно краткие, все более и более пространными. В результате на монетах можно увидеть всевозможные изображения лиц, животных и предметов как реально существующих (существовавших), так и воображаемых, мифических. Виды городов и ландшафты, сцены труда и аллегории, оружие и мирные колосья, святых и даже дьявола, многочисленные виды транспорта...

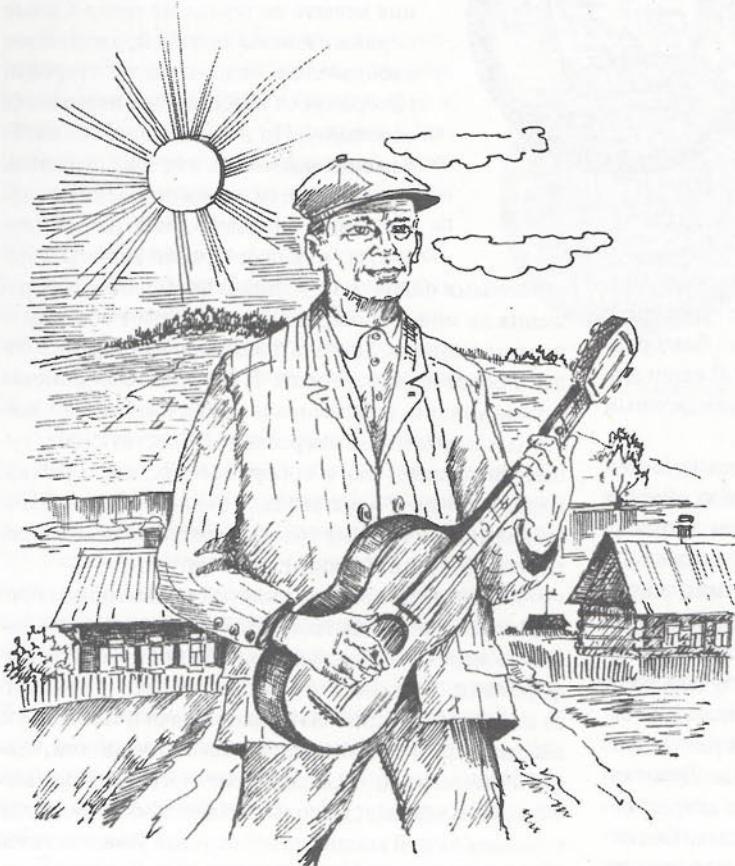
Уже в давние времена монеты стали мощным пропагандистским средством. Можно сказать, что в какой-то мере они заменили современные средства информации. Учитывая, что деньги постоянно находятся в обращении, проходят через тысячи и тысячи рук, власти старались использовать все возможности, чтобы на маленькой площади монетного поля разместить необходимые символы и надписи, доводящие до сознания людей вполне определенные установления. И многие античные монеты в этом отношении могут считаться образцовыми.

Такая монета чеканилась в Бельгии для ее колонии Конго.

Николай ЧЕРЕМНЫХ

Канонеровский корень

По семейному преданию, родители Саввы Канонерова оказались в висимских краях вместе с туляком Демидовым. Да так и «зацепились» за уральскую землю.

От поколения к поколению ставили заводы, осваивали огненное дело, старательское ремесло. Вот и сын Саввы — Константин — слыл мастером на все руки. И столяром, и плотником. А уж на языки был остер — другого такого поискать... и надо же: когда после революции да войны Гражданской заговорил народ о колхозах, стал первым председателем висимского колхоза «Боевик».

Двенадцать детей родилось в семье Константина Саввича. Чтобы прокормить, одеть всех, работали, на часы не глядя. Уж как непросто доводилось в житъе-бытье, а шел по дороге жизни председатель с шуткой да песней. Сколько частушек сложил, обличая лодырей, завистников,

рвачей. От них за горячее слово и платился в том страшном 1937 году.

Сотрудники НКВД обрадовались, обнаружив в доме председателя охотничьи ружье. Тут же появилась версия о замышлявшемся в поселке вооруженном восстании. И фантастической той версии оказалось достаточно, чтобы с клеймом «репрессированный» отправить Константина Саввича этапом в далекий Улан-Удэ.

Когда пять лет спустя доброе имя его восстановили, человека уже не было. От горя, доли тяжелой раны не стало и жены первого колхозного председателя. Две сестры и брат остались на попечении старшего из Канонеровых — Сергея.

А тому с женой и самому-то приходилось несладко. Он — рабочий колхоза, она — доярка на ферме...

Собственные детишки пошли. Но и сироты не оказались чужими. Всех воспитали. Кто бы ни зашел в неказистый домишко Канонеровых, видел: все при деле, мастерят, рукодельничают, строят. Верховодил Сергей Константинович — «золотые» руки унаследовал он от отца.

Так и росли бы, подпирая плечом друг друга, но война с фашизмом внесла свою черную «поправку». И хотел бы, да не измеришь, сколько невзгод выпало семье с ребятишками мал-мала меньше...

Надеждой жили, верой, милосердием. И дождались. С победой вернулся Сергей Канонеров. Принялись «перетрясать» отцовский домишко. Где из старого, где из свежего леса — подправили дом, поставили мастерскую, баньку. И житье стало на житье походить. И фамильная их «чудинка» проявилась: сядут иным вечером у ворот, возьмут в руки кто гитару, кто мандолину, а кто и трехструнку-балалайку, ударят по струнам... слышишь — понеслась вдоль улицы заливчатская частушка. Любоваться не налюбуешься на куплетную разноголосицу такого веселья. Присловья задиристые, с подначкою, с лукавинкой да перчинкою. Сами сочиняют, сами солируют. Поют — главное фамильное делоправляют.

— Да что там, сын Николай письма из армии и то стихами писывал, — говорит хозяйка дома.

Такой вот народ вырос из канонеровского корня. Ничего из рук не выронит.

Подрастали дети. Настала их пора «становиться на крыло».

...Как-то местная районная газета поместила стихотворение Николая — того, что письма солдатские присыпал в стихах. Лирические размышления его были о том, кому же пахать и сеять, убирать урожай и кормить людей, коли все мы разбежимся по городам-столицам в поисках «индустриального» хлеба.

Что верно, то верно: жизнь деревенской семьи расписание имеет особое. Забот — не сравнишь с городской разнотоностью. Зато природа! Вон она окрест какая — родная, близкая. И все, как говорится, натуральное. Не каждый променяет красу эту на квадратные метры пыльного «благоустройства».

Гордятся Канонеровы историей Висима, своей к ней причастностью. Потому и мысли порой одолевают беспокойные: о будущем села, перспективах его развития. Выглянешь на улицу, с кем глазами встретишься? Чаще увидишь старика или старушку с палочкой, бредущих в магазин за хлебушком. Куда подевались ребячья вагаги на снежной горке, что «хороводили» здесь лет 30 назад? Бывало, теплым вечерним часом в центре поселка прогуливались молодежь. Звучала музыка в саду на танцплощадке, пруд бороздили лодочки, из конца в конец «переговарива-

лись» гармони. В молодежи той виделась нам наша смена. Призрачными оказались надежды. Работы интересной, перспективной, как ни крути, в помине нет.

Вот ведь сколько судачили о злосчастных дорогах Висима. Наконец уложили асфальт по главной магистрали. И увидели: можем, значит, — если захотим. Надо бы все улицы благоустроить. Построить бы детский санаторий. Воздух-то здесь чистейший. Были бы висимчанам рабочие места. Очистить бы пруд, спасти от зарастания да уберечь от браконьеров.

В былые времена в Висиме выгоняли по утрам пять-шесть табунов коров на три-четыре сотни голов. Многие семьи имели свою лошадку.

Куда же все подевалось? А мы говорим: всех нужно обуть, накормить...

Такова житейская философия семьи Канонеровых. Хорошо бы сохранить наследие прежних мастеров, когда ставили дома не только, чтобы жить, а и для того, чтобы работа радовала глаз, чтобы каждый дом глядел на осбичицу, привлекал оригинальностью постройки, резным убранством.

А ведь и этот обычай порастеряли: спешим сруб под конек подвести, да замок на ворота повесить... Велика ли красота от таких «художеств»? Видишь порой, как постаревший дом перестраивают, резьбу срывают, рушат. Не по себе становится. Не разрушать бы ремесло народное, а сохранять, приумножать. Как бережет достояние отцов династия висимчан Канонеровых.

Рисунки автора.

Галина КУЛАГИНА

Широки ли, велики ли?

Фокус-задачка

При первом взгляде на фигуру игры вас удивит ее центр: что за нелепые равенства? Как это четыре равно шестнадцати, а тем более двадцати четырем? Вы уже готовы подумать, что это опечатка или абсурд. Но, когда загадка будет разгадана, вы увидите, что все правильно. В четыре квадратика вы должны вписать названия рек, пользуясь предлагаемыми описаниями. Когда все будет вписано, вы решите и загадку-шутку. И вам станет ясно, что равенства в данном случае верны.

I.

1) Река в Северо-Ивдельской системе, лесосплав по которой способствовал возникновению здесь крупного лесопромышленного узла.

2) Река, на которой расположен известный в области город в 320 км к северу от областного центра.

3) Река, на которой еще в 1600 г. было основано небольшое караульное селение для контроля за провозом товаров из России в Сибирь и обратно.

4) Река, в бассейне которой в начале XVIII века были обнаружены залежи медной руды, а в 1723 г. был основан казенный медеплавильный завод, который прекратил свое существование через 10 лет «по истощении руд».

II.

1) Река, на которой в наши дни было создано гигантское водохранилище, а на месте глухой тайги вырос поселок городского типа, административно подчиненный Асбесту.

2) Река, на которой в 1964 г. заложен фундамент двух домов рабочего поселка будущей ГРЭС.

3) Река, на которой в 1970 г. пущен энергоблок ГРЭС, а в 1980 г. станция достигла проектной мощности после пуска 10-го блока.

4) Река, именем которой названа крупнейшая в стране ГРЭС, работающая на твердом топливе.

III.

1) Река, на правом берегу которой на Западно-Сибирской низменности расположен город, названный ее именем. От областного центра он расположен к востоку в 263 км.

2) Река, на которой в 1600 г. по приказу Бориса Годунова служилыми людьми был основан ям и государева пашня, а для защиты ямщиков и крестьян был построен острог-крепость.

3) Река, по которой в период навигации осуществляется пассажирская связь с Тюменью.

4) Река, на которой почти три столетия в провинциальной глупши, затерявшись среди лесов и болот, существовал город, ставший местом царской ссылки.

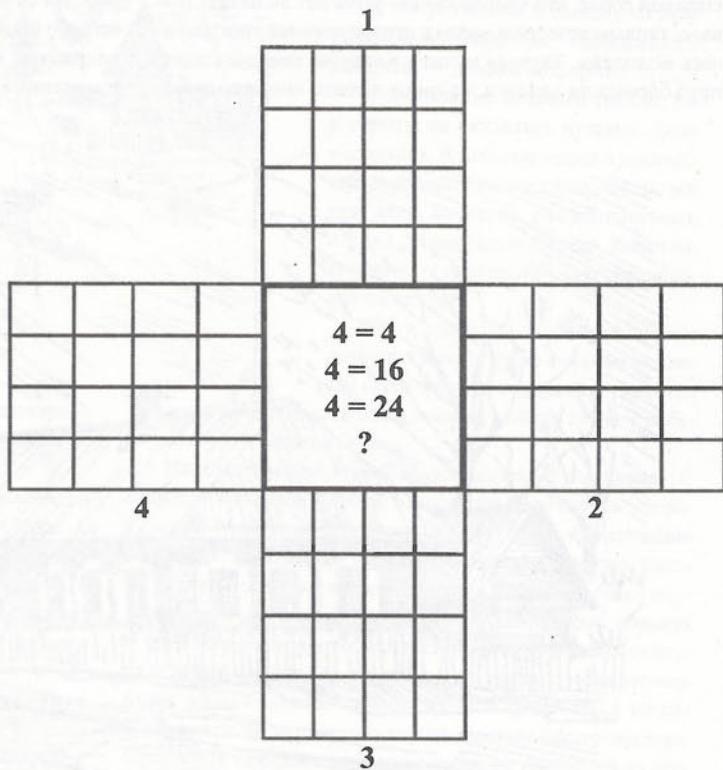
IV.

1) Река, протекающая по Южному Уралу.

2) Река, имя которой было изменено по указу Екатерины II в 1775 г., после подавления крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева.

3) Река, в верховьях которой расположено крупнейшее месторождение железных руд на Урале.

4) Река, отделяющая друг от друга две части света.

*Ответ читайте в
"Уральском следопыте" № 12 за 2003 г.*

Владимир ТРУСОВ

Загадки горы Кауальной

Гора Кауальная. Скала Черный палец. (Фото автора).

В старые времена много леса шло на выжиг древесного угля, который использовался при выплавке чугуна и на постройку барок, что шли по Чусовой. В.М. Лохтин в своей книге «Сплав по реке Чусовой горнозаводских караванов» (1886 г.) подсчитал, сколько добротного леса надобилось на строительство речных судов: на устройство одной барки — около 300 деревьев. Если по реке Чусовой и ее притокам до открытия железной дороги сплавлялось от 560 коломенок (в 1875 году) до 811 (1873 году), т. е. в среднем около 680 барок, то, следовательно, постройка чусовских коломенок ежегодно поглощала 200 000 хлыстов самого лучшего, отборного леса.

Его приходилось беречь и охранять. Гора, что высится в Первоуральске у реки Чусовой, называется Кауальной. Старожилы помнят, что на вершине горы когда-то стояла караульная вышка, с которой велось наблюдение за лесными пожарами. Обзор с Кауальной горы во все четыре стороны раньше был хороший и далекий. Раньше — это до строительства к югу от вершины Средне-Уральского медеплавильного завода.

Когда рассматриваешь старые снимки, всегда находишь что-нибудь необычное, незамеченное ранее. Глянул я как-то на фотографию скалы Черный палец, что на вершине Кауальной: скала действительно похожа на черный палец, но — что это? — он еще и с белым ногтем на вершине!

Второй раз сделать такой снимок будет мудрено: и не угадаешь с освещением, и ничего не получится. Летом же большую часть «палца» закрывает листва деревьев.

Рядом с Черным пальцем находятся безымянные скалы, в одной из которых есть небольшая кварцитовая пещера — наверно, единственная на Урале.

А у подножья горы Кауальной лежит поселок Динас и динасовый завод по производству огнеупорных изделий. Иные считают: если динасовый завод выпускает кирпичи, значит, в горе Кауальной добывают глину.

Между тем, топоним «динас» происходит от имени горы аж в Южном Уэльсе, из которой в 1822 году англичанин Юнг брал кварцит, чтобы впервые в Англии делать из него кирпичи для внутренней облицовки металлургических

печей. (Сейчас официальное название завода в Первоуральске — АО «Динур».) Строительство завода по производству динасовых огнеупорных изделий началось в 1929 году. Первую продукцию получили в 1932-м — этот год и является временем основания акционерного общества «Динур». На горе Кауальной находятся два больших карьера по добыче кварцита — старый и новый. Старый карьер не засыпается отходами. Из него ведется откачка воды, и в дальнейшем предполагается еще раз вернуться к добыче кварцита.

И еще об одном огнеупоре. Священник А. А. Топорков в книге «О Васильевско-Шайтанском заводе» (1892 г.) пишет: «Мягкий огнеупорный камень, называемый брусянским, добывается в 8 верстах на север от завода». Огнеупорный брус шел на кладку фабричных печей и горнов. Брусьить камень — значит выламывать его из горы в брусьях. Добыча огнеупорного камня производилась зимой. Примерно через каждые полметра вбивались несколько железных клиньев, а на ночь трещины заливались водой. В Брусянской горе осталась глубокая выработка, которая в народе получила название Брусянская Яма.

В одну из вылазок на Брусянскую Яму нам повезло — нашли клин, пролежавший здесь более ста лет, которым ломали брусянский камень. Теперь это экспонат музея динасового завода.

Светлана ЛЕВИЦКАЯ, г. Екатеринбург

На встречу с Дельвигом

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности».

А.С. Пушкин

Если верить в мистические явления, сопровождавшие барона Дельвига, поэта, друга А.С. Пушкина, всю его жизнь, то возможно, не случайно мне была предначертана миссия через 200 лет после рождения поэта исполнить его наказ — напомнить о нем потомкам:

*«Твой друг ушел, презрев земные дни,
Но ты его, он молит, вспомни...»*

А. Дельвиг

И вот я держу в руках свою книгу, ему посвященную. Долгий путь поисков и надежд прошла я, прежде чем сказать Антону Антоновичу Дельвигу по-родственному: «Здравствуй, мой Дельвиг!»

А все началось в далекие 50-е годы, когда в нашей семье в Свердловске появилась моя бабушка по отцу, Лидия Ивановна Левицкая, урожденная Никитина, переехавшая к нам жить из Калуги.

Годы репрессий, которых ей не удалось избежать, наложили, видимо, на нее свой отпечаток. Она никогда не рассказывала нам о своей нелегкой судьбе. А мы, совсем еще «зеленые», старались ее ни о чем не расспрашивать, жили своей молодой жизнью, не думая о том, что совсем скоро мы пожалеем об этом.

Однажды бабушка, как бы между прочим, рассказала мне, что Левицкие и Дельвиги имеют родственные отношения. Сообщила, что у нее были «Мемуары» А. Толстой, сестры Л.Н. Толстого, где об этом упоминалось.

Мне сейчас, спустя более 30 лет со дня смерти бабушки, обидно за то упущенное время, когда была возможность поговорить с ней о Дельвигах. Но по молодости мне это было неинтересно, не то было время, и я не придала серьезного значения ее словам. Кто такие Дельвиги, понятия не имела.

А когда поняла, то спросить уже было не у кого. Бабушка умерла в феврале 1959 года.

Между тем, ее свекровью была Росса Александровна Левицкая, урожденная баронесса Дельвиг, племянница барона Антона Антоновича Дельвига. Но, видно, жизнь научила «держать язык за зубами» и, опасаясь за нас, она унесла свою «тайну» с собой.

В 1985 году у меня в руках оказалась книга Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой «Воспоминания» (1980), а позднее и ее «Дневник» (1979), из которых я узнала, что барон Александр Антонович Дельвиг, родной брат Антона, жил с семьей в имении Хитрово Чернского уезда Тульской губернии, по соседству с имением сестры Л.Н. Толстого Марии Николаевны — Покровское.

Т.Л. Сухотина-Толстая писала в дневнике о подруге, баронессе Россе Дельвиг, за которой ухаживал молодой офицер Петр Петрович Левицкий, вскоре ставший ее мужем.

Эти сведения дали толчок к архивным поискам, которые я начала в 1991/92 годах. Мне предстояло документально доказать свою причастность к роду баронов Дельвигов.

Начала с расшифровки данных, указанных в книге: «А.А. и Х.А. Дельвиги — родители баронессы Россы Дельвиг (в замужестве Левицкой)». На свои запросы получила копии архивных документов из отечественных Государственных архивов, а также из шведского Дворянского Собрания, из Чехии. По ним я составила генеалогическое древо и поколенную роспись: начиная с XVI века, мною представлено 17 поколений, 123 имени древних родов баронов Дельвигов и Левицких.

Я узнала, что родной брат Антона Антоновича Дельвига, барон Александр Антонович Дельвиг, приходится мне родным працадедом. А его дочь, Росса Александровна Левицкая, урожденная баронесса Дельвиг и ее муж Петр Петрович Левицкий, о которых писала Т.Л. Сухотина-Тол-

стая в своем дневнике, являются мне прабабушкой и прадедом.

Их сын, мой дед, в 1920 году в звании генерал-майора был особо доверенным исполнителем поручений у атамана Григория Михайловича Семенова и командовал Верхнеудинской дивизией. В ее состав входили харачины (монгольское воинственное племя).

Как пишет Л.А. Юзефович в книге «Самодержец пустыни», Левицкий по поручению атамана Семенова встретился с министром иностранных дел Халхи, известным китаифилом Цэрэн-Доржи. Но склонить его на сторону Семенова, за которым стояли японцы, он не смог. Тогда по приказу атамана Левицкий стад готовить поход на Ургу, чтобы войти в Монголию с севера... В январе 1920 года Левицкий увел свою дивизию из Верхнеудинска на юг. (Возможно, по решению Семенова). Но в восемидесяти

Однажды по радио я услышала, что хотят возродить сад им. Вайнера, сделать его местом встреч для молодых и влюбленных. Да, в 30-40-е годы моей молодости, каждый вечер в саду Вайнера играл духовой оркестр, и молодежь устремлялась туда. И именно там случай свел в 1936 году мою будущую маму с моим будущим отцом.

Андрей Петрович Левицкий, студент Горьковского института инженеров водного транспорта, приехал с другом на каникулы в г. Свердловск и очутился в один из вечеров, волею судьбы, на танцплощадке в саду Вайнера.

Елизавета Еремеевна Дубынина по окончании Челябинского коммунально-строительного техникума была направлена работать в г. Свердловск чертежницей в «Уралгипротроп». И в этот вечер она с подругами была на той же танцплощадке.

27 февраля 1937 года они поженились. Передвойной жили в пос. Колюбакино Рузского района Московской области. В 1938 году родилась я. Мама приехала рожать в г. Свердловск, где жили ее родственники: мать и две сестры. Брат Юра родился передвойной, в феврале 1941 года в пос. Колюбакино. Отец работал там главным механиком на игольном заводе.

Война 1941 года ворвалась и в наш дом. Отец ушел на фронт, а мама осталась с двумя малышами:

мне — 2,5 года, брату — 5 месяцев. Из Свердловска приехала бабушка — помочь нам эвакуироваться. Собрав свои нехитрые пожитки: смену белья, пеленки, продукты и самое дорогое из вещей — патефон, семья Андрея Петровича Левицкого приехала в г. Свердловск. Вещи и одежду мама послала контейнером. Они до сих пор идут! А мы приехали совершенно «голыми». Думали — на время, а оказалось навсегда.

Отец пропал без вести в сентябре 1941 года.

Итак, собранный материал вдохновил меня на создание книги. Использовала архивные документы, письма, вос-

А.П. Левицкий с будущей женой Е.Е. Дубыниной.

верстах южнее Верхнеудинска харачины взбунтовались. Неподалеку от Гусиноозерского дацана, ночью, во время привала они вырезали около сотни русских офицеров и казаков. Самому Левицкому удалось бежать под покровом ночи.

По рассказам бабушки, его жены, Лидии Ивановны, Петр Петрович Левицкий должен был эмигрировать в Харбин. Там же оказался и сам атаман Семенов. Больше о деде нам ничего не известно.

Но как же появились потомки Дельвига на Уральской земле?

поминания и дневники А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, А.И. Дельвига, В.П. Гаевского, А.П. Керн и других современников русского поэта Антона Антоновича Дельвига.

Кроме повествования о самом Дельвиге, в книгу включены также очерки о представителях его рода, одним из которых являюсь я, Светлана Андреевна Левицкая, в замужестве Шерстеникова.

Наверно, неспроста мне было дано напомнить о нем потомкам. Размышляя о мистических явлениях, сопровождавших моего героя с младенческих лет и даже после его смерти, не перестаешь удивляться и верить.

Начать с того, что Антон Дельвиг не говорил до 4-х лет, но, приложившись к мощам митрополита Алексия в

Баронесса Росса Левицкая
(урожд. Дельвиг) с сыном Александром..

Чудовом монастыре, куда его отвела мать, сразу заговорил, и стало быстро развиваться его воображение.

Летом 1830 года в Петербург приехал Н.В. Левашов с семейством. Он стал часто посещать дом Дельвига, они подружились. Однажды друзья условились: кто первый уйдет из жизни, обязан явиться к оставшемуся в живых. Левашов забыл об этом условии, но спустя немного времени после смерти Дельвига, вечером, читая книгу, увидел... приближающегося к нему друга. Он побежал сказать о своем видении жене, которая и напомнила ему о забытом условии.

Антон Антонович Дельвиг умер 14 января 1831 года. 17 января были его похороны. Тогда не было ни железных дорог, ни телеграфа, потому известие о смерти Дельвига могло быть получено в деревне Хитровой Чернскомского уезда Тульской губернии, где жила его мать, гораздо позже 17 янва-

ря, дня его именин. Но в церкви вдруг начали службу за упокой, а не за здравие, что сильно встревожило мать и сестер... Ошибка ли это?

А теперь что касается меня самой. В мае 1995 года, в юбилей победы над фашистской Германией, меня пригласили в Санкт-Петербург, на встречу ветеранов 142 Грудзенской Краснознаменной стрелковой дивизии 42 армии, в которой воевал мой отец. И здесь незримая «рука Дельвига» неожиданно привела меня к дому на Загородном проспекте, 1, о котором я вообще ничего не знала. На стене дома я вдруг увидела мраморную доску с надписью: «Здесь с 1829 по 1831 г. жил русский поэт барон Антон Антонович Дельвиг».

Боже! Как я была рада этой неожиданной встрече с моим Дельвигом! Там же жил в эти годы и мой родной прапрадед барон Александр Антонович Дельвиг!

Я обошла все три этажа, представила, как выглядели комнаты и залы, когда во времена Дельвига и Пушкина здесь собирался цвет литературного и музыкального общества Петербурга: поэты, писатели, композиторы...

Копии собранных архивных документов я послала в Российское Дворянское Собрание (РДС). На их основании получила Диплом № 847 от 14 октября 1993 года действительного члена РДС как потомок дворянского рода Левицких Херсонской и Тульской губерний и была внесена с мужем Шерстениковым Михаилом Андреевичем и дочерью Натальей (в замужестве Шишкойной) в 3-ю часть Новой Родословной Книги Российского Дворянского Собрания.

Портрет А.А. Дельвига (работа автора).

Анатолий ШУКШАЕВ

Путь длиной в три века

Записки горного егеря

Вопрос, кто первым нашел уральский самоцвет, остается до сегодняшнего дня открытым. История, как правило, «запоминает» того, о ком сохранилось письменное свидетельство. Таковым стал Дмитрий Александрович Тумашев, сын плавильщика Пыскорского казенного медного завода Александра Ивановича Тумашева, известного в те времена знатока «рудосыскного дела». Дети Александра — Василий, Дмитрий, Иван и Петр, — похоже, пошли по отцовской стезе. Однако история отдала приоритет одному из четырех братьев — Дмитрию. Только о нем упоминается в указах царя Алексея Михайловича, в документах Верхотурской приказной избы.

Год 1666 — начало поисковых работ Дмитрия Тумашева в Верхотурском уезде. Через два года становится известно о первых находках самоцветов.

Доктор геолого-минералогических наук Э.Ф. Емелин в обосновании проекта «Самоцветная полоса Урала» проводит хронологию событий, собственно и составляющих краткую историю ее освоения. Мы приводим хронологию с некоторыми сокращениями.

Летом 1668 года Дмитрий Тумашев в челобитной Сибирскому приказу объявил, что он «близ Мурзинской слободы отыскал цветные каменья в горах: хрустали белые, фатисы вишневые, и юги зеленые, и тумпасы желтые».

1721 год — В. Татищев, перечисляя необходимые ремесла в проекте Исетского завода, упоминает гравильное и камнерезное дело.

1720-1725 годы — добыча крупных раухтопазов на реке Нейве.

1735 — донесение Геннина о «тумпасе» Мурзинской слободы.

1744 — бригадир Андрей Беэр «усмотрел несколько сот ширфов» и «через ширфовку нашел камней тумпасовых» и «между ними хрусталей несколько...»

В этом же году Беэр выслал в кабинет ее Императорского Величества карту Мурзинки с проектом «геотехнологической» добычи драгоценных камней в Корниловском логу.

1765 — Екатерина II утвердила доклад «Об учреждении экспедиции в Екатеринбурге для сыскания разных цветных камней». Руководит экспедицией Данненберг.

1767 — составлена первая ведомость месторождений драгоценных, цветных и поделочных камней Урала. В работе экспедиции принимали участие уральцы Семен Ваганов (гравильный мастер), Филипп Тупылев (подмастерье) и ученики Лаврентий Морозов и Степан Соломин.

1768 — первые казенные работы экспедиции на Тальянке (название — от итальянцев, братьев Жан-Батиста и Валерио Тортори, участников экспедиции).

1777 — разработка братьями Тортори копей около деревень Южаковой, Алабашки.

1782 — казенные работы на Алабашских копях; открытие аметистов на правом берегу реки Анабарки и у деревни Сизиковой.

1787 — девица Марфа Гаврилова нашла друзу малинового шерла прямо на дороге, размытой проливным дождем.

1787 — добыто 18 пудов агата-переливта недалеко от Шайтанки.

1797 — глава Комиссии для приискания камней и прочих редкостей бергмейстер Раздеришин упомянул о существовании коренного месторождения шайтанского переливта; приск открыт в 1799 году.

1800 — граф Строганов становится президентом Академии художеств и главным начальником Экспедиции мраморной ломки и приска цветных камней.

1802 — завершено генеральное описание «месторождений» самоцветов на Урале, начатое под руководством Данненберга.

1805-1810 — большая добыча аметистов на Тальянке и у деревни Сизиковой.

1810 — у Шайтанки братья Кузнецова, Федор и Афанасий, нашли красные шерлы в дресве гранита.

1815 — добыча розового турмалина маркшейдером Мором.

1828 — старателем Старцевым в районе деревни Алабашки найден кристалл берилла, «какового нигде и никогда не было, да и едва ли можно надеяться, что когда-либо подобный мог найтись».

1830-1835 — успешные казенные работы у села Мурзинки.

1858 — девочка из деревни Корниловской нашла прекрасный синий корунд — «камень огранен» и подарен царю. Корнилов лог был подвергнут разведке под присмотром директоров Екатеринбургской гравильной фабрики.

1875 — открыты копи «Мокруша» с топазами.

1880 — начата промывка песков реки Положихи (рубин, сапфир, гранат).

1880-1886 — добыча топазов на Мокруше и по реке Кривой на копях «Золотуха». Удачные работы по поиску аметистов в Голодном логу.

1885 — снят с вашгерта алмаз в 1,5 карата — при промывке рубинов и сапфиров на реке Положихе.

1886 — П. Калугиным составлена первая карта Мурзинских копей.

1899-1900 — на копях «Семенинская» добыто более 35 пудов бериллов.

1900 — добыча розовых турмалинов в Липовских копях.

1904 — новая добыча топазов на Мокруше; найдены в больших количествах дымчатый кварц, крупные партии аметиста в Голодном логу.

1910-1911 — вскрыто крупное гнездо топазов на Мокруше. Большая добыча аметистов у деревни Сизиковой.

1912-1916 — исследование Мурзинского района А.Е. Ферсманом. Вышла в свет книга «Драгоценные и цветные камни России» (1914).

1914-1918 — добыча аметистов на Ватихе.

1921 — работы Г.Г. Китаева на Липовском месторождении розового турмалина. Старательская его добыча с 1922 по 1929 годы.

1932 — первая геологическая карта Мурзинских копей (составлена С.В. Дмитриевым при участии В.К. Зайцева).

1932-1935 — И.И. Бок производит разведку и оценку запасов ограночного берилла на копях «Семеновская».

1937 — Н.К. Озеров составляет новую геологическую карту Мурзинского района масштаба 1:50000.

Конец 30-х годов — ревизионные работы на алмазы на россыпях реки Положихи и Кузнецном логу. Результаты отрицательные.

1954-1955 — ревизионные работы с опробованием отвалов старых копей на редкие металлы под руководством А.В. Глазкова и А.Д. Шенгелия.

1955 — комплексное геологическое картирование зоны западного контакта Мурзинского гранитного массива М.Ф. Гурсиной и А.Г. Жученко.

1958 — завершены разведочные работы на Ватихе; месторождение передано предпринятию «Русские самоцветы».

1963-1965 — геологическая съемка (M 1:50000) в районе Адуйских копей под руководством Г.И. Кузовкова.

1964-1967 — В.И. Ефимов и Т.А. Марков проводят поис-

ковые работы на керамическое сырье в Мурзино-Алабашском районе. Положительно оценены участки жил Хрустальницы, Мурзинской, Трехсотенной, Боярский Бор.

1965-1968 — поисково-оценочные работы на Мокруше. Вскрыто 56 гнезд и добыто 61 кг. топазов, 31,2 кг. турмалина, 0,38 кг. берилла, 200 кг. мориона.

1968 — комплексная разведочно-добывающая экспедиция № 122 отрицательно оценила перспективу на ограночное сырье в районе деревни Колтази.

1968-1970 — разведочные работы на рубеллит на Липовском месторождении проведены Режевским никелевым заводом. Оценка не сделана.

1968-1970 — М.Б. Аринштейном и другими составлены кадастры и карта копей самоцветов.

1971-1976 — положительная оценка перспектив на ювелирное сырье (Мокруша, Старая Мыльница, Трехсотенная, Голодная, Старая яма, Большая тяжеловесница, Тысячница) тематическим отрядом КГЭ ВШПО (В.В. Смертенко).

1987 — добыча аметистов на Ватихе остановлена.

1970-1980 — проводятся поисково-оценочные работы Нейвинской и Исетской ГРП на Сизиковском жильном и Алабашевском пегматитовом полях.

1989-1990 — вскрыты пегматитовые тела на Мыльнице с хорошим гнездом дымчатого кварца, полевого шпата, клевеландита, шерлом. Добыто несколько кристаллов берилла на Казеннице, где продолжены работы в 1992-1993 годах.

На основании оценочно-поисковых работ 1977-1980 годов Исетской ГРП сделан вывод о нецелесообразности дальнейших работ в пределах Адуйского пегматитового поля.

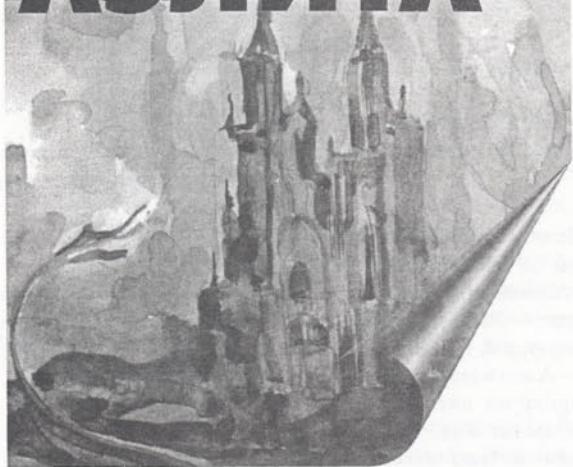
1989-1991 — кооператив «Мурзинка» на копях «Семенинская» вел добывающие работы. Добыто большое количество дымчатого кварца, несколько граммов ограночного берилла и выбран аметистовый занорыш — данные неофициальные.

1993-2000 — любителями камня вскрыты кварцевые жили на горный хрусталь, аметист, хрустали вишневого, красного цветов и цитрины — данные неофициальные.

Вся более чем трехсотлетняя история Самоцветной полосы не заканчивается — она продолжается.

АЭЛИТА

Лора АНДРОНОВА
Страж Йегу-Инн
ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ
им. Бориса Марьева
Николай СЕМЕНОВ
Рассказы
Сергей ПОЛЯКОВ
Золотинка

Здравствуйте, уважаемые читатели!

Апрель нынче замечательный: солнечный и добрый. В весенние дни и стихи рождаются светлые, радостные.

... шмель прожужжал. Во двор окно открыто.
Река шумит, и тополя блестят.
Тепло струится. Небеса раскрыты,
Лавиной света согревая сад.

Проклонулась листва из жирных почек,
Трава сочится споро из земли.
Как солнце, первый жёлтенький цветочек
Из садика дочурки принесли.

Пока ёщё бесптичье и бесцветье,
Не скрыта новой старая трава,
Но этот лучик первого соцветья
Уже с детьми играет на дровах.

Неслучайно, видимо, что в апреле, как никогда в другое время, возникает желание у людей сделать что-то хорошее: подарить цветы, привести в порядок свой дом и город.

Новости, о которых хотелось бы упомянуть, следующие:

Завершается подготовка к Всероссийскому совещанию молодых писателей в Ишиме, которое проводится по инициативе Ассоциации писателей Урала и Союза писателей России. Участие в совещании примут молодые литераторы в возрасте до 35 лет из трех федеральных округов России: УрФО, ПриФО, СибФО. Руководить семинарами будут известные писатели, такие как В. Крапивин, Г. Иванов, Н. Иванов, критик Л. Быков и другие.

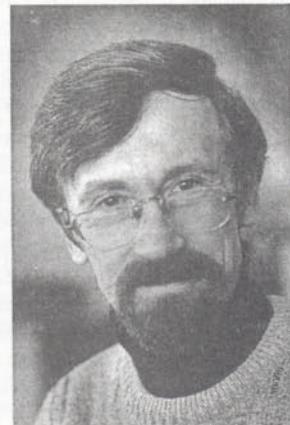
Готовится к выходу в свет книга православной духовной лирики «Вознесенский проспект».

Завершена работа по выходу в свет второго номера

книги Ассоциации писателей Урала «Чаша круговая» (Составители: А. Кердан, А. Титов, Н. Коняев).

Близка к завершению работа над вторым добрянским сборником стихов и рассказов. Очень скоро читатели смогут познакомиться с новыми произведениями Владимира Блинова, Юрия Казарина, Вадима Осипова и многих других современных уральских писателей и поэтов, как профессионалов, так и начинающих.

В апрельском номере «Уральского следопыта» вы, дорогие друзья, сможете познакомиться с двумя литературными объединениями: Литературной мастерской им. Бориса Марьева из г. Екатеринбурга (руководитель — Вадим Осипов). Журнал «Уральский следопыт» предлагает вам, уважаемые друзья, познакомиться в этой подборке со стихами Виктории Чемодановой, Елены Байдосовой, Анны Байдосовой из Екатеринбурга и Веры Охотниковой из Верхнего Тагила. А Николай Смирнов (Вячеслав Коркодинов) из Нижнего Тагила — его поэтический дебют был в прошлом году был отмечен Бажовской премией — впервые представит перед читателями в качестве рассказчика. Сергей Поляков из Магадана порадует вас повестью «Золотинка».

Петр Родимов,
редактор отдела
художественной литературы

Лора АНДРОНОВА

Страж Йегу-Инн

Почти всю ночь на Изгибе бушевал шторм, и теперь широкая терраса, выходившая на залив, была завалена ветками, листьями и обломками досок. Добела отмытые мраморные плиты нестерпимо поблескивали маленькими лужами, забившиеся в углы клубки водорослей сохли под лучами солнца, источая крепкий соленый запах.

— Боги немилостивы к нам. Случись эта буря на два дня раньше — от флота лонтанов остались бы одни щепки, — сказал Рагхет Харр, имир о-Цигны.

Он сидел на перилах и смотрел вниз, на спокойные, ленивые волны, шелестевшие у подножия скалы. Могучий, как рийгу, статный, с редкими серебряными штрихами на висках, правитель едва разменил седьмой десяток.

— Что молчишь, жрец? Думаешь, как бы половчее защитить своих небесных господ?

Зегерро покачал головой и тонкие хрустальные палочки, вплетенные в его волосы, холодно зазвенели.

— Буря не решила бы наших проблем. В лучшем случае, она лишь продлила бы агонию.

Имир бросила на него быстрый взгляд и снова отвернулся. Спорить было не о чем. Битву, которую страна вела пятнадцатый год, можно считать проигранной. Враг занял весь материк, вытеснил о-цигнов с обжитых земель, заставляя искать убежище далеко на западе, на небольшом округлом полуострове, отделенном от чужой уже территории узкой длинной косой.

Йегу-Инн — Голова Лебедя — так называлось это место. Каменистый, бесплодный клочок, изрезанный ледяными горными ручьями. Скудная почва почти не давала урожаев, позволяя прокормить лишь малое число жителей. Осенние ветры сворачивали валуны, уносили постройки, ломали кирпичные укрепления. Здесь не было животных, только быстрые яркие птицы — краснохолки — прилетали весной на гнездовья.

Угрюмое место. Угрюмое и мрачное.

Священное для каждого о-цигна. Место, где уставшие от темноты предки впервые вышли на поверхность.

— Нам нужно лишь восстановить силы, — устало сказал он. — Вырастить ящеров, заново создать армию.

— И подготовить ее, — кивнул жрец.

— Но нас осталось так мало.

— Надо вернуться в скрытые пещеры. Мать-земля поможет своим детям быстрее встать на ноги, подарит новые стан чешуйчатых братьев. Мы возродимся и сметем пришельцев.

— Когда это будет? Через тридцать лет? Через сорок?

Даже у самого ядра мы не сможем восстановливаться быстрее, — Рагхет провел рукой по лицу.
— А кто в это время прикроет нас, кто обронит Ход? Как долго выстоят мои войска против объединенных армий лонтанов?

— Мы останемся наверху и будем биться до последнего, — спокойно ответил Зегерро. — Поклоняющиеся Сойлу не смогут жить в вечном сумраке.

— Но даже вы одни не справитесь, вам понадобятся бойцы, а их осталось так мало, так мало.

Жрец молчал, глядя на солнце

«Зачем нужен этот разговор? — думал он. — Ведь мы обсуждали все десятки раз. Другого выхода нет и быть не может. Счастье, что боги даровали нам хотя бы такой путь».

По лицу имира пробежала судорога.

— Я знаю, я все знаю, — прошептал он.

На террасе установилась тишина, нарушающая лишь шумом океана.

Рагхет смотрел на уходившую вдаль береговую линию, на полоску рыжего пляжа, на стремившиеся в небо горы.

Зегерро терпеливо ждал, повторяя про себя слова дневной молитвы. В его косах играли солнечные блики, делая ярко-желтые волосы еще более яркими, огненными.

— Пойдем, — сказал имир, стяхивая с себя оцепенение. — Пойдем с детьми.

Они прошли полутемным коридором, миновали полную людей трапезную и спустились по лестнице в комнату с затененным стеклянным потолком, в которой рядом стояли колыбели.

Едва завидев входящего правителя, хлопотавшая в спальне няня склонилась в поклоне и поспешило юркнула за дверь.

— Эйрин, Герос, Рейно, Ирре, Норрис, — называя имена, Рагхет легонько касался губ каждого младенца.

— Пятеро. Пять здоровых мальчишек. Пять сильных пальцев, сжимающихся в кулак. Я дам им особую мощь, и они смогут защитить нас.

— Ты уверен, что все получится?

Жрец усмехнулся.

— Все твои жены родили одновременно. Это ли не знак?

— Я обрекаю собственных сынов на одиночество, — сказал имир.

— О них будут сложены легенды. Тысячи юношей по-завидуют их мощи и долголетию.

Лиловые глаза правителя потемнели.

— Пойми, я ведь никогда не видел, как тытворишь чудеса. И никто не видел.

— Я не творю чудеса. Мне лишь позволено смотреть на лик Сойла, черпая силу. Сам по себе я — никто, посланник, проводник высшей воли.

— Мы просто не можем поступить иначе, — Рагхет словно не слышал жреца. — Не можем. Начинай.

Зегерро чуть поклонился и отошел к стене. Нащупав в нише резной рычаг, он потянул его вниз, и потолок бесшумно раскрылся. В образовавшийся проем потоком хлынул свет стоявшего в зените солнца.

Жбан подпрыгнул на полке, завертелся, закачался, с грохотом упал вниз и покатился по ступенькам, оставляя за собой тонкий крупяной след. Между шкафчиков проскочила хрупкая, скрюченная фигурка, кто-то противно хихикнул, и за жбаном последовала медная миска с фасолью.

— Проклятье, — прошипел Рейно, пытаясь удержать на месте остальную посуду. — Ненавижу домовых.

— Что случилось? — Эйрин остановился на пороге, чтобы собрать рассыпавшееся просо. — Опять он?

— Он, он, он, — заухало на антресолях. — Он!

— Я ведь ему поставил плошку с кашей, на обычное место! — Рейно был вне себя от ярости.

— С ка-а-ашей!

— Заткнись, безмозглай животина!

— Ну-ну, — Эйрин успокоительно положил руку брату на плечо. — Не злись ты так.

— Не злиться?! Да ты только посмотри, что этот поганец натворил!

Рейно снял крышку с кастрюли, и по кухне пополз мерзкий сладковатый запах.

— О-о! — сказал Эйрин, зажимая нос.

— Огого! — радостно взревели антресоли.

— Что это такое?

— Не знаю, но очень похоже на помет. Наш милый домовенок испражнился прямо в суп.

— Ну и дела.

— Я так старался, — Рейно обиженно сдвинул брови.

— Хорошая ведь была похлебка, наваристая, с улитками и овощами.

Братья хором вздохнули.

— Придется обойтись лепешками.

— Да уж. И чего это он так разбушевался? Вроде, тихо себя вел в последнее время.

— Блоха укусила бешеная.

Выложив на поднос дюжину свежих хлебцев, листья салата и баночку икры, они пошли по лестнице вниз.

Крепость была совсем небольшой — три этажа, сторожевые вышки, подвалы для хранения запасов. Перед

ходом в скрытые пещеры, о-цигны с особым тщанием позабочились о том, чтобы сделать ее неприступной. Сложеные из земляной кости стены — особого, необычайно прочного камня, добываемого в глубоких океанских расщелинах, — в толщину превышали рост человека. Нигде в комнатах не было ни окон, ни бойниц, только забраные металлом отдушины. Строение напоминало прижавшуюся к земле плоскотелую улитку с торчащими рожками башен.

— Я часто думаю, — понизив голос, сказал Эйрин. — Увидим ли мы их когда-нибудь?

Они проходили по мосткам, под которыми вздымалась и опадала первая мембрана Хода, оберегавшая полости закукивания.

Рейно передернул плечами. Это место с детства и пугало и притягивало его.

— Увидим, — твердо ответил он. — Разве может быть иначе?

— А как это будет? Представляешь, пленка лопается, и сюда входят, въезжают на повозках, влетают на ящерах сотни, тысячи наших сородичей.

— Рано пока об этом говорить.

— Сколько мы уже тут лет? Скоро тридцатый юбилей отпразднуем.

— Не так уж и долго, — взорвал Рейно. — Полагаю, ждать нам еще два раза по стольку.

Эйрин пригладил непослушный вихор на затылке.

— Грустно.

— Ничего, брат, дождемся.

Ирре и Герос уже сидели в трапезной, нетерпеливо постукивая ложками о столешницу. Оба были невысоки ростом и темноволосы, с широкоскульными плоскими лицами, разительно отличаясь и от веснушчатого рыжего Рейно и от белокурого Эйрина.

— Уу, — протянул Ирре. — Опять кое-кто халтурит. А обещал-то, обещал.

— Он не виноват, — вступил Эйрин. — Это снова карлик. Наделал в суп, разгромил полки.

— Не пора ли его, наконец, отловить?

— Боязно. Домовые приносят счастье, — ответил Герос.

— Лучше бы он нам щи принес. Или корнеплодов печеных. Пока, насколько я могу судить, от него сплошные неприятности.

— Да как его поймаешь? Эта крыса в любую щель пролезет, куда ты и носа не сунешь, — рука Рейно зависла над тарелкой, выбирая хлебец подожаристее. — Когда Норрис сменяется? Надо бы и ему поесть отнести.

Ирре посмотрел на стоявшие под лампой песочные часы.

— Скоро. Совсем скоро.

— Пора мне собираться, — сказал Эйрин. — Как там погода?

— Чудесно. Еле заметный ветер с берега, полный штиль, дышать нечем, камни плавятся. В общем, подходящие условия для дежурства.

Воровато оглянувшись, Рейно лизнул оранжевую, влажно поблескивающую горку икринок и зажмурился от наслаждения.

— Ну и чём, скажите мне, ты лучше непотребного карлика? — ворчливо произнес Герос, хмуро косясь на брата.

Словно в ответ на его слова, в дверях мелькнула тень. Дробно топоча, домовой вскарабкался по стене, и устроился на балке.

— Карр-каррлик! — передразнил он.
— Лови его, — шепнул кто-то.

Домовой поерзal. Не отрывая от него взгляда, Ирре рассстегнул пуговицы, снял рубашку и попытался набросить ее на незваного гостя. Тот ловко увернулся, и рубашка повисла на торчащем из балки гвозде.

— Мазила, — прокомментировал Рейно. — Удивительно, как ты краснохолкам еще вчера попадал.

— Сам бы попробовал, — огрызнулся Ирре. — Краснохолка — птица нервная, но не слишком быстрая. А эта bestia скачет, как блоха.

— Гу-гу.

Бочком подобравшись к рубашке, карлик достал из кармашка на животе ножницы, старательно вырезал в ней квадратную дыру и повязал получившийся лоскут себе на шею.

— Гу, — повторил он, чрезвычайно довольный собой.

Рейно и Герос одновременно потянулись к стопке посуды.

— Ах ты, полуног облезлый! Вещи портить вздумал!

— Ну-ка, брысь отсюда! — ревел Ирре, пытаясь достать домового канделябром.

Свистом пронеслись сразу две тарелки, одна гулко плюхнулась на кушетку, другая разбилась о стену. С печальным всхлипом разлетелся кувшин, оставив на ковре сладкое ягодное пятно.

Карлик, громко ухая, скакал под потолком. Время от времени он останавливался, чтобы отрезать от несчастной рубашки очередной кусок, связать в жгутик и бросить его в нападавших.

— Может, шваброй его?

— Брабрай! — радостно отозвался домовой. — Буброй. Хвабрай!

— Не думаю, — сказал Герос. — Предлагаю попробовать по-хорошему.

Ирре скривился.

— Слишком много чести.

Эйрин завернулся в лист салата кусок лепешки с икрой и позвал домового:

— Карлушечка! Лапушка! Иди, покушай.

— Отведай хлебца, золотце.

Золотце заинтересованно принюхалось, но с места не свинулось.

— Брезгует, коротышка, — сказал Ирре. — Да и бог с ним.

Он снова сел за стол и принял было за обед, как вдруг замер.

— Мне кажется...

В следующую секунду грозно зазвонил колокол.

— На стену, на стену, лонтаны на подходе! — гремел по крепости голос Норриса.

Побросав ложки, братья бросились к выходу из тра-

пезной, взлетели по лестнице наверх, к сторожевой башне.

— Лонтаны, лонтаны, лонтаны, — гудело все вокруг. Казалось, даже камни предупреждают об опасности.

Небо было ясным, без единого белого перышка, только горизонт тонул в розоватом, волнующемся мареве. От жары кружилась голова, одежда прилипала к телу, раскаленные плиты жгли ноги сквозь тонкую кожу сапог.

Корабли шли клином — быстро, неотвратимо, словно не на веслах, а под попутным ветром. Бесполезные паруса были аккуратно подобраны, серо-красные вымпелы безвольно висели на мачтах.

— Пора? — одними губами спросил Эйрин.

Братья придинулись друг к другу, встали в круг, плечом к плечу.

— Нас пятеро, — начал Рейно.

— Пять сильных пальцев, сжимающихся в кулак, — подхватили остальные.

— Мы опора нашего народа.

— Мы щит и последний оплот.

— Мы — пламя, которое спалит врагов.

Обнявшись, они подошли к широкому проему в стене, под которым чернели мокрые скалы и прыгнули вниз. На миг их окутала огненная пелена, а когда она рассеялась, оцигнов уже не было. Над океаном парил огромный пятиглавый дракон.

Он описал круг над крепостью, едва не касаясь крыши кончиками крыльев, нырнул под воду и снова взмыл вверх, отряхиваясь и набирая высоту. Галеры лонтанов вытянулись в дугу, на палубах появились баллисты, замелькали золотые шлемы лучников-дальнобойщиков.

Дракон рыкнул, выпуская через ноздри струи сиреневатого дыма, рубанул воздух уродливым шишковатым хвостом и устремился навстречу эскадре.

По воде бежала рябь, дробя отражение горящих кораблей на сотни осколков. «Светлый», «Искристый», «Рас светный»... Обугленные палубы, черные сломанные мачты, пробоины, следы гигантских когтей и зубов. На месте шести затонувших судов остались только щепки, обломки бочек, серые от пепла лохмотья и обрывки.

Сделав последний бесполезный залп из бортовых пушек, флагман «Летящий» отступал, подбирая раненых. Стоящая на мостике Иванна-Ор-Кильме, Верховодящая северных лонтанов, опустила подзорную трубу и повернулась к своим командирам. На ее груди переливались свиные в косы разноцветные металлические цепочки.

— Не понимаю, — сказала она. — Не понимаю, откуда здесь взялся дракон.

Капитан флагмана, широкий, приземистый мужчина с бугристым, как кожура лимона, лицом, только развел руками:

— Он вылетел из крепости. Наверное, он там прячется — в ней или за ней. Может, устроил себе логово на крыше?

Иванна нахмурилась, отчего ее строгое лицо стало совсем старым.

— Чушь, Врин. Я внимательно наблюдала — дракон

возник над берегом. Не выпорхнул из-за угла, не свалился с небес, а именно возник, внезапно появился перед нами.

Она оглядела подчиненных, ожидая возражений.

— Кроме того, крепость Йегу-Инн слишком мала для того, чтобы в ней могло спрятаться существо столь чудовищных размеров. Он бы просто раздавил ее.

Мимо прошла группа матросов, послышались крики, вслески, скрип трущейся о дерево веревки — на борт корабля поднимались уцелевшие с искалеченными драконом «Исクリстого» и «Светлого».

— Нас предупреждали об этом, — подал голос Ахельм-Ур — младший сын Верховодящей, последний в семье Кильме.

— Южане, — с презрением выплюнул Врин. — Трусы и враги.

— Как видно, кое в чем они оказались правы.

Капитан бросил косой взгляд на мальчишку, но промолчал. Спорить со щенком старухи Иванны ему не хотелось.

— Тем не менее, теперь совершенно ясно, почему смуглаки отступили с полуострова, — заметил он.

— Было бы наивно думать, что они просто так отдали нам этот лакомый кусочек.

Предводительница зла стукнула кулаком по перилам.

— Вы оба говорите полную ерунду. Никто ничего никому не уступал. Просто Царствующий надоели ждать, пока южане возьмут эту крепость.

Слыханное ли дело — тридцать лет в осаде! Я убедила государыню, что северяне справляются с поручением лучше, и мы должны, — она повысила голос, — мы должны оправдать доверие. Второго шанса нам никто не даст.

Юный Ахельм-Ур восхищенно смотрел на мать.

— Почести..., — начал было он, но Иванна перебила его:

— Не о почестях надо думать, а о благе своего народа. О-цигны ушли от нас далеко вперед, и мы многое можем

них узнать, научиться. Их познания в науке и магии поражают воображение.

— Удивительно, и как только нам удалось их победить? — ехидно проговорил Врин. — Случайность?

— Не обольщайся, мы просто задавили их числом, пустили в ход многоократно превосходящие силы, — Верховодящая резко повернулась, и разноцветные цепи на ее шее тихо звякнули. — Я знаю, ты слышал совершенно иное, но правда в том, что мы одолели о-цигнов только потому,

что нас в сотни раз больше. Но жаль, что нам тогда не удалось решить дело полюбовно.

Она замолчала, вспоминая стаи шипокрылых ящеров, окутанных изумрудными ядовитыми облаками, невиданно мощные катапульты, молчаливых, словно выкованных из бронзы солдат, вспоминала, как облаченные в тоги жрецы разрушали целые поселения одним движением жезла. Снова перед глазами вставали вытоптанные, пропитанные кровью поля, ряды виселиц и дыб вдоль дорог. И белое, мраморное лицо старшей дочери с единственной, едва заметной раной на левом виске.

— Очень жаль, — повторила Иванна.

Капитан смущенно кашлянул.

— Что же делать теперь?

— Вернемся в Боук-р-Кат и будем думать. Я не собираюсь второй раз бросаться на дракона с голыми руками.

— Но нам нечем его взять, матушка! — щеки Ахельм-Ура порозовели. — Стрелы он вообще не замечает, копья для него — что булавочные уколы, баллисты...

— Именно поэтому я и говорю, что надо подумать.

Верховодящая снова раскрыла подзорную трубу и всмотрелась в крепость на горизонте. Дракон медленно кружил над ней, и все пять голов были повернуты в сторону эскадры лонтанов.

— Может, смастить копья каким-то сильнодействующим ядом? — осмелился предложить капитан.

— Может быть. Хотя шкура у него наверняка роговая. Да и не верю я, что южане не испробовали этот способ.

Ахельм-Ур тоже глянул в сторону Йегу-Инн и придвигнулся поближе к матери.

— А если и вовсе не пытаться его убить? Не ломиться в закрытые ворота, а попытаться найти расшатанную доску в заборе? — юноша незаметно отер вспотевшие ладони о штаны. — Обмануть его, поймать на приманку, увести в сторону, и в это время атаковать незащищенный полуостров?

По лицу Иванны лучиком скользнула улыбка — одновременно и насмешливая и одобрительная.

— Этую идею тоже стоит хорошенько продумать.

Накинув на плечи тонкую шерстяную шаль, она присела на палубу и вытянула обутые в сандалии ноги. Врин и Ахельм опустились рядом.

— Холодно, — пожаловалась Верховодящая. — И спина болит. Не те уже мои годы, чтобы по волнам скакать.

— Что вы, матушка! Любая девица может только мечтать о вашей грациозности!

Капитан ухмыльнулся, но не сказал ни слова.

— Я хочу, чтобы ты установил тайную слежку за Йегу-Инн, — обратилась к нему Иванна. — Кораблей и людей получишь столько, сколько понадобится. Мне надо знать все, что здесь происходит.

— Здесь ничего не происходит. Полуостров пуст.

— Ты это точно знаешь? Ты там был? Осматривал крепость? То, что одного дракона более, чем достаточно для охраны, еще не значит, что кроме него там никого нет.

— Но проклятый ящер близко нас не подпустит!

— Понимаю. Задание не из легких. Придется запастись

терпением и подзорными трубами. Свою могу подарить тебе, в знак поощрения.

«Летящего» качнуло, на палубу полетели ледяные горькие брызги. Верховодящая поморшилась, потирая ноющую поясницу.

— Ахельм-Ур, приведи Горейна.

Юноша кивнул и скрылся в каюте. Мгновение спустя он появился в сопровождении маленького круглого человечка с вкрадчивыми движениями и глазами голодной лисицы. Человочек встал перед Иванной на колени и коснулся губами уголка ее щеки.

— Приказывайте, сударыня.

— Сколько пленных о-цигнов содержится в наших темницах?

— Около сотни, сударыня.

— И большая их часть взята как раз здесь, на Изгибе?

— спросила она.

— Да, около тридцати лет назад, — ответил Горейн.

— Похоже, тогда у них еще не было пятиглавого дракона. Ты уверен, что пленники еще живы?

— О, да, сударыня. Эти змееложцы так быстро не дохнут.

Иванна довольно хлопнула в ладоши.

— Отлично! Хотя никогда бы не подумала, что буду так радоваться их крепости и долголетию. Приведи их всех. Лично ко мне.

— Слушаюсь, сударыня.

— Для допроса, матушка? — затаив дыхание, спросил Ахельм-Ур.

— Для допроса, — Верховодящая кивнула капитану, давая сигнал к отходу. — Йегу-Инн должен пасть.

В трапезной было тихо, только чуть поскрипывало перо в руке Норриса. Низко склонившись над журналом, он записывал произошедшее за день события — сбор урожая в подземной оранжереи, кормление пещерных улиток, охоту на краснохолок, подметание полов. Остальные братья, кроме стоявшего на страже Рейно, расположились на диванчике и читали девяносто третий том «Великой Имперской Истории».

— Эх, — мечтательно сказал Эйрин, переворачивая страницу. — Вот нам бы в то время жить. Представляете, что бы было?

— Пятиглавый Ингрэ на службе у владыки о-цигнов?

— А хотя бы! Лонтаны так бы и остались на своем полюсе, и льды основательно проутюжили бы и их города, и их башни, и их самих, — воскликнул Ирре.

— Это было бы справедливо, — кивнул Эйрин.

— Справедливо и прекрасно.

Оба вздохнули.

— Жаль, что это невозможно.

— Жаль. Даже если бы мы и жили в то время...

— Мы ничего не смогли бы сделать, — закончил за брата Ирре. — Ингрэ — не меч, а всего лишь щит, он существует только здесь, на священном Йегу-Инн и только тогда, когда крепость в опасности.

Герос зачарованно рассматривал портрет императрицы Миры. Знаменитая красавица была изображена в пышном придворном платье, украшенном сотнями крошечных изумрудов.

— Очень хороша, правда? — спросил он.

— Да. Только не забывай, что она — наша прабабка, — засмеялся Норрис, откладывая перо и разминая пальцы.

— Я и не забываю, — насупился Герос.

Он захлопнул фолиант и принял расхаживать по комнате, заложив руки за спину. Эйрин наблюдал за ним со сдержанной улыбкой.

— Что, дружок, маешься?

— Скучно что-то. Лентаны затянулись, носа не кажут. Податься не с кем, душу отвести.

— Пойди к Рейно, на крышу, поупражняйся.

— Да ливень там.

— Тогда на кухню — лепешек приготовь.

Герос насупился еще больше.

— Вообще-то, твоя очередь.

— Моя-моя, кто ж спорит, — сказал Эйрин. — Я надеялся, что ты мне компанию составишь.

— Может, и составлю. Запеканку сделаем — как раз птичек сегодня набили изрядно, да и клубни свежие подоспели. А на десерт — блинчики.

Не сговариваясь, они вышли из комнаты, и каблуки их сапог гулко застучали по ступенькам. Ирре проводил братьев взглядом, раскрыл книгу и вернулся к чтению. Рука Норриса снова заскользила по страницам журнала.

— А ты знаешь, что с последнего нападения лентанов минуло ровно три месяца? — спросил он вдруг.

— Так много? — удивился Ирре. — А кажется, что совсем недавно...

— Чувствуется, основательно мы их тогда отделали — боятся лезть.

Ирре покачал головой.

— Не думаю.

— Мы затопили пять или шесть кораблей! — заметил Норрис. — И сильно повредили еще три. Эскадре был нанесен очень серьезный урон.

— Подумаешь — утопили парочку лоханок! Флагман то ушел!

Зеленые глаза Норриса насмешливо сверкнули. Он отодвинулся от стола и закинул ногу на ногу.

— И что? Один флагман много не навоюет, знаешь ли.

— Да не в самом флагмане дело! — возмутился Ирре.

— Как ты не понимаешь!

— Чего я не понимаю?

— Флагман — всего лишь набор досок, веревок и гвоздей. Но на нем находился командир, который руководил боем, который наблюдал за нами и делал выводы!

— И что? — повторил Норрис.

— А то, что он сумел уйти и теперь наверняка планирует возвращение.

— Как страшно. Пускай поскорее возвращается, а то Герос, вон, тоскует, места себе не находит.

Ирре скривился. На его лицо тенью набежало раздражение.

— Твоя легкомысленность меня просто умиляет! Мы здесь не для того, чтобы развлекаться. За нашими спинами — целый народ, наш народ.

— И тебе кажется, что я этого не понимаю? — со злостью спросил Норрис.

— Я вижу, что ты не понимаешь, — отрезал Ирре. — Как мальчик маленький — шесть кораблей утопили, шесть кораблей утопили! Не видишь очевидных вещей.

— Так вот, значит?

— Именно так.

Они обменялись неприязненными взглядами.

— Тебе стоит подумать над моими словами, — сказал Ирре и уставился в книгу.

Не успел Норрис раскрыть рот для ответа, как снизу донесся полный ярости крик. Потом кто-то пискляво, с повизгиванием, запел. В коридоре забухали шаги, дверь распахнулась, и в трапезную влетело белое привидение. Прижимая к груди фаянсовую миску, приведение вскочило на шкаф и отряхнулось. На пол посыпалась мука, и перед братьями предстал еще более растрепанный, чем обычно домовой.

— Лови уродца, — заорал с порога Герос.

Увернувшись от летящего на него тома «Имперской Истории», карлик прыгнул на соседний шкаф, потом на буфет, зацепился ногами за люстру и повис головой вниз. Повисев так секунду, он с нарочитой неторопливостью отпустил миску, и та с грохотом разбилась об угол стола, залив журнал тестом для капустных блинчиков.

— Клянусь пеплом предков, — только и сумел вымолвить ошарашенный Норрис.

Иванна-Ор-Кильме сидела в застеленной коврами каюте «Летящего» и внимательно изучала потрепанные коричневатые свитки, исписанные убористыми угловатыми символами.

— Семь лет растяли они дракона, нареченного именем Ингрэ, отчаянно отбиваясь от атак лентантов. Когда дракон впервые поднялся в небо, оставшиеся в живых о-цигны ушли под землю, чтобы присоединиться к возрождающемуся из праха народу, — прочитала она.

Ахельм-Ур заглянул ей через плечо.

— Это хроники? — спросил он.

Верховодящая кивнула.

— Как всегда, нелепое изложение, куча ненужных подробностей, где этого не требуется и лишь туманные намеки о событиях, которые нас интересуют.

— Тем не менее, кое-что прояснилось, — сказал юноша.

— То, что дракона создали о-цигны? Мы и раньше об этом догадывались. Вот если бы его создателей найти — совсем другое дело.

Положив свиток поверх кучи других бумаг, она откинулась на подушках.

— Все это очень увлекательно, но не дает нам никакого представления о том, где проклятый дракон прячется.

— Матушка, а может, это и не дракон вовсе, а мираж?

— робко предположил Ахельм-Ур.

— Хорош мираж — половину моей флотилии затопил!
— Да и мы сами еле ушли, — заметил Врин.

Он вошел в каюту без стука и теперь нерешительно переминался на пороге, скимая в руках капитанский берет.

— Что-то случилось? — спросила Иванна.

— К вам пожаловал Горейн, — лицо Врина выражало крайнее недовольство. — Я бы все-таки попросил вас, Верховодящая, указать ему, что пленных следует хоть иногда мыть. Вид всей этой змеючной швали и так оказывает на мою команду плохое воздействие.

Иванна вспомнила толпу донельзя грязных, покрытых язвами и синяками оборванцев и не могла не согласиться.

— Я прикажу ему, — пообещала она, — хотя не думаю, что он еще кого-то приведет. Похоже, мы переговорили уже со всеми.

— Тем не менее, он нашел одного.

— Нашел? — переспросила Верховодящая. — Что ж, будем надеяться, что хоть от него мы чего-то добьемся.

Капитан странно посмотрел на нее и склонил голову:

— Уверен, что добьемся.

Он отвесил поклон и скрылся за дверью. Не успела Иванна усесться поудобнее, как деревянная ручка снова скрипнула и в комнату вошел Горейн. За ним, скованный по рукам и ногам, шел истощенный человек в хитро сделанном бронзовом шлеме. Забрали шлема было опущено, не позволяя видеть лица незнакомца и только спутанные желтые волосы, в которых кое-где еще мелькали хрусталики, говорили о том, кто он такой.

— Жрец, — воскликнула Иванна, невольно хватаясь за сердце. — Поклоняющийся Сойлу.

Перед ее глазами встало залитое солнцем поле, выстроившиеся в шеренгу войска и человек, простирающий руки к сияющим небесам. Она не помнила, что произошло потом, но шрам, уродливый шрам от ожога, остался у нее на груди на всю жизнь.

Худые, покрытые лохмотьями, плечи чуть дрогнули.

— Тепло, — пробормотал человек. — Очень тепло.

Верховодящая выпрямилась. Прошлое осталось далеко позади и глупо цепляться за былые страхи.

— Итак, это свершилось. Могущественный жрец схвачен, обуздан и превращен в беспомощного червяка.

Ахельм-Ур подошел поближе, чтобы лучше рассмотреть пленника.

— Это Зегерро, сударыня. Приближенный самого Рагхета Харра, имира, — сказал Горейн.

— Чудесно. Лучше и не бывает. Удивительно только, что южане не откопали его прежде нас.

— Сударыня, этого солнцепоклонника так усиленно прятали, что, в конце концов, советники Царствующей сами забыли о его существовании. В ходе выполнения моей миссии, я наткнулся на старого полубезумного тюремщика и потратил час на беседу с ним. Кто бы мог подумать, что в Крирке действительно есть подземный ход с тайными камерами? Но странно не это, — он обвел глазами присутствующих, — а то, как стоящий перед нами о-циги смог прожить там почти десять лет, питаясь только крысами?

Внимательно слушавший рассказ Горейна Ахельм-Ур удивленно моргнул.

— Зачем же его прятали?

— Не зачем, а от кого, — ответила Иванна. — Полагаю, от нас. От Южных. От Кочующих. Государыня опасалась, что сила этого человека может быть повернута против нее.

Поведя рукой по затылку пленника, Горейн щелкнул замочком, и нижняя часть шлема раскрылась.

— Не больно-то он грозен, — выразил общее мнение сын Верховодящей. — Трясется, бормочет что-то под нос.

Стоявший посреди каюты жрец, и в самом деле, представлял зрелище жалкое. Он все время вздрагивал, втягивал голову в плечи и зябко потирал руки. Губы Зегерро непрерывно шевелились, но разобрать, что он говорит, было невозможно — слишком тих и слаб был его голос.

— По-моему, он спятил, — сказал Ахельм-Ур. — Впрочем, меня это не особенно удивляет — столько лет провести в темнице, наедине с крысами...

— Да. Он не в себе. Но крысы тут совершенно ни при чем, — проговорила Иванна.

Горейн согласно наклонил голову.

— Сударыня хорошо знает о-цигнов.

— Жрец связан с Сойлом, — пояснила она сыну. — Вся его жизнь заключена в общении со светилом. В этом и его сила, и слабость. Потеряв возможность смотреть на солнце, он постепенно сходит с ума, его личность разрушается.

— Значит, теперь от него нет никакого толка? — спросил юноша.

— А вот это мы сейчас узнаем.

Легко поднявшись с подушек, Иванна подошла к Зегерро, взяла его за руку, погладила по щеке. Покрытые ранками губы жреца дрогнули, сложившись в неуверенную улыбку.

— Тепло, — хрюплю прошептал он. — Горячо. Горячо, как кровь. Как огонь. Как драконий огонь.

Лентаны переглянулись. Лисы глазки Горейна блеснули.

— Что ты знаешь о драконе? — тоже шепотом спросила Верховодящая.

— Дракон — это страж, — медленно ответил пленник.

— Страж Йегу-Инн.

— Ты видел его? До того, как тебя схватили?

Жрец гортанно засмеялся.

— Откуда он? Ты призвал его? — настаивала Иванна.

— Сойл. Только милостью Сойла.

Едва сдерживая волнение, Ахельм-Ур подался вперед.

— Как его убить? — воскликнул он.

— Убить? — Зегерро обхватил себя за плечи. — Нельзя убить, нет-нет. Плохо для о-цигнов.

Метнув на сына грозный взгляд, Иванна обняла жреца и успокаивающе потрепала по волосам.

— Хочешь выйти на солнышко? Погреться под его лучами? Сейчас утро и небо чистое-чистое.

Тот лихорадочно сжимал ее ладонь.

— Да, мне туда надо, надо!

— Мы пойдем. Мы снимем с твоих глаз маску и ста-

нешь таким, как прежде. Если поможешь нам.

От этих слов Зегерро сжался как пружина, и по его телу пробежала судорога. Звякнули цепи на руках и ногах.

— Дракона убить нельзя, — сказал он неожиданно ясным голосом. — Людей — можно.

Ирре, Эйрин и Норрис сидели на кухне, уныло созерцая устроенный домовым погром. На полу валялись черепки, скорлупа и обрывки капустных листьев. Полки были густо присыпаны мукой вперемешку с просом. Возле печи лежала гора измазанных в глине полотенец.

— И журнал испортил зачем-то, — никак не мог успокоиться Норрис. — Что за вредное существо!

— По-моему, пришла пора для решительных действий, — сказал Ирре. — Так больше продолжаться не может.

— Все это закончится тем, что уродик обвалит потолок на лестнице, и мы не поспеем на башню в нужный момент.

Эйрин вздохнул. Раньше ему было жаль карлика, но теперь он не мог не призывать, что братья правы.

— Надо его приструнить, а то совсем разбаловался. Не ценит хорошего к себе отношения.

— Мы опять встаем перед тем же вопросом: как его поймать, — изрек Ирре. — С одной стороны, у домового все преимущества — он мал, верток, знает тайные норы в стенах. Однако, нас больше, и мы малость поумнее.

Эйрин закинул ногу на ногу и потянулся.

— Предлагаю его перехитрить. Поставить ловушку с аппетитной приманкой и ждать, пока он клюнет.

— А если не клюнет? — сумрачно спросил Ирре.

— Тогда будем думать дальше.

Братья погрузились в недолгое молчание. Норрис колировал носком сапога засохший на полу комок теста, горестно вспоминая о загубленном журнале наблюдений. Шелковистые каштановые пряди падали ему на лицо, щекотали нос и щеки.

— Скорей бы уж Герос пришел с краснохолками, — сказал он. — А то кушать очень хочется.

— Может, поднимемся к нему наверх? — вяло предложил Эйрин.

Рисунки Любови Курзановой

Ирре кивнул и поднялся с табуретки.

— Надо было сразу всем вместе идти. Быстрее бы дело пошло.

— А кто же будет все это убирать? — всполошился Норрис.

— Уберем-уберем. Но не на голодный же желудок.

По дороге в башню они опять принялись строить плавни поимки домового:

— Вот кстати, пожарим мяска — чем тебе не наживка?

— Отличная наживка! Горячее будет благоухать на всю крепость!

— Попробовать, пожалуй, стоит.

Ливень почти прошел, и с затянутого тучами неба срывались только отдельные крупные капли. Было прохладно, дул сильный восточный ветер, но краснохолки словно не замечали этого. Яркими пятнышками птицы метались над берегом, то опускаясь совсем низко к воде, то поднимаясь ввысь.

Герос стоял в напряженной позе, сжимая в руках заряженную кельзу. Дождавшись, когда стая окажется точно над башней, он прицелился и трижды выстрелил. Раздалось тревожное кудлыканье, хлопанье крыльев, и на мраморные плиты упали две краснохолки.

— Какие-то странные они сегодня, — сказал Ирре. — Дерганые.

— Точно, — согласился сидевший на специальном возвышении для наблюдений Рейно. — Весь день беснуются.

— С чего бы это, интересно? — удивился Норрис.

Опустившись на колени, он изучал добычу.

— Пухленькие такие. С жирком.

— Сковорода по ним плачет.

— Что ж, не будем заставлять ее ждать, — улыбнулся Эйрин.

Он подхватил обеих птиц и направился к выходу. Герос, Ирре и Норрис последовали за ним, шумно обсуждая различные способы приготовления мяса.

— Эй, — окликнул их Рейно, не отрывая взгляда от океана. — Будьте в любую минуту готовы. На горизонте маячит какая-то флотилия, пока не приближается, но чует мое сердце, что так просто лентаны не уйдут.

Эйрин махнул рукой.

— Пускай себе. Ведь нас пятеро!

— Пять сильных пальцев, сжимающихся в кулак.

— Мы опора нашего народа.

— Мы щит и последний оплот.

— Мы — пламя, которое спалит врагов, — бодро закончил Рейно. — Ладно, идите уж скорее, а то у меня жи вот подводят.

Герос открыл дверь на лестницу и тут же отскочил в сторону, пропуская несущегося во всю прыть домового. Оказавшись на крыше, тот оглянулся, принюхался и одним прыжком очутился на спине у Эйрина, вцепился ему в волосы.

— А вот и наш дорогой друг! Сам в руки лезет! — заорал Ирре, пытаясь связать отчаянно лягающегося карлика своим поясом.

Не тратя времени на разговоры, Норрис ухватил домового за загривок и рванул на себя. Домовой зашипел и выпустил когти. Вскрикнув от боли, Эйрин отступил на шаг назад, потерял равновесие, и все трое рухнули на пол. Первым из образовавшейся кучи выскочил юркий карлик, сжимая в мохнатых ручках подстреленных птиц.

— Держите его, он наш ужин уносит!

Ирре крутанулся на месте и бросился за ним. Уже возле самого порога ему удалось настичь беглеца. Но тот, не мысливо изогнувшись, снова вырвался и нырнул в коридор. За дверью послышались звуки борьбы, и на крышу

вышел Герос, крепко удерживая домового.

— А вот и попался.

— Ну вы даете, — сказал Рейно.

— Тащи его сюда, — хрюкло проговорил Ирре, потирая ссадину на локте.

— А птиц — на кухню, — добавил Эйрин.

Обведя братьев полубезумным взглядом, карлик снова рванулся, залопотал что-то нечленораздельное и вдруг впился зубами в шею краснохолки. По его подбородку потекла кровь, он закашлялся и сплюнул перья, не прекращая жевать жесткое сырое мясо.

— Вы только посмотрите..., — начал было Герос, но тут домовой дернулся, забился, на побелевшем лбу выступили капли пота.

— А-а, — мучительно простонал он и замер.

Выскользнув из его пальцев, обе птицы тяжело шлепнулись на пол.

— Яд, — еле слышно прошептал Норрис.

Братья переглянулись.

— Вниз, быстро, — первым спохватился Эйрин, — надо попробовать ему помочь.

Герос нес домового бережно, прижимая к себе как уснувшего ребенка. Произошедшее не укладывалось в голове — никчемный коротышка, хулиган и недотепа спас их всех ценой собственной жизни.

Дойдя до трапезной, он уложил карлика на кресло, накрыл одеялом. Ирре рылся в шкафу, разыскивая подходящие снадобья, Норрис топтался рядом.

— Что за яд такой — птиц не убил, но отравил их мясо?

— Я когда-то читал о таком — это сок полярного циряниника. Кажется, подобным образом был убит один полководец времен последней войны.

— И как карлик..., — Эйрин запнулся. — И как малыш узнал, что краснохолки опасны? Почувствовал запах?

— Или правильно понял их поведение? — предположил Герос.

— Проклятье, где же это лекарство?

— Вон там, выше, видишь? Коричневая бутылочка?

Ирре потянулся к полке, и в этот момент крепость содрогнулась от тревожного колокольного звона.

— Лентаны на подходе, — гремел голос Рейно. — Лентаны, лентаны! На стены! На стены!

— Проклятье! — снова выругался Ирре.

Он подскочил к домовому и влил ему в рот несколько капель снадобья.

— Наверное, уже поздно.

— Скорее! Ему мы больше ничем не поможем, — сказал Норрис, подталкивая остальных.

Дверь захлопнулась, оставив карлика одного.

— Лентаны, лентаны, лентаны, — гремело отовсюду.

Флагман «Летящий» полным ходом двигался вдоль Изгиба к вырастающей на горизонте крепости Йегу-Инн. Эскадра шла следом, сияя снежной белизной парусов, серо-красные флаги и вымпелы трепетали на ветру.

— Через час будем, — сказал капитан Брин.

Иванна-Ор-Кильме сдержанно кивнула. Вцепившись в поручни, она жадно смотрела вперед. За ее спиной стояли Ахельм-Ур и Горейн, чуть поодаль, по-прежнему в цепях и закрывавшем лицо шлеме, сидел Зегерро.

— Вы обещали мне солнце, — шептал он.

— Да. И ты посмотришь на него. После боя, — отмахнулась Верховодящая.

— Но ведь мы все можем погибнуть? — в голосе жреца зазвучали нотки мальчишеской обиды.

— Не можем. Если твой план сработает.

— Я буду молиться, — сказал он, опуская голову.

Иванна покала плечами и поднесла к глазам подзорную трубу. Крепость приближалась.

Он спал, и ему снилось раннее, давным-давно позабытое детство — овальная комната, игра лучиков света на потолке, ласковые руки няни.

— Лежите, маленькие, тихонько лежите, к вам папа пришел.

Быстрые шаги, уверенные голоса над головой:

— Эйрин, Герос, Рейно, Ирре, Норрис...

— Пятеро... Пять сильных пальцев, сжимающихся в кулак...

— Ты уверен, что все получится?

— Мы просто не можем поступить иначе... Не можем. Начинай.

Потолок раскрылся, и поток солнечного света хлынул в спальню. Из воздуха соткались призрачные мерцающие нити, протянулись между колыбелями.

— Погоди, — имир коснулся плеча Зегерро. — Здесь же Онир. Наверное, кормилица забыла его унести.

— Нет. Он нам тоже нужен.

— Но почему?! Их ведь уже пятеро! Зачем тебе нужен несчастный больной ребенок, калека?

Брови жреца приподнялись.

— Что такое пальцы без ладони?

Рагхет молча смотрел на него и Зегерро продолжил:

— Мы не знаем, как братья уживутся вместе, когда вырастут. Мы не сможем за ними присматривать и мирить в случае надобности, а ведь от их дружбы, от их взаимной любви зависит слишком многое, — он коснулся безобразно большой, покрытой жестким пухом головы Онира. — Этот мальчик отвлечет их. Маленько, неуловимое чудовище, отвратительное и проказливое. Вызывающее на себя все вспышки дурного настроения, всю усталость, всю злость. Он будет обладать необычайной чуткостью, способностью распознать опасность, подстерегающую Ингрэ... изнутри.

— Ладонь...

Голоса отдалялись, их заглушал навязчивый, бьющий по ушам грохот, требовательный, настойчивый, не позволяющий его не замечать. Онир открыл глаза и застонал — все его тело мучительно горело, острыя, режущая боль

разрывала желудок, сердце тяжело колотилось.

— Лонтаны, лонтаны, лонтаны, — доносилось отовсюду.

Онир приподнялся на локтях и всхлипнул. Надо идти. Надо идти к братьям на башню. Он соскользнул с кресла на пол и мучительно медленно пополз к выходу из комнаты. Стул, скамеечка, ножки стола. Возле порога он перевел дух, подобрался и подпрыгнул, повис на дверной ручке. Дверь отворилась, и он оказался на лестнице.

— Лонтаны, лонтаны, — продолжали скандировать стены, но теперь к звону колокола прибавились другие звуки — влажные щелчки, шелест и гудение, доносившиеся откуда-то снизу.

Отдышавшись, Онир попытался дотянуться до перил, но подступившая тошнота заставила его упасть, сжавшись в комочек. Несколько минут он пролежал, сбираясь с силами и невольно вслушиваясь к доносившемуся с нижних этажей шуму. Щелчки раздавались все чаще, сливааясь в монотонную мелодию. Потом на мгновение все стихло, чтобы разорваться оглушительным взрывом. Коридоры заполнились шепотками, деловитым перестукиванием, мимо Онира, царапая когтями каменную кладку, проскакал отряд рабочих ящеров. Словно из ниоткуда выпорхнула стая крупных насекомых-разведчиков.

— Вернулись, — прошептал он. — О-цигны вернулись... Мы спасены.

Он устало опустил пылающую болью голову на грудь, но тут же вздрогнул, как от удара.

— Нас пятеро! — раздался где-то вверху звонкий голос Эйрин.

— Пять сильных пальцев, сжимающихся в кулак, — подхватил Рейно.

«Они не знают о возвращении и все-таки прыгнут», — отчетливо понял Онир. — «Они прыгнут с башни, чтобы стать драконом Ингрэ, но меня с ними не будет».

Беззвучно заплакав, Онир встал на колени и пополз вверх.

«Я не буду незаметно стоять рядом. Я не полечу со скалы вместе с ними».

— Мы опора нашего народа.

— Мы щит и последний оплот.

Подтянувшись на руках, он забрался еще чуть выше.

«Без меня им не стать Ингрэ. Без меня они просто упадут на землю».

— Мы — пламя, которое спалит врагов, — почти пропел Ирре.

Онир снова подтянулся, перевалил на бок непослушное тело и отчаянно посмотрел на далекий, очерченный светом прямоугольник двери.

«Не успел», — подумал он, чувствуя, как разрывается, рассыпается в пыль его сердце.

— Не успел, — повторил он вслух, продолжая подниматься.

Разве эти ступеньки всегда были такими высокими?

Такими высокими...

Литературная мастерская имени Бориса Марьева:

новые имена

Виктория ЧЕМОДАНОВА

Родилась в Одессе. По образованию — психолог и музыкант. Живет и работает в Екатеринбурге — музыкальный работник в детском саду.

Новому Ангелу

— Я умираю?
— Все умирают,
— спи.
— Ангелы, маменька!
— Сколько их, Катенька?
— три.
— Крылышки белые
Будто бы лебеди...
— всхлип.
— Плакать не надобно,
Ангелы, маменька!
— хреп.
— Я умираю?
— Все умирают,
— спи.

Рождество

Опрелостью латунного младенца
запеклись губы,
Сочится вишней боль переселенца
по жилам грубым.
Морщинистое вымя поднебесья
в укусах звездных,
Желтушная луна — костяшка песья
зовет на отдых.
Ласкается зареванная скрипка
под подбородком,
Рождественская тенорность охрипла,
как первородка.
Горбатится зима заледенело
узлом бансая,
В жасминовые сумерки без дела
иду босая.

Сиротливо пенятся бокалы
На забытой роскоши стола.

Я не та, чьей слабости искали,
Вы не тот, чьей близости ждала.

Я купила любовь
трепыханьем ресниц,
полушепотом снов,
полулегкостью птиц.
Перед страстью оков
и улыбкой блудниц
Даже воля богов
скромно падает ниц.

Вера ОХОТНИКОВА

По образованию — художник-педагог. Живет в поселке Половинный под Верхним Тагилом и преподает в детской художественной школе.

Я счастье свое рисовала.
Этюдник стоял у окна.
На счастье светила луна.
Я краску на кисть набирала.

А счастье, как будто нарком,
Позировать вызвалось мне —
Так четко виднелось в окне
Под лунного света потоком!

И вдруг мое счастье пропало.
Вот только что было. И — нет!
Остался и холст не задет.
И краску я зря набирала...

То птицей вверх, то камнем вниз сорвусь.
Где равновесие? Никак не разберусь.

Шалят мои душевные весы.
А сердце просит утренней росы...

В простой прозрачной слезности ее
секрет гармонии: и все, и — ничего.

Елена БАЙДОСОВА

По профессии — врач-терапевт. Стихи начала писать совсем недавно.

Вспоминать, не забыть тот заброшенный дом,
закрывая глаза, как иду с рюкзаком
за спиной по ступеням, с постельным бельем
в нем.

Раздувая золу в старой печке, зажечь
будешь пробовать долго огонь ты и пе чь
нам позволит в тепле, сбросив лишнее с плеч,
лечь.

Но дыханье твое вдруг разбудит меня.
Словно треск угольков в умиранье огня
в той ночи навсегда растворится возня
дня.

Поутру будет дождь паутину косить
на стекле. Новый день нам двоим огласит
завершенье вчерашнего. Следом размыт
быт.

За окном поползут вдоль изба за избой,
разбредаясь в туман атмосферы рябой.
Щелкнет крышка часов, накрывая их бой.
Вой

все итожа в трубе, поднимая как бровь
и свивая в кольцо, вероятно, любовь
вдруг наполнит сгустившейся горечью кровь.
Вновь

по отдельности нас настигает итог,
что, ускорив шаги, ты использовать смог,
удаляясь и памяти проча залог
строк.

* * *

Поверю ли, что вчерашняя,
сегодня живу легко?

Признания все раздавшая,
вздохнуть могу глубоко?

Неужто как все, любая,
былье начну заметать,
минутами дни верстая,
на стол гостям накрывать?

Задумаюсь, отрешенная,
Услышав молчание дня,
Его немотой оглушенная.
Окликнет ли кто меня?

Чужая, своя, ничейная.
Заждавшись, не позабыть

желаний всех, отречений,
стечений, секущих нить.

Временем отчужденная,
затеряна средь миров,
тайною обреченная,
ткать — не порвать покров,

Закрытая, бессловесная,
рыбым хвостом в пруду,
белкою в перелесках,
птицей в небе уйду.

Анна РЯБОВА

Учится в 8 "г" классе школы №134 в Екатеринбурге

Туда, где...
В солнечных бликах играют стволы
Еще полусонных деревьев.
Дорога ведет на вершину горы,
Туда, где шепчутся ели.

Туда, где сладка роса на листах,
Туда, где туман застилает
Вершины деревьев... Как в сказочных снах,
Укутывает и согревает.

Туда, где воздух прозрачен как лед -
Блестящий кристаллик бесценный.
Туда, где птицы случайной полет,
Как тайна огромной Вселенной.

Туда, где при взгляде на водную гладь
Увидишь свое отраженье.
Туда, где можно до неба достать ,
Туда, где жизнь, где движенье...

От ветра чуть слышный шум листвьев ольхи
Сливается с песенкой лета.
Туда, где весь мир защищен от тоски,
Печали и черного цвета.

Зимний пейзаж

Как на солнце снег блестает!
Поглядишь, — а он не тает...
Ослепительной красотой
Обнял поле, лес густой.

Деревья — будто в сладком сне
Покрыты снегом. На сосне,
Как ожерелье невидимок,
Расположились пять снежинок...

Николай СЕМЕНОВ

Николай Семенов (Вячеслав Михайлович Коркодинов) родился в 1972 году. Работал в иконописной артели, расписывавшей стены в храмах Екатеринбургской епархии (г. Нижний Тагил, Сухоложский район). Сейчас учится на 3-м курсе Иконописной Школы в г. Дубна (Подмосковье). Будущая специальность — иконописец, реставратор темперной живописи. Литературные произведения публиковались в уральских журналах и газетах, а книга стихов "Озимь" в 2002 г. получила премию им. П. П. Бажова.

Псевдоним имеет "сказку", отчего и выдуман. Николай — потому что писатель родился 19 декабря, в день Николы-Чудотворца "Зимнего" (по церковному календарю),

Буся

Теперь жалею: упустил доброту былую, леготу момента. Еще в октябре хозяйствин огород был садом. Одно бабье лето сменилось другим, и мы уже не ждали снега. Лампочки бессмертника звенели в чуланах степенно вянущей ботвы и листвы.

Теперь, в декабре, сижу у Нины Федоровны, спрашиваю, узнаю дальше (сам-то в терминах плох): «Какие ваши росли растения, в окнах моих играли?»

— Это недотроги!

— ?!

— Их не дотронь, а заденешь — они распускаются, лопаются с семенем.

— А как их по-научному записать?

— Говорят, Недотроги!

— А большие были, фонарями? Вы их корневища затем в подполье убрали.

— Это георгины. А еще пионы были розовые, белые и фиолетовые, астры те, ноготки лекарственные они, сладкий корень ревень (компот из него, кисель делают)... хрень, лук, чеснок...

— Да, да, спасибо...

На загородках висли кудрявые бороды патиссонов и тыкв. Из них булькало зеленое солнце. А сами тыквы, сами, как солнца, валялись кругом. По ограде жили хмель и дикий виноград — калитки не увидишь ни с улицы, ни со двора. Теперь же лохмотья хмеля торчат бурьяном из-под сугробов. Черемуха, ныне обрубленная в культи, тогда кустилась и владела позицией. Однако тварь на ней водилась — тля, которую муравьи, говорит, разводили — таскали, разносили и доили их, любители молочка. К соседнему участку ближе, там малина росла. Смородина, крыжовник также... Кукуруза здоровущая... Дыни (как торт). Вишня простая и войлочная — «она мельчайшей отличается»... Ну, там боб, горох, картошка, редька, «ты же знаешь»...

Записываю. Оглядываюсь.

На окнах теперь ледяные растения, в снежной пурде. Только под оконной бровью, в ручье чистого стекла, виден день. Белый и серый. Давно и подавно идет снег.

Вновь хозяйка, бросая стряпню у себя в хибарке, спешит в мастерскую, где я сочиняю, и сама увлеченно поминает:

— А еще помнишь розы растут, как у самой теплицы

красная, а в колесах-от белая. Сейчас где-то засушенная в доме стоит. Еще рядом был снежок, называют так.

— Снежок?..

— Ага. И незабудка росла тут... И этот еще, как его? Лекарственное растение... Лариса его еще любит... Любисток!

— Любисток?!

— Да. А называют отчего? Что раньше девки ее траву зашивали в подол, чтоб парни любили,казалось, приворотное. Запах ли, че ли хороший нравился, не знаю.

Нина Федоровна уйдет, а я рабочю, вспомнив, что собирался писать о Бусе — про кота местного. Хотел начать светлым кадром, о лучшей памятной картинке моего к году внимания.

Не единожды в солнечные дни я вылезал в огород фотографировать цветы, а, Буся там же где-то пропадал и балдел. И вот нахожу его среди (теперь знаю названия) снежков, незабудок, или из овощных зарослей вынимаю его «Буся, замри на солнышке!»

Сам нацеливаюсь объективом: «Вах! Ты не так сел!» Разворачиваю котика, ласкаю ушастого, нервничаю, как автор предполагаемого снимка.

Усадил, привернулся, подкрутил, к цветочкам приладил Открытика! Решил уточнить диафрагму... Стремительно компоную изображаемое Нажимаю(!) Не взвел на катушках плёнки! Быстро-быстро повторяюсь. Смотрю в оконечко: «Буся, враг, куда пошел?!»

Если бы кот не удрал, я бы хоть что-нибудь тогда заснял. О нем.

... А то было, бабочку фотографировал, сидящую на цветке Она позволила мне снять в хату за аппаратом. Вернуться, ободриться ее покоем в озере красок, наладить съемку и в последний миг щелкнуть затвором-растровкой...

Гадал: кто кого, ибо вспорхнула она очень резко... Когда я напечатал снимок, то всем стало видно пустующую шапку цветка. Бессмертника. Что же ты, гусеница с крыльями? Или сам я — незаживающая притча?

...Хозяйка вновь идет.

— Под окнами с той стороны еще ведь лилии растут,

Божественный цветок... Знаешь про архангела Гавриила?.. Лилии большие, пушистые. Лимонник китайский рос, пастернак, петрушка, укроп, душистый горошек; в теплице огурцы, помидоры... Девясила. Это девять сил, он и от кашля, и от желудка... Уж и не вспомню всего, что мне Господь ростит.

Опять прощаемся, я снова воображаю свое, несостоявшееся фотографически. «Среди лимонника душистого...» Далеко не лимоны? И душист ли? — Тогда иначе: «Среди трав и цветов благодатного места, почти вне времени — долг еще светлый уральский день, гуляет неторопливое животное... Буся... Обернется на миг, и можно увидеть кошачью морду, красивейшую среди подобных на всей нашей улице. Очи какого-то правильного рисунка, цветом почти сиреневые. Всех, его знаявших, он подкупал домовитостью, неистеричностью. Личность, так сказать.

О том, что сия личность, лет шесть проводившая в доме, недавно пропала, о том, что пропажей своей побудила скрять даже самых, казалось, равнодушных людей, увы, требуется писать особо... Сегодня же снегопад непомерный, отчего кругом тише и теплее.

В Бусином раю, наверное, так же... Вышел я в сени, там хозяйка предметы двигает и меня встречает:

— А из цветов еще чудный цветок бывает у меня. Когда снег сходит, еще лежит весной, а они появляются. Зовется крокус, три цвета их вижу: белый, голубой, желтый... И тюльпаны весной будут... И еще есть какие-то синенькие цветочки, но я не знаю, как звать... Несколько их.

Мудрецы сонного берега

Было уже утро, когда один из наших проснулся, расмеявшись во сне. Среди этого мгновенного пробуждения он успел услышать собственный смех, которому поддался сейчас где-то во сне. То есть, он очнулся так срочно, что успел увидеть себя спящим и смеющимся во сне. Удивляясь такому случаю*, вдруг совершенно ободряясь от сонной неги, он немедленно припомнил забавные подробности видения и вновь посмеялся. Вслед за погруженным в сон сознанием внешнему его вниманию показалось весьма остроумным нечто, имевшее силу насмешить до, после и во время пробуждения. «Конечно, это издавательство! Абсурд, приличный качеству «бардачка» моей башки. Однако, и готовый анекдот». Оказывается, только что некие персонажи сонной постановки изображали искренних рыбаков, приветствуя наличный улов, а именно:

* Примечание: Его знакомый рассказывал следующее: однажды он проснулся так резко, что собственными ушами успел услышать, как сам хранил во сне.

Рисунок Ольги Бочениной. Из цикла "Таватуй"

— У нас уже есть пять майонезных баночек: хорошие баночки из-под майонеза.

— Да, давайте варить УХНЮ!

— Ты неправильно сказал. Мы, конечно же, будем варить, но не УХНЮ, а ШТУХЦУ!

— Ребята, вы ошибаетесь. Надо сказать УХАРЮ! Ведь она называется УХАРЯ.

— Ну, ты комик. Еще чего придумаешь? Разве можно такой хороший улов нарицать неточными и нелепыми словами?

— Да, надо сказать УХНЯ!

— Нет, нужно говорить БАХЧА!

— А вот и нет, а вот и не бахча, а только по-старинному: ГИП-ГОП!

— Все вы страшно заблуждаетесь... Мы будем есть ХА-ХА-ХА!

— Все вы, как всегда, перепутали... Есть одно лишь правильное название ХЭИ О'ХЭЙ!

— А может все-таки ГОУ ХОУМ?

— Но мне сдается-таки, что это просто-напросто ШТУХЦА.

— УХАРЯ обыкновенная!

— ХЛОП-ХОРНАВИЦА!

— ХОРЕНЬ или ШКВОРЕНЬ!

— ХАИ-ГАЛИ-МАТЬ!
— БУРА!
— ШМУ-ШМА!
— ШЛЯЙНЕ-ШТИ!

Недолго, но обильно препирались на берегу замысловатые рыбаки, припоминая название для той пищи, которую готовились варить в походном котелке. Костер уже взвился, играл, и еще пустой, вкусно подымливал дровами: баночки из-под майонеза, в количестве пяти штук, не шевелясь лежали в полиэтиленовом мешке, поблескивая подсохшими боками. То есть, они были еще мокрые, потому что их недавно прополоскали в тихой пресной воде, умывая внутренние стенки от остатков майонеза.

Но герой рассказа, которому вся та чепуха приснилась, уже давно хохотал над нездачливыми любителями ухи. Еще будучи спящим, он сразу же заметил комедию в этой истории, наверняка зная о том, что рыбачий улов после варки в воде (для потребления в качестве пищи), называется русским словом «куха». И то зная, что уху невозможно сварить из баночек. Тем более майонезных. Даже если их уже пять штук. Вот чего не заметили мудрецы сонного берега! Они удивительно отвлеклись от зерна проблем, от гвоздя программы, они уже не зрели в корень, когда подняли гвалт нечеловеческой лексики. И никто из них не сумел усомниться в вопросе первой величины: «Из чего-чего мы будем что-то варить? А, господа?»

Наш герой смеялся во сне, смеялся и в миг своего пробуждения, и, проснувшись, весело хныкал. Затем подумал, что описываемый сюжет чем-то похож на рассказ детского писателя Драгунского, читанный нашим героем в детстве. Там (в рассказе) беззубые мальчики спорили о названии еловых шишек, дивясь любому произношению: «Сыски! Хыки! Фыфики!»

Бреясь над рукомойником, наш герой вдруг осознал этимологию слова УХА. «Да.. Люди потрудились, поволновались, и вот их жирная рыбка наваристо булькает в соленом кипятке; люди собираются, вокруг сидят, тянутся с ложками, и кто-то опять произносит громкое:

«Ух!.. Ух уж эта ушица!» И никто из товарищей ему не возражает. На то она и уха! Или УХТА?..

Скелет

Как-то я в раннем детстве узнал о себе: «я — скелет». Это открытие произошло не сразу, но убедился я в том самостоятельно. Что это действительно так — заранее никто меня не оповещал. Хоть я рожден был в обществе досадивших себе унынием материалистов, — все помалкивали.

Скелетов я где-нибудь иногда видел, например, нарисованных в газете. Там рисовали аллегорическое изображение Голода в Анголе, или Атомной Смерти, или Безработицы. Конечно, я не умел читать, и мне редко читали газету. Папа этого не успевал, а мама не догадывалась.

Еще однажды я мог увидеть знак «со скелетом»: «Не влезай — убьет!» Еще во дворе на стенах какие-то шалуны рисовали череп с костями...

О покойниках-людях я мельком слышал. Видел издале-

ка и знал, что «он лежит в гробу». Но уже встречал на улице заваленный труп кошки, с забелившимися костями и осколом в голове.

Мне было года четыре, к тому времени я уже понял, что я — это я. Что я есть. Смотрел иногда на свою руку, находил костяшки. «Кости?!»

Однажды нашу младшую группу выгуливали во дворе садика-яслей. Это была осень или весна. А в ограде был лаз и выход через пустырек до пятиэтажного дома. А в доме был подвал (бойлерная?). Из подвала пустыми глазницами чернели окошки.

Наши мальчики стали выползать в лаз и бегать к черному окошку. Вдруг пронеслась страшная новость: « Там — скелет сидит! » Я вижу общее замешательство, не хочу верить и уже боюсь. Кто-то из новеньких в этой истории сходил «туда», посмотрел, бежит и кричит, верещит, всех пугает: «Там скелет! С зелеными глазами! Идите смотрите».

Ничего себе смотрите. Желающих поприветствовать скелета было мало, а на шум-беготню ринулись нянечки и воспитательницы. Всех смельчаков завернули обратно. А я успокоился — вот уж не надо идти, такой страх смотреть.

Может, там была кошка, у которой глазки блестели, а среди наших малышей были такие герои, которые решительно посмотрели в эти глаза «скелета»...

А затем очень скоро мои переживания, размышления, сопоставления разных данных (во многом, конечно, работа подсознательная) — привели к откровению.

Вновь и вновь я проверял строение моей детской головы, сколь было возможно, анализировал уже в бодром сознании. Очень удобно и хорошо прочитывались кости черепа: от хрящика носа, нижняя челюсть с молочными зубами, кругляки глазниц... Это был главный аргумент... Череп!

Я понял: я — скелет.

Значит, я тоже когда-нибудь стану совсем скелет, то есть умру...

Мне стали сниться скелеты, я не хотел спать и плакал.

Это открытие до сих пор меня беспокоит. Но уже не так страшно. В раннем детстве мои страхи и уныние не жили долго, я был утешаем родителями, соседями, и даже Государством, очень ласковым к детям.

Теперь я стал постарше, костью крепче, но суть дела остается прежней. Я не всегда веселюсь, читая анекдоты криминальной хроники, не люблю смотреть фильмы о килерах и маньяках, а манифести самубийц воспринимаю с великим негодованием.

Хочу пастись в нечужом саду, в нем так много интересных памятников.

Как-то, гуляя среди прежних пастбищ, возле территории бывшего детского сада, поминая тревоги дня, я остановился перед окошком в цоколе пятиэтажного дома. Медленно приблизился и заглянул — там опять сидела кошечка. А глаза у нее блестели.

Теперь я считаю, что скелет — это почти не страшно, когда смерти почти нет. Скелет — это даже хорошо.

Сергей ПОЛЯКОВ, г. Магадан

Золотинка

Гигантской допотопной черепахой драга выползла на песчаную отмель и осохла, не сумев вернуться в родную стихию. Ковши транспортера в последнем усилии вгрызлись в подошву дюны и завязли в ней. Разрушенная промычная установка угрюмо маячит среди галечных отвалов, не дождавшись прихода воды. Жизнь на плавучей фабрике замерла навсегда!

Я давно хотел осмотреть драгу, но мешал запрет отца. В окрестностях бродят оголодавшие за зиму медведи, которым сложно прокормиться в начале колымского лета. Звери стали непредсказуемы, и встреча с ними небезопасна.

С утра предок с опробщиком ушли на вскрываемый полигон проверить содержание золота, и я не медля отправился к брошенной промустановке. Артель наткнулась на нее случайно. Пески здесь промыли в конце пятидесятых годов, никто не помнит о списанной и оставленной в тайге драге.

Любопытство пересиливает страх перед косолапыми, я подбадриваю себя мыслью, что медведь днем на человека не нападет. На полевом стане скуча. Взрослые работают по двенадцать-четырнадцать часов, я жалею, что навязался с отцом в командировку.

Неутомимо палит раскаленное солнце. В отличие от прохладного дождливого побережья (низкие температуры на Колыме — постоянное явление). Вдоль заросшей тропинки столбиками застыли сваржки, сложив лапки, точно монахи-капуцины. В тополиной рощице отсчитывает годы неугомонная кукушка. Плотное облако комаров колышется надо мной, и я нашупываю в кармане фланкончик дэты.

Приближаюсь к проржавевшему, обветшавшему судну. Внезапно на нем раздаются глухие металлические удары. Кого, с какой целью сюда принесло? Обогнув драгу, крадусь вдоль борта в густом ольховнике. Звуки ударов затихают, и охрипший мальчишеский голос спрашивает:

— Всю заплату срубать?

— Всю! — категорично подтверждает тенорок. — Тут работы непочатый край. Стыки сваренных труб, броня скрублера, заплаты, палуба...

— Я два пальца себе раскровянил, — понуро извещает обладатель хриплого голоса и умолкает.

Поднявшись по склону отвала, я нахожусь на уровне палубы драги. Осторожно раздвигаю ветви ольховника. Странная картина предстает передо мной.

Четверо подростков самозабвенно трудятся над проржавевшей обшивкой плавучей фабрики. Они вооружены

молотками, зубилами, ножовкой по металлу и прочим слесарным инструментом. Девчонка с ярко-рыжими волосами, повязанными косынкой от пыли, с бледным худеньким лицом старательно скребет и шаркает рифленую палубу судна. В ее руках —металлическая щетка из распущенного трюса и метелка.

— Ржавчину до блеска выскребай! — командует худенький, заморенный подросток с прилипшей к губе папиросой. Он выхватывает у девочки щетку и деловито еловит по решетчатой ржавой палубе. Симпатичная девчушка коротко лупает глазами, и согласно качает головой.

Шкет, обладатель тенора — видимо, вожак, и остальные беспрекословно подчиняются ему.

Светловолосый крепыш срубает зубилом наваренную на трубу заплату. Кучерявый брюнет бережно выскребает и собирает в ковшик песок из невидимой щели. Вожак, чертыхаясь, пилит ножовкой трубу. Подростки — на вид — мои ровесники.

Подгонять никого из компании не приходится. Каждый работает усердно. Блондин, в очередной раз угодивший молотком по пальцам, не издает ни звука. Чернявый археолог с непостижимым упорством извлекает песчинки из щели. Девчушка отирает капли пота, беспрерывно скребет и метет рифленый металл.

— Попить бы! — самой себе жалуется она.

Шкет, с завидным упорством выпиливающий стык труб, соглашается:

— Перекур, пацаны!

Ребята рассаживаются на палубе, с удовольствием пьют воду из фляг, вкусно умываются. Напившись, они представляют лица налетевшему прохладному ветерку и блаженно замолкают.

Молчание нарушает худенький брюнет, обращаясь к главарю:

— Пашка, может, здесь и нет ничего? Без малого полвека минуло: дожди, снег, ветер! Вдруг смыло его?

— Чепуха! — категорически отмахивается Пашка. —

Золото воды не боится, оно никаким дождям не поддается!

— Намыть бы стакан? — мечтательно улыбается девчушка.

— Золотинка, ... стакан ... Губу раскатала! — поддеваёт Пашка. — В стакане килограмм золотого песка, прикинь! В бутылке из под шампанского восемнадцать килограммов. Нам бы подфартило патрон шестнадцатого калибра намыть. Четко выверено, в гильзе сто сорок граммов.

— Леша, давай я тебе палец перевяжу, — обращается

девочка к подростку-блондину.— Болеть меньше будет, и грязь не попадет.

Она достает из кармана спортивных брюк кусочек чистой ткани и бинтует размозженный палец.

— Пашка! — не отстает от вожака мнительный брюнет.— Вдруг до нас драгу чистили?

— Кто сюда попрется, Толик, — укоризненно наставляет маловера Пашка. — Акимыч случайно наткнулся на нее. В округе старожилов не осталось, чтобы помнили о заброшенной драге! Не доставай меня!

— Я ничего, просто... — сконфуженно пасует Толик.

— Просто, — передразнивает приятеля вожак. — На прииске Гастелло заброшенная драга две зимы поселок кормила. Люди сидели без работы и без денег, ловили петлями зайцев, куропаток, — патроны не на что было купить. Зимой на лыжах ходили к драге, привозили на санках скосленный песок и дома, в тазах, мыли.

Золотинка и Лешка вполголоса переговариваются о чем-то. Вожак отбрасывает окурок и командует:

— Кончай ночевать, к барьера!

Долго наблюдаю за копошащимися подростками, и меня осеняет: «Золото — тяжелый металл. Забившись в микроскопическую щель, оно будет лежать там, сколько угодно. Догадливые (возможно, взрослые подсказали?) ребята приспособились добывать драгоценный металл из труднодоступных мест таким оригинальным способом. Вроде и криминала нет...»

Отползаю за гору отработанного песка. Показывается «хищникам» — так называют людей, моющих пески без разрешения, — не стоит. В горячке обвинят в подсматривании, обзовут стукачом, изобьют. «Хищникам» придется покидать добытчивое место. И все-таки подростки совершают уголовное преступление! Жаль.

2

Вечером уставший до смерти отец возвращается с полигона. Он умывается, наспех ужинает в столовой и уходит к рации. Предок входит в комнату, когда я уже дремлю.

— Костя! — окликает он. — Не спиши?

— Нет еще, — я шурюсь на лампу.

— Золото не отходит по плану, — скребет карандашом в затылке отец. — Недотепа-горняк нужные карты с собой не захватил, придется смотреться на денек в поселок, на базу. Развеешься. Осточертело в глухомани?

Компания подростков заинтересовала меня, я решил последить за пацанами, понаблюдать за их деятельностью. От вчерашней хандры не осталось и следа.

— Езжай, я останусь.

Удивленный предок взирает на меня.

— Однако... Утром выезжаем, и, пожалуйста, без возражений!

Дорога, проложенная в долине, просматривается на десяток километров. То есть сама дорога не просматрива-

ется, ее выдают огромные клубы пыли, вздымаемые проходящими машинами. Выехал автомобиль из поселка и беззглядно убегает от липкого беспробывного облака, шлейфом несущегося следом.

При въезде в полуразрушенный поселок меня в очередной раз изумляет будничная для местных жителей картина, к которой я никак не могу привыкнуть. Три пожилые женщины и двое стариков деловито промывают золотоносные пески. Тетки шуршат граблями, отбрасывая камни и гальку, мужчины льют в проходнушку воду.

В двух шагах от старательниц покосившаяся хиbara, из трубы вьется задорный дымок. Для постороннего человека картина странная и необычная: женщины словно картошку пропалывают в центре полуразрушенного поселка, рядом с дорогой.

Отец высаживает меня в центре поселка и уезжает в контору. Я плетусь по пыльной безлюдной улице и размышляю, чем заняться до вечера. В первую очередь нужно принести воды, попить чаю. Потом время покажет.

Я мучаюсь с капризным замком, вдруг дверь квартиры напротив раскрывается. Мать честная, вот так номер! В дверном проеме — парень из старшей группы. Встретиться с собратом по спорту в брошенном поселке, глухой тайге — фантастика!

Он изумлен не меньше меня.

— Салют, Костя!

— Привет, Глеб! Какими судьбами здесь?

Глеб кривит рот.

— Утром подъехал, — он машет рукой. — На заработки. Баксы нужны.

— Я сейчас заварки, сахару соображу, чайку заварим, — предлагаю я. Земляк соглашается.

... — Никому! — Глеб поднимает указательный палец вверх и морщится. — Чтобы ни одна живая душа, даже предок...

Его история незатейлива. Не имея хороших навыков вождения, Глеб разбил дорогую иномарку влиятельного человека. Попав в такой переплет, любитель быстрой езды приехал в артель отрабатывать долговую кабалу.

В нашей секции кекусинкай Глеб не числится в перспективных бойцах, да и спортивные достижения его не волнуют. В уличной потасовке Глеб квалифицированно «катят» противника, и этого ему достаточно. Ускользнув от армии, пан спортсмен трудился на автостоянке, где и влип в неприятную историю.

— Кем приняли на работу? — интересуюсь я.

— Сварщиком.

Глеб поднимается и с озадаченным видом прохаживается по комнате, трогает стены, замеряет высоту потолка.

— Турник хочу установить, — отвечает он на не заданный мной вопрос.

— ???!!!

— Чем тут еще заниматься!

С сочувствием гляжу на полуумного. Сугубо городской человек не имеет понятия о специфике работы в артели. Кроме каторжного труда двенадцать через двенадцать сварщика дергают в ночь-п полночь на аварийные ремонтные работы. Отработав ночь, утром, как штык, ты должен быть на рабочем месте.

«Отдыхать будете зимой!» — любимая присказка начальства.

Я не навязываюсь к парню с поучениями, завтра у него первый рабочий день, и он на своей шкуре почувствует артельные прелести. Мастерства и опыта после курсов у Глеба никаких, и ему придется несладко.

Ночью Колыму подтверждают неукротимый и непредсказуемый нрав. После удушающей дневной жары температура резко падает до нуля. Бульдозеристы и мониторщики отыскивают и надевают припасенные к зиме бушлаты и телогрейки, водители включают обогреватели в кабинах автомобилей.

Сегодня двадцать пятое июня, и такой выверт природы не удивляет местных жителей: «Колыма — чудная планета».

3

На участок мы присажаем после обеда. Начальство выделило на помощь отцу геолога-экстраксанса, и они немедленно отправляются на полигон. Я ни на минуту не задерживаюсь на стане и спешу к плавучей фабрике.

В тайге пышно цветет шиповник, белыми пушистыми гроздьями распустились незнакомые цветы. На отработанных отвалах зеленеют рощицы молоденьких, гибких бересков. Розоватыми и белыми цветками покрылись жимолость, рябины, брусника, голубика. Колымскому лету отпущено лишь несколько недель, и природа компенсирует его краткость буйной щедростью.

Перебредаю канавы, обхожу змеящиеся россыпи ка-

нав, перескакиваю мелкие ручьи и речушки по валунам и камням.

Вдруг до меня доносится отчаянный вопль:

— Помогите! Леша, помогите!

Сломя голову несуясь мимо галечного террикона и оказываюсь на откосе котлована, заполненного прозрачной, зеленоватой водой. У противоположного берега бультывается, молотит руками по воде и истошно кричит девчонка.

Скидываю кроссовки, стаскиваю джинсы и в футболке ныряю в прогретую воду. В несколько взмахов пересекаю водоем, обхватываю утопающую за туловище и плыву к берегу. Испуганная купальщица клещом вцепилась в руашку и мешает выгребать к отмели.

Вдоволь наглотавшись воды, девчушка кашляет, отплевывается, вытирает выступившие слезы. Тощенькая, жалкая, она вызывает неподдельное сочувствие, я отворачиваюсь, чтобы не смотреть на дрожащее, с гусиной кожей, тело.

Невдалеке одежда потерпевшей, и я приношу ей пласти и полотенце.

— Оденься.

— Чуть не утонула, — лязгает зубами незадачливая пловчиха и надевает пласти.

— Да, Гутиэрэ, ты не русалка, — подтверждаю я.

— Я не Гутиэрэ, я Майка. Пришла помыться, поскольку знулась и угодила на глубину. Плавать я не умею.

Это беда колымских детей. За редким исключением, они не умеют держаться на воде. Я научился плавать во время отпусков, на «материке». Золотинка (я ее сразу узнал) чудом не утонула. Хочу спросить ее, где ребята, и осекаюсь: она не должна знать, что мне известно об их компаниях.

— Тебя бы в московский Аква-парк, — говорю я. — Там к воде привыкаешь и не боишься ее.

— Что такое Аква-парк?

Я рассказываю провинциалке о волшебных водных аттракционах знаменитого водного парка. Сапфировые глаза Майки горят от восхищения. Она повторяет за мной:

— Пещера ужасов, Водные качели, Осьминог, Батут.

Девочка печально улыбается и признается:

— Я на «материке» не была. В Магадан один раз со школьной экскурсией ездила и все.

С сочувствием гляжу на безнадежную темноту. Она не летала на самолете, не видела поезда, не плавала на пароходе, не каталась на трамвае и троллейбусе. Золотинка живет будто на другой планете: для нее все обычное в диковинку.

— Сколько тебе лет?

— В мае двенадцать сравнялось, потому и имя Майка.

— Как тебя родители в тайгу отпускают?

Скорбная складка появляется в углу рта девочки.

— Отца нет, мамку в «зону» закрыли в Приморье.

Разговор ей в тягость, но я не отстаю.

— Родня есть?

— Тетка по отцу и брат Лешка. Мы с ним в интернате учимся.

— Разве тетка не хочет забрать вас к себе?

— Пьет она, — с тоской говорит Золотинка.

Меняю неприятную тему и рассказываю о Москве, о «материке», где был в прошлом году. Завороженная Майка с широко распахнутыми глазами верит всякой всячине.

Доверчивая собеседница объясняет, что раньше они жили в поселке и приехали провести лето к тетке, работающей в одной из артелей поварихой.

— Какой интерес торчать в заброшенном поселке, бродить по тайге, в которой полно голодных медведей?

Майка не столь проста, ответ у нее заготовлен заранее.

— Мы приехали каталку половить.

— Каталка — загадочная рыба сантиметров под сорок, приспособившаяся жить в канавах с промышленными стоками. Поразительно: как ее жабры пропускают воду пополам с песком? Никто из старожилов не в силах объяснить, откуда взялась рыба, живущая в замазученной до предела воде. Мутанты идут на нерест во время паводка.

— Сейчас в тайге голодно: ни грибов, ни ягод!

— Плохо, хлеб кончился, — мрачнеет Майка. — Мальчишек нечем кормить.

— Кроме Леши с вами есть еще ребята?

Проговорившаяся девчушка замыкается и со злостью накручивает на палец рыжий локон.

Я соображаю: «Как помочь «хищникам»?»

Девочка делает попытку подняться и уйти.

— Мне пора, брат будет психовать. Ты за мной не ходи. Я удерживаю ее за рукав: если Золотинка исчезнет, вряд ли мне представится шанс упрочить знакомство.

— Я попробую достать вам хлеба или муки!

— Где?

— Мои проблемы.

За спиной ссыпятся камешки с галечного отвала, я обворачиваюсь. Скользя по крутому откосу, к нам спускается брат Майки.

— Ты куда запропастилась? — спрашивает он и окидывает меня тяжелым неприязненным взглядом. — Кто с тобой?

— Леша, я утонула совсем...

Подросток перебивает ее:

— Нечего в котлован соваться, помыться могла в пропотке, — он переводит взор на меня. — Ты чего тут рыщаешь, что вынюхиваешь, пацан? Здесь не зона отдыха, и туристов не жалуют!

— Захотел и пришел!

— Как пришел, так и отваливай!

Сельский чухан вызывает меня на скандал. Умора! С двенадцати лет (три года) я занимаюсь карате и угроз не боюсь.

— Я бью два раза, — извещает Леша. — Один раз в лоб, другой — по крышке гроба!

Скора не входит в мои расчеты. Я мнусь в поисках разрешения конфликта. На помошь приходит Золотинка.

— Леша! Он меня из воды вытащил, я совсем неживая была! Отстань от него!

Подросток сплевывает и командует сестре:

— Уходим!

Не обращая на него внимания, я обращаюсь к Майке:

— Приходи завтра вечером на окраину стана. Я принесу хлеб или муку.

4

На полевом стане суматоха. Спешно грусятся металлом ломом прибывшие Камазы, подметают площадки перед конторой и столовой. Трактор «Беларусь» засыпает нефтяные пятна возле заправки.

— Завтра начальство прибудет, — отвечает на мой вопрос о причине сумятицы отец. — Экстрасенс наобещал им семь верст до небес, теперь предстоит разбор полетов. Чертовщина непонятная! 21-ый век — и наивная, слепая вера в шарлатанство, предсказания, гадание на кофейной гуще. Геология три тысячи лет, а мы отвергаем планомерный поиск, надеемся на колдуна! Завтра полюбушься, чего шаман на полигоне накуролесил!

Чутко прислушиваюсь к сопению отца, изредка поглядываю на светящиеся стрелки будильника. Два часа ночи, пора! Сейчас поварихи выпекают хлеб и булочки для старателей.

Одеваюсь и выскользываю из комнаты. На улице кромешный мрак. Через полтора часа рассвет. Летняя ночь на Колыме короткая, как анекдот из журнала «Крокодил».

Подхожу к соединенным геологическим вагончикам, из которых доносится тихая музыка по «Маяку». В одном вагончике столовая, в другом кухня. Дверь в кладовую открытая, поварихи суетятся у хлебопечи.

С эмалированным ведром стою перед дверью кладовой и обливаюсь холодным потом. Попадусь с поличным — и последствия не представить. Отцу не отмыться за сыновришку. Ему, человеку с безукоризненной репутацией порядочного гражданина, придется увольняться с постом. Кто знает, что припишут вдогонку!

«Лучше отказаться от сумасбродной затеи, — приходит в голову трезвая мысль. — Черт с ними, «хищниками», кто я им, чтобы рисковать головой?»

Я делаю благоразумный шагок назад.

«Зачем тогда хлестался, давал обещания!» — краска стыда обжигает лицо, и я решительно вхожу в кладовку.

Из полураскрытой двери падает сноп света. В углу, перед входом, два раскрытых мешка с мукой. Набираю полное ведро и обмираю от ужаса, — по коридору кто-то идет. Ныряю под стеллаж с консервами и молю Бога, чтобы пронесло...

Шаги прошелестели мимо, повариха вышла на улицу. Спустя несколько минут она возвращается и проходит на кухню. Беру со стеллажа пару банок тушеники, три сгущенки, две бутылки растительного масла и выбираюсь из кладовой.

Теперь основное — не напороться на сторожа или случайного прохожего. Благополучно добираюсь до окраины и прячу добычу в заросли липкого густого стланика. Я сдержал слово!

На душе погано. Воровство даже с благими намерениями остается банальной кражей! Как ни крути, Робин Гудом здесь не пахнет!

... Высокое начальство прибывает утром на двух джи-

пах «Ирокез». Экстрасенс в авторитете у руководства. Курчавая, словно у ассирийца, бородка, крючковатый нос, пронзительный взгляд агатовых глаз вызывают невольное почтение. Начальство здоровается с ним за руку, предку прохладно кивают. Прибывшие влезают в японские вездеходы, я с отцом в потрепанный УАЗ, и колонна катит на полигон.

Мать честная, такого я не видел никогда! Полигон сплошь и рядом обставлен красными, белыми, синими флагами. Замысловатыми зигзагами в землю воткнуты ветки тальника и ольхи. Председатель артели и заместители с опаской косятся на карнавальную бутафорию и помалкивают: ждут разъяснений.

— Кино и немцы! — бормочет отец.

Плотно сбитый, мешковатый экстрасенс мигом преображается в подвижного живчика. Он бильярдным шаром катается по полигону, берет бесчисленные пробы и тычет лотком в физиономии руководителей. Запыхавшееся, ошарашенное начальство завороженно глядит в рот шаману.

Его дару убеждения можно позавидовать.

— Здесь, под ногами, до хрена золота! — восклицает колдун и для наглядности топает болотным сапогом по песчаному месиву. Руководители отшатываются от него: не то от брызг уклоняются, не то боятся, как бы не проломил экстрасенс земную твердь.

— Я чувствую его, чувствую! — с придуханием заклинает шаман.

Отец с картой в руках доказывает начальству, что целика — неотработанного участка — здесь нет, в конце пятидесятых годов район проходили драги и промыли оконтуренное месторождение.

— Ерунда! — решительно рубит рукой воздух колдун. — Часть месторождения ушла за контур, и там навалом золота! Необходимо делать дополнительную вскрышку.

— Позвольте! — вскипает предок. — В те времена в геологии не дураки работали! Я многих знал лично, прекрасные специалисты! Их прогнозы на содержание золота оправдывались!

— Непогрешимых людей нет! — режет экстрасенс. — Они упустили часть месторождения и ошибочно сактировали полигон!

— Дополнительные расходы, снятая с других участков техника в середине сезона неподъемным грузом лягут на рентабельность! — настаивает на своем отец.

Нет... Традиционная геология с позором проигрывает волшебным предсказаниям чародея. Его фанатичная убежденность в собственной правоте шокирует и гипнотизирует. Высокое руководство полностью перешло на сторону экстрасенса и выслушивает возражения вполуха.

— Коллега! — обращается к отцу панибратски шаман.

— Мы с вами отышем исчезнувшую россыпь.

— Без меня, Геннадий Степанович, без меня! — жестко откращивается предок. Я не в силах оживить отработанное

Рисунки Сергея Ивкина.

месторождение! Увольте!

Начальство после недолгого размышления принимает соломоново решение: начать вскрышу торфов на указанном чародеем месте и параллельно подготовить документы на актировку — отработку ошибочно вскрытого полигона.

Взбешенный отец хлопает дверцей УАЗика. В заднюю дверь к нам влезает упретый оптимист-экстрасенс.

— Коллега! Я хотел с вами посоветоваться...

У предка стекленеет взгляд и поддергиваются руки. Он пошел вразнос и в состоянии вышвырнуть колдуна из кабинки.

— Давайте вечером просмотрим карты участка, — продолжает экстрасенс.

Деваться некуда: работа превыше личной неприязни. Отец кивает головой.

— Вот и ладненько, — довolen шаман. — Я сегодня уйму энергии потерял.

— Вот аккумулятор, подзарядитесь! — язвит предок.

5

У меня в руках пакет с двумя булками хлеба и кульком карамели. Я иду к окраине стана и призываю насищтываю, чтобы о моем приближении услышала Майка.

— Эй, пацан! — в густом кустарнике стоит главарь «хищников» Пашка. Он верен себе: неизменная папироса зажата в зубах, — родился он с ней, что ли? Я смотрю в его шельмоватые, шныряющие по сторонам глазки.

— Ты вытащил Золотинку из воды?

Я не успеваю ответить.

— Он, он!

Из кустов выходят Майка, Лешка, Толик.

Пашка с сидящей глядит на куцый пакет, строит дурашлившую гримасу и балагурит:

— Чем богаты, тем и рады, «кобещалкин» выделил нам порцию хавки.

Майка с обидой за свою

доверчивость отводит взор. Не хочется ссориться с компанией, иначе Пашка съел бы папиросу. Необходимо сбить спесь с юмориста.

— Идем! — зову я Золотинку. Мы отходим метров восемьдесят, я показываю ей продукты. Лицо девочки светлеет: я не обманул ее доверия.

— Добряк, еще неделю протянем! — довolen Лешка.

Я ставлю главаря на место краткой репликой:

— На драге работать продолжаете?

«Артельщики» таращатся на меня.

— Нас было двое, нас кто-то предал! — размышляет вслух Пашка.

— Ты нас не вложишь! — с тревогой и страхом блестят нервный Толик. Майка закусила нижнюю губку и с укоризной смотрит на меня.

— До сих пор не предал, не беспокойтесь.

Напряжение разряжает пасмурный Лешка.

— Если ты выследил нас, пошли на стоянку, потолкуем.

— Я узнал о вас, когда осматривал драгу, — отвечаю я.

Выцветшая, латаная-перелатанная палатка-двухместка разбита в стланнике, у ручья. С любопытством разглядываю примитивную «проходнушку» — простейшую установку для промывки песков. Три широкие струганые доски сбиты в короб, в его нижней части уложен резиновый коврик. Над «проходнушкой» сооружен искусственный водопад.

Процесс промывки упрощен до предела. Песок засыпают в короб и буторят — отбрасывают камни, гальку, перемешивают песок. Струя воды проносит песчинки по коробу и протаскивает их по ребристому коврику. Тяжелые золотинки задерживаются в коврике, более легкий песок вода смоет в ручей. Остается стряхнуть коврик и аккуратно промыть его в тазике.

Обязанности в компании строго распределены: кроха Майка замешивает тесто для ландориков — незатейливых лепешек; Толик ушел с бидоном по воду; Лешка приносит охапку дров и отправляется за следующей; Пашка раскладывает и разжигает костер.

Все, кроме Золотинки, рассаживаются у огня и закуривают. Я отказываюсь от предложенной папиросы. Спортсмены нашей секции кекусинкай презирают «курятину».

— Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет! — выдает присказку с длинноющей бородой вожак. Мне до одного места поучения шкета, и я начинаю расспрашивать ребят:

— Как вы драгу отыскали, о ней давно забыли?

— Есть тут старожил, клевый мужик — Акимыч, — юморит Пашка. — У него душа шире грудной клетки! Он и дал наводку.

Ребята улыбаются дежурной остроте. Я знаком с Акимычем. Старик он стоящий, только сильно выпивает.

— Как здесь зверей? Медведи, волки водятся? — спрашивала я.

— Волки держатся вблизи оленевых стад. В округе немного диких оленей, и волки редко у нас появляются, — разъясняет Лешка.

— Что еще водится?

— Много лисиц, зайцев, есть лоси, росомахи, белки, горностаи. Количество зверей растет.

— Почему?

— Поселки бросают один за другим, на место уходящего человека приходят и размножаются звери.

— Медведей встречали?

— В каждой долине живет по медведю. Мы ночами большой костер разводим, дежурим по очереди. Медведи опасаются человеческого запаха, и к нам они не совались.

Разговор прерывает маленькая хозяйка:

— Чай поспел, и ландориков хватает, давайте перекусим.

Я от угощения отказываюсь, не желая обдевать проголодавшуюся компанию. Золотинка дует губы. Она хотела, чтобы я оценил ее кулинарные таланты.

Голодные ребята шустро уплетают аппетитные лепешки, макая их в растительное масло, хрустят карамельками, пьют чай. Заботливая Майка подсовывает свою долю брату. У неё не по возрасту развит инстинкт внимания к мужчине-добытчику, кормильцу. Лешка, увлекшись, съедает все подчистую.

После ужина пацаны перебрасываются шутками, подначками. Я помогаю малышке-поварихе мыть посуду.

— Страшно тебе в тайге по ночам?

— Нет, я с Лешей. Он ничего не боится, у него ружье. Ты про ружье никому не говори.

Строгие сапфировые глаза ощупывают мою насмешливую физиономию. Золотинка напоминает мне о бдительности, надо же!

Вечереет. Солнце скрылось за горбатыми сопками, в темно-синем небе вереницей тянутся к горизонту багряные облака. На тайгу плавно опускаются сиреневые сумерки. Ходу до стана около часа. Смех смехом, но встреча с голодным косолапым другом нежелательна. Медведь — зверь осторожный, но что придет в его башку в период бескорьи, вопрос.

Прощаюсь с ребятами, обещаю навестить назавтра, принести хлеба, муки. Хохмач Пашка окидывает меня понимающим взглядом и напутствует:

— Не бзди в тумане, подавай гудки!

Врезать бы хлюсту разок, чтобы уши отклеились. Песеливаю себя. Из мозгляка я дух вышибу, зато и с ребятами поссорюсь. По большому счету Пашка верно подметил мой мандраж, и я его прощаю.

6

Мы возвращаемся из поселка на стан в потемках. Отец вцепился в баранку и внимательноглядит на заросшую лесную дорогу, изъеденную рыхтинами и колдобинами.

Внезапно в свете фар на обочине возникает силуэт медведя. Зверь стоит на задних лапах, как регулировщик, и зыркает на приближающийся УАЗ. Дорогу плотно обступили лиственницы, развернуться невозможно. Предок принимает единственно приемлемое решение. Он включает противотуманки, втыкает четвертую передачу, жмет на сигнал и мчится на хозяина тайги.

При виде четырехглазого, дико воющего, несущегося

Скидываю кроссовки, стаскиваю джинсы и в футболке ныряю в прогретую воду. В несколько взмахов пересекаю водоем, обхватываю утопающую за туловище и плыву к берегу. Испуганная купальщица клещом вцепилась в рубашку и мешает выгребать к отмели.

Вдоволь наглотавшись воды, девчушка кашляет, отплевывается, вытирает выступившие слезы. Тощенькая, жалкая, она вызывает неподдельное сочувствие, я отворачиваюсь, чтобы не смотреть на дрожащее, с гусиной кожей, тело.

Невдалеке одежда потерпевшей, и я приношу ей пласти и полотенце.

— Оденься.

— Чуть не утонула, — лязгает зубами незадачливая пловчиха и надевает платье.

— Да, Гутиэрэ, ты не русалка, — подтверждаю я.

— Я не Гутиэрэ, я Майка. Пришла помыться, поскольку знулась и угодила на глубину. Плавать я не умею.

Это беда колымских детей. За редким исключением, они не умеют держаться на воде. Я научился плавать во время отпусков, на «материке». Золотинка (я ее сразу узнал) чудом не утонула. Хочу спросить ее, где ребята, и осекаюсь: она не должна знать, что мне известно об их компании.

— Тебя бы в московский Аква-парк, — говорю я. — Там к воде привыкаешь и не боишься ее.

— Что такое Аква-парк?

Я рассказываю провинциалке о волшебных водных аттракционах знаменитого водного парка. Сапфировые глаза Майки горят от восхищения. Она повторяет за мной:

— Пещера ужасов, Водные качели, Осьминог, Батут.

Девочка печально улыбается и признается:

— Я на «материке» не была. В Магадан один раз со школьной экскурсией ездила и все.

С сочувствием гляжу на безнадежную темноту. Она не летала на самолете, не видела поезда, не плавала на пароходе, не каталась на трамвае и троллейбусе. Золотинка живет будто на другой планете: для нее все обычное в диковинку.

— Сколько тебе лет?

— В мае двенадцать сравнялось, потому и имя Майка.

— Как тебя родители в тайгу отпускают?

Скорбная складка появляется в углу рта девочки.

— Отца нет, мамку в «зону» закрыли в Приморье.

Разговор ей в тягость, но я не отстаю.

— Родня есть?

— Тетка по отцу и брат Лешка. Мы с ним в интернате учимся.

— Разве тетка не хочет забрать вас к себе?

— Пьет она, — с тоской говорит Золотинка.

Меняю неприятную тему и рассказываю о Москве, о «материке», где был в прошлом году. Завороженная Майка с широко распахнутыми глазами верит всякой всячине.

Доверчивая собеседница объясняет, что раньше они жили в поселке и приехали провести лето к тетке, работающей в одной из артелей поварихой.

— Какой интерес торчать в заброшенном поселке, бродить по тайге, в которой полно голодных медведей?

Майка не столь проста, ответ у нее заготовлен заранее.

— Мы приехали каталку половить.

— Каталка — загадочная рыба сантиметров под сорок, приспособившаяся жить в канавах с промышленными стоками. Поразительно: как ее жабры пропускают воду пополам с песком? Никто из старожилов не в силах объяснить, откуда взялась рыба, живущая в замазченной до предела воде. Мутанты идут на нерест во время паводка.

— Сейчас в тайге голодно: ни грибов, ни ягод!

— Плохо, хлеб кончился, — мрачнеет Майка. — Мальчишек нечем кормить.

— Кроме Леши с вами есть еще ребята?

Проговорившаяся девчушка замыкается и со злостью накручивает на палец рыжий локон.

Я соображаю: «Как помочь «хищникам»?»

Девочка делает попытку подняться и уйти.

— Мне пора, брат будет психовать. Ты за мной не ходи. Я удерживаю ее за рукав: если Золотинка исчезнет, вряд ли мне представится шанс упрочить знакомство.

— Я попробую достать вам хлеба или муки!

— Где?

— Мои проблемы.

За спиной сыпятся камешки с галечного отвала, я обворачиваюсь. Скользя по крутому откосу, к нам спускается брат Майки.

— Ты куда запропастилась? — спрашивает он и окидывает меня тяжелым неприязненным взглядом. — Кто с тобой?

— Леша, я утонула совсем...

Подросток перебивает ее:

— Нечего в котлован соваться, помыться могла в прорыте, — он переводит взор на меня. — Ты чего тут рыщаешь, что вынюхиваешь, пацан? Здесь не зона отдыха, и туристов не жалуют!

— Захотел и пришел!

— Как пришел, так и отваливай!

Сельский чухан вызывает меня на скандал. Умора! С двенадцати лет (три года) я занимаюсь карате и угроз не боюсь.

— Я бью два раза, — извещает Леша. — Один раз в лоб, другой — по крышке гроба!

Скора не входит в мои расчеты. Я мнусь в поисках разрешения конфликта. На помошь приходит Золотинка.

— Леша! Он меня из воды вытащил, я совсем неживая была! Отстань от него!

Подросток сплевывает и командует сестре:

— Уходим!

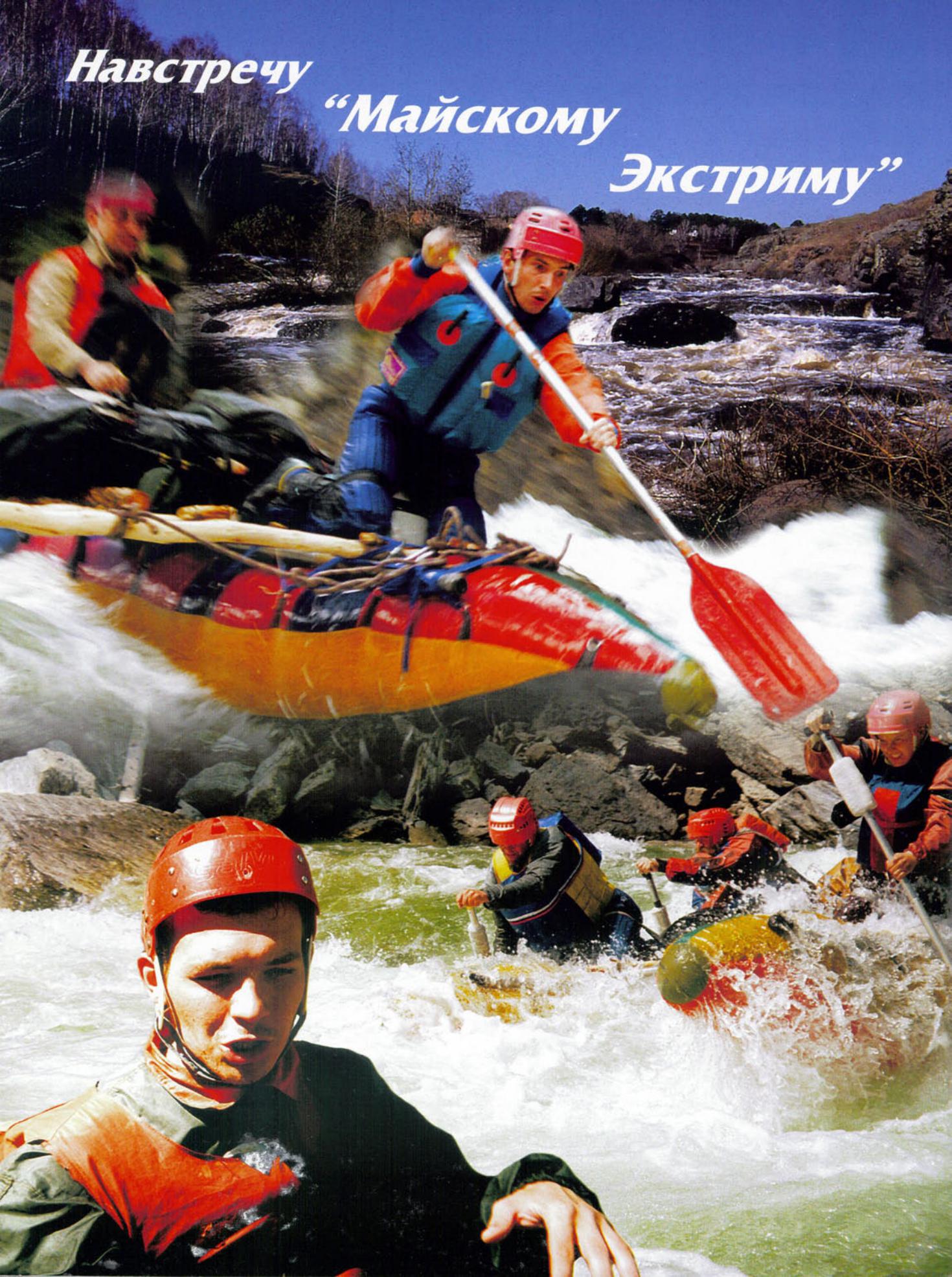
Не обращая на него внимания, я обращаюсь к Майке:

— Приходи завтра вечером на окраину стана. Я принесу хлеб или муку.

Весна приходит на Урал...

*Навстречу
“Майскому
Экстрему”*

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Т. СУВОРОВА

“Прошлое: “белые пятна”

И. ПЕТРОВ

“Спасибо, Тимофеевич!”

В. ЮКЧУБАЕВ

“Непройденный маршрут”

РАЗРЯДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ПО
ТУРИЗМУ

и другие материалы.

Приближается Майский экстрим!

Благодаря ему городские дети и подростки получают возможность своими глазами увидеть, что это такое — сплав по реке. Раньше они видели все это только на экране, были отчужденными зрителями изредка появляющихся на нем водно-туристических сюжетов. Но наш экстрим дает им (да и взрослым) возможность реально, вживую окунуться в атмосферу азартной борьбы с рекой, поглядеть на живых людей, которые прямо сейчас, буквально в нескольких метрах от них, показывают свои мастерство и удачу.

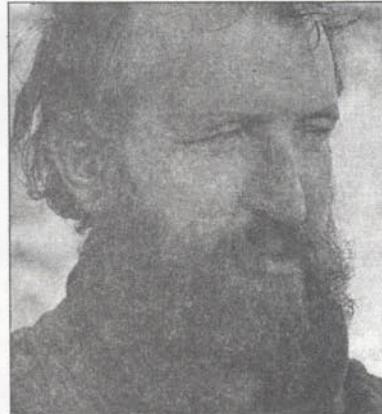
Еще один большой плюс: Майский экстрим уже который год показывает, что наш город обладает огромными возможностями по организации активного досуга.

Просто многим людям и в голову не приходит, что на узкой, не такой уж полноводной Исети можно заняться чем-то по-настоящему интересным. Так же как не приходит в голову, что любой городской парк и лесопарк предоставляет много возможностей для полноценного, физически активного отдыха.

То есть в нашем обществе сложился устойчивый стереотип, утверждающий, что все интересное, романтическое может происходить лишь в пустынях, непролазной тайге или вообще просто за тридевять земель от нашего дома. И мы не пытаемся даже подумать над тем, как можно разнообразить наш отдых тогда, когда мы не можем позволить себе уехать в путешествие, даже самое близкое и недолгое.

Редакция нашего журнала надеется, что Майский экстрим привлечет подростков к водному туризму, заинтересует их настоящей, неподдельной романтикой, а взрослых подтолкнет к идеям, связанным с организацией своего досуга.

И, продолжая эту тему, я хочу предложить всем

нашим читателям присыпать в наш адрес свои мысли по этому поводу. Наверняка у кого-то из вас есть собственный интересный опыт активного досуга в городской черте — не в спортзалах, не на стадионах. Я, например, слышал, что старшеклассники одно время использовали территорию нового, недостроенного екатеринбургского цирка как площадку для самодельных театрализованно-спортивных игр по мотивам приключенческих романов. Наверняка появлялись и воплощались и другие интересные идеи — и было это во всех уральских городах.

Сейчас, когда приближается лето, этот вопрос становится злободневным. Благо, что температура на улице уже комфортна. Так что давайте вместе подумаем о том, как сделать интересными, насыщенными все достаточно теплые дни — а не только достаточно короткое время отпуска.

Искренне ваш
Александр Челноков

Владимир ЮКЧУБАЕВ

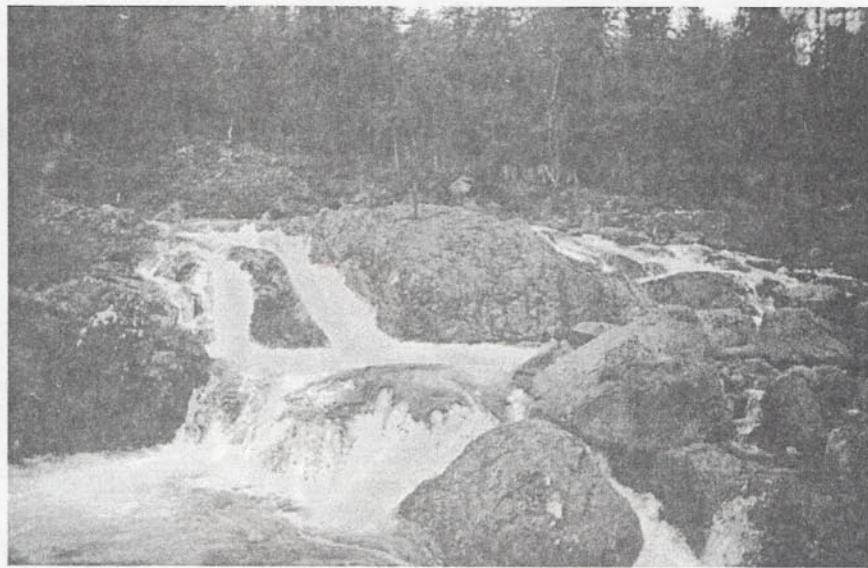
Непройденный маршрут

Осторожно между елей пробираюсь к реке — все та же тишина, на берегу никого не видно, только чуть слышно Хайма несет свои воды по мелям и перекатам к Хулге. Оглядываясь по сторонам, выхожу на берег. Хайма прокладывает свое русло сквозь завалы глыб и скальных обломков, уложенных в своем первозданном беспорядке. Ни песка, ни галечника — лишь одни глыбы, громоздящиеся друг на друга, и вода, в беспрестанном круговороте струящаяся сквозь хаос диких завалов.

Здесь было бы и не просто на газоне перебраться на ту сторону реки. А может, они его бросили и уходят к перевалу пешком? Не может такого быть — есть же котелок с недопитым чаем. А банки с тушенкой, оставленные у потухшего костра? Все так не понятно. Оглядываясь по сторонам, чуть не свалился, перелезая через очередную глыбу, на лежащего ничком здоровенного детину! Чуть кондраншка меня не хватила. Я так и замер на месте, забыв про висевшее на плече ружье.

Камуфляжный костюм, болотные сапоги... Кто только сейчас не обут и не одет в такую форму. Детина тоже замер — но, похоже, надолго, если не навсегда. Лежит, полусогнувшись, на животе, голова чуть склонена на бок, глаза вытаращены от ужаса, в диком крике оскален рот, пальцы рук в последний миг судорожно вцепились в острые края глыбы гранита.

Просто не верится, что так может быть. Картина не для слабонервных, а я не могу похвастаться креп-

Верховья Хаймы.

кой нервной системой. Поэтому задом слез со злополучной глыбы и, не оглядываясь, припустил к Олежке — вдвоем все же не так жутко.

Олежка так и сидел, притаившись за елкой, где я его и оставил. Когда я рассказал об увиденном на берегу, он только ахнул, вытаращив глаза:

— А кто его грохнул?

— Никто, никаких следов, Олежка.

— Сам помер, что ли? Значит, их должно остаться двое.

— По нашим расчетам — да, но где остальные? Давай, Олежка, пошаримся, походим вокруг, может, найдем еще что-нибудь. Скоро стемнеет, и нужно знать, что может случиться, чего ожидать.

Долго искать не пришлось. Метрах в пятидесяти в такой же судорожно скрюченной позе, с застывшим в глазах ужасом, вцепившись скрюченными пальцами в корни векового кедра, лежал лысый мужик, причем изрядно в годах.

— Олежка, это уже второй, а где же третий? Видно, и он далеко не ушел. Смотри внимательнее.

(Окончание. Начало в №№ 1-3)

Незаметно на тайгу опустились сумерки, и мы прекратили поиски.

— Олег, нам нужно как можно больше дров на ночь натаскать. Спать будем по очереди, и костер должен гореть всю ночь, как в пионерлагере.

Укрывшись Олежкиной сожженной телогрейкой у жаркого костра, провалился в тяжелый, глубокий сон. Проснулся от холода — костер совсем утих, еле пробивается дымок. Отважный страж мирно попсывает, сидя у потухающего костра, крепко обняв свое ружьишко. На часах три, пора и вставать.

Подбросил свежих сухих дров в затухающий огонь, на тачанке повесил котелок со вчерашним чаем, растворил Олега:

— Вставай, «охрана», так и сапоги снимут и упрут. Иди, ложись, поспи — моя очередь дежурить.

Не особо упираясь, Олежка занимает мое место у костра, и уже через минуту раздается его богатырский храп.

А мои мысли возвращаются к событиям трехдневной давности. Как дела у Ботвинских на Балабантах? Хорошо, что у них есть радио — в крайнем случае вызовут вертолет, и им помогут. Уходя из лагеря, мы им оставили записку. Если они и нагрянут к нам на ручей, прочтут и все поймут. Вроде бы здесь все правильно. Но не вписывается ни в какие правила страшная трагедия, разыгравшаяся на берегу Хаймы.

Ничего, взойдет солнце, еще раз все внимательно, без суеты осмотрю. Все равно, какие-то следы должны остаться, хотя это и дело криминалистов. Но мне важно знать — зачем угнали машину? Что их так могло испугать, почему здоровые и крепкие мужики лишились рассудка, а потом и жизни?

Так медленно тянется время, во рту першил от выкуренных сигарет и крепкого чая. Рассвет не спеша превращает угрожающе-сказочных чудовищ в обычные ели и кудрявые кедры, и только таинственный туман стелется вдоль долины Хаймы. Стараясь не шуметь, подкладываю крупных сучков в костер и отправляюсь на поиски сам не зная чего.

Вначале вездеход — с ним вроде бы все в порядке: в кузове, небрежно смотанные, лежат наши спальники, топор и всякие мелочи. В кабине по приборам сверяю запас топлива — есть, до озера хватит. Интересно, а что это в ногах у пассажирского сидения? Мешки какие-то, и под пломбами.

Обойдя машину, открываю дверку и вытягиваю один мешок. Маленький, зараза, а тяжелый. Ба! Так это же золото! Пять стандартных опломбированных мешков по десять килограммов каждый. Значит, это золото Манина, его артели на Хальмерью — вот это

да! Издалека же они тащили его. То-то вертолет каждый день кружил над тайгой — увлечь месячную добычу золота артели, это тебе не хухры-мухры.

Ладно, с этим все ясно, но где третий? Или убежал, или разделил участь своих напарников. Но сколько ни бродил я и вдоль реки, и в береговых тальниках, в еловых зарослях — нет следов третьего, как и не было.

Наконец-то взошло солнце, и жить стало веселее. Ушли, отступили куда-то страхи, все стало обыденным. Сходил к реке, принес свежей водички. Олег проснется, заварим свежего чайку, что-нибудь пожумеем и будем ждать вертолет: должен же он облетать тайгу и сегодня, пятьдесят килограммов золота — это не шутки.

— Ох, Михалыч, комары засели, житья не дают.

— Вставай, соня, чай скоро готов будет. Нам, Олег, надо разложить костры на косе, где река поворачивает, чем больше, тем лучше. Соляры приготовить. Как услышим вертолет, подожем — должны увидеть. А где ракеты от ракетницы, мы хоть брали их с собой?

— Патроны-то? Да они в большом кармашке рюкзака, в полиэтиленовом пакете, пять штук.

— Пять штук — это хорошо, Олежка, пять штук хватит.

Горячка погони и неизвестность ушли в сторону, все стало на свои места — золото! Власть желтого дьявола сгубила мужиков. Как говорится, люди гибнут за металл.

— Ну ладно, Олежка, поели и пошли.

На большой каменистой косе натаскали кучу дров — на два огромных костра. Приволокли канистру с солярой и всякую мазутную ветошь, чтоб было больше дыма. Дело осталось за малым: дождаться вертолета. Но только около трех часов дня вдалеке мы услышали жужжение так ожидаемой вертушки.

— Олег, давай, запаливай костры, не жалей соляры!

Столбы огня и черного дыма взметнулись к небу, а мы как сумасшедшие метались вокруг, подливая солярку и накидывая сверху свежий еловый лапник, который нещадно колтил и ел наши глаза. Звук вертолета то пропадал, то возникал вновь. Не видят они, что ли? Но вот звук выровнялся — вертолет взял курс на наши костры.

— Давай, Олег, три красных ракеты шарахни! — И в небо одна за одной ввинтились три ярко-красных цветка.

Вертолет, не вихляя, взял прямиком курс на их вспышки и буквально через считанные минуты, громыхая лопастями и сметая тугими струями воздуха песок и всякий мусор, аккуратно примостился на

кромке косы, вдалеке от костров. Не успели остановиться до конца его винты, как по трапу почти выпрыгнули трое военных в камуфляже с автоматами и чуть не бегом припустили к нам.

— В чем дело, ребята, что случилось? — подлетел к нам, видно, старший по званию.

— Да вот какая ерунда, — и я кратенько все рассказал: как угнали вездеход, как мы трое суток гнались за машиной, а, догнав, нашли двух мертвых людей. — Олег, сходи, покажи, где лежат двое, а то вон и Манин бежит.

— Беда, Игорь, беда, — запричитал, подбежав,

Генка. — Варнаки убили сторожа и забрали месячную намывку золота.

— Беда что сторожа убили. Его уже, Гена, не вернешь, а золото твое вон в кабине лежит. Все 50 кг — пять мешков опломбированных.

— Что ты говоришь, Игорь?! А мы уже всю надежду потеряли! На юг все дороги перекрыты. Север, что Север, тут и дорог нет — ищи свищи ветра в поле. Это прям счастье какое, вернуть металл, столько трудов артельщиков, я думал, впустую.

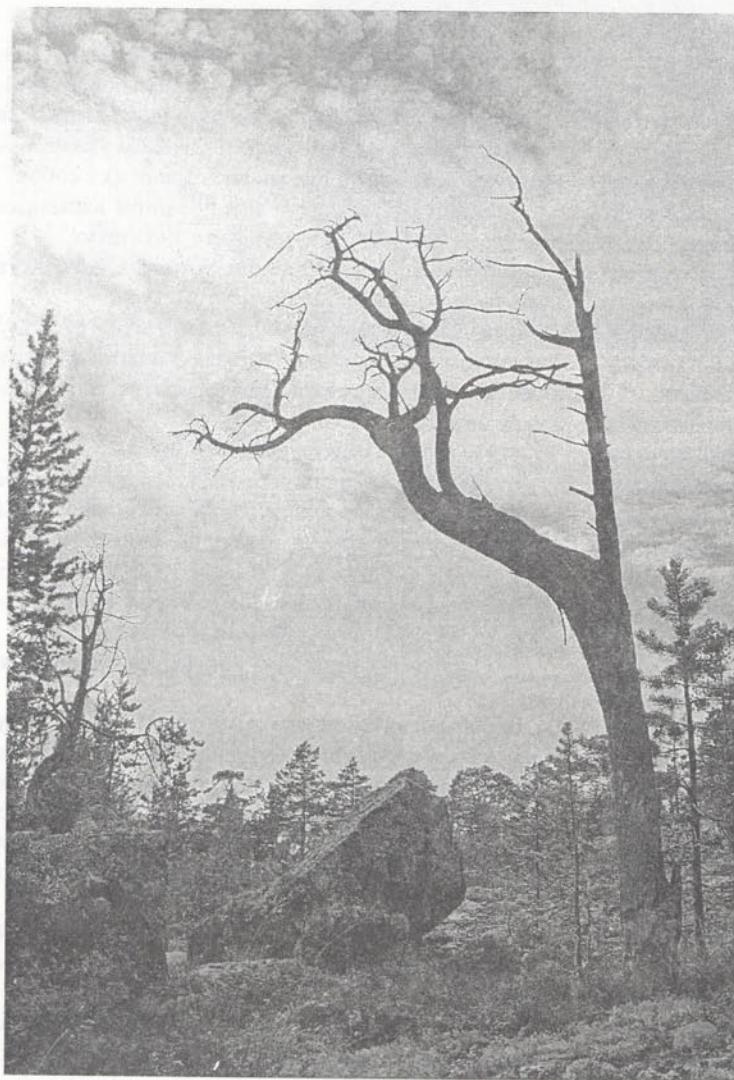
— Хватит, Гена, подожди. Вон и вояки с Олежкой идут, что они скажут.

Как я и предполагал, все так и получилось. Нам «предложили» лететь в Березово, в райотдел — и Манину, конечно, с золотом тоже. Двое суток нас промурыжили с объяснительными, кучу бумаги мы исписали, и с превеликим наслаждением покинули Березовский РОВД. На следующий же день нас вертолетом забросили на Парусшор, где уже ждали Ботвинские с Николаем. До поздней ночи горел костер. И не было конца и края всем разговорам.

Пока мы с Олежкой гонялись за вездеходом и были в Березово, Саня с Анушкой проследили россыпи обломков эклогитов и нашли приличный скальный выход алмазоносных пород на Дзяньюре.

Все же полевой сезон, можно сказать, прошел удачно. Геологическое задание мы выполнили, и даже вернули Манину пятьдесят килограммов золота, за что он клятвенно обещал заправлять бензином наши вездеходы днем и ночью под самую завязку и непременно по сто граммов чистейшего спиртаги.

А загадочная трагедия на Хайме так и осталась загадкой. На телах у погибших — ни единой царапинки. Врачи только руками развели, с такими случаями они не встречались. Да нашли ведь и третьего, был он. Лежал он на другом берегу реки, и тоже мертвый. Возможно, грабители наткнулись на «снежного человека», который, хоть и редко, но встречается в этих заброшенных местах. Говорят, что он может убивать взглядом или свистом. Но так ли это было... кто знает....

Сухара.

Игорь ПЕТРОВ

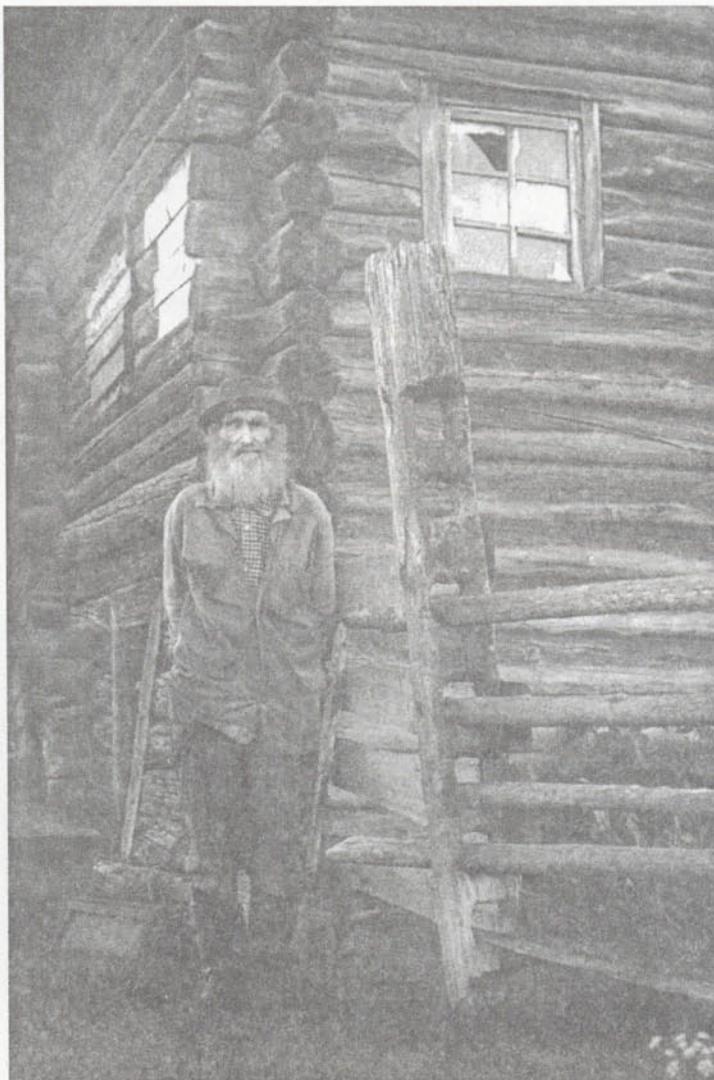
«Спасибо, Тимофеевич!»

Что может быть прекрасней весеннего сплава по шустрой уральской речушке, когда на северных берегах еще полным-полно снега, а на южных уже зеленеет травка и цветут отважные подснежники — белые, желтые и даже фиолетовые?

А вода... это не сонная, унылая летняя водичка, а яростный зверь, который вырвался из жуткого ледового плена и теперь с ревом уносит остатки льда вниз, круша и ломая все на своем пути. Иногда стоять рядом и смотреть на буйство водной стихии страшновато, а плыть...? Но надо значит надо! Собираешь байдарку и чувствуешь, как тебя охватывает азарт. И тебе уже не терпится поскорее войти в эту воду, бросить вызов уверенным гребком весла — и вперед, вперед..!

Речка Вильва. Идем на байдарках, на поворотах с трудом уходим от завалов и «расчесок» (низко свисающих деревьев). Сильно прижимает к скалам. В русле валы с размаху бьют в лицо носовика Сереги. Плывшая рядом огромная льдина неожиданно вздыбилась и тут же рухнула, обдав нас холодными брызгами. Еле вернулись. Азартный весенний сплав — нормальная мужская работа. Возле развалин безымянной заброшенной деревушки влетаем в мощный прижим, нас ставит на ребро, и опорный гребок уже не спасает.. уходим под воду. Все это — переворот, оверкиль по-научному. Пытаюсь выбраться из перевернутой байдарки. Кажется, застял! Воздух кончается. Кто-то дергает за шиворот. Это Серега бросился на выручку и помог вырваться. Плытем рядом с байдаркой, болотные сапоги тянут ко дну, да и вода холодная, дыхание перехватывает. Одна мысль: «Зря спасжилет не достал в поход».

И тут замечаем на левом берегу огромный костер, у которого сидят братья-туристы. Они уже спешат к нам на помощь. Мы вылезли, и скорей к костру. О, благословен жар костра, и дай бог здоровья тем, кто его развел! Там встречаем местного егеря, старика Тимофеевича. Он угощает нас горячим крепким таежным чаем. Оказывается, те, кто нас спасал, сами перевернулись в этом же месте час назад и вылезли на берег, где уже пылал костер. Это Тимофеевич разводит его каждый год, когда идет май-

Тимофеевич.

кий сплав по большой воде. Ставит ведро с чаем и помогает тем, кто попал в беду.

Отогреваемся и телом, и душой. Слушаем короткие истории, вспоминаем свои.

За разговором незаметно и обсохли, а значит, пора в путь, к новым приключениям, Тимофеевич с грустной улыбкой провожает: «Эх, молодежь... Куда торопишься... Сгинуть успеешь».

Машем рукой на прощание: «Спасибо, Тимофеевич!»

Юрий ВЛАДИМИРОВ

Встречи в горах

На все время пребывания в горах гидрологи были полностью оторваны от связи с внешним миром. Рации стояли только на базе экспедиции, партии, на буровой, и были очень громоздки и тяжелы. Лишь по требованию наблюдателя Порфирия: «А вдруг война начнется!» — мы вынуждены были завезти в горы на верхний гидрологический пост большой радиоприемник и три тяжелющие батареи к нему общим весом 80-100кг. Для завозки этого тяжелого и неудобного для перевозки груза потребовалась выночная лошадь. Сейчас этот агрегат заменил бы портативный приемник, умещающийся в кармане.

В горах, около границы, людей обычно встречаешь очень редко. Весной — на летний период — в верховья реки загоняют казахи стада бычков на откорм или табуны лошадей, оставляя их часто на весь сезон без присмотра. Однажды на сочном горном пастище, в животинской долине в окружении гор мы встретили юрту и большой табун лошадей под охраной двух свирепых псов. Собак отогнала и приветливо приняла нас к себе симпатичная молодая ка-

только мужчина, так же как и готовит шашлык и бешбармак. Тут же в юрте висит бурдюк из вывернутой овечьей шкуры, где и квасится молоко. Крепость кумыса, как у хорошего пива. Выпив за 3-4 часа около 15 больших кисюшек кумыса, я совсем опьянел и тяжело садился в седло. Молодые были искренне рады общению с доброжелательными гостями. Осенью я выслал фотоснимки на адрес молодоженов в их поселок.

Казахи — древний, мудрый, спокойный, немногословный народ, любящий свою богатую и красивую страну.

Они приветливы и обычно гостеприимно встречаются в горах подъезжающего к юрте редкого гостя. Летом в жаркий день предложат вымыть руки и, пригласив в юрту, сначала дадут утолить жажду горячим зеленым чаем или кумысом, а затем накормят мясом с лепешками, которые называют «нан». Бытовая культура у казахов в их селениях была невысокая. Обычно небольшой саманный дом (это глина, замешанная с навозом и нарезанной соломой), редко увидаишь кирпичные постройки. Во дворе ни деревца, ни цветочка, пролегающая пыльная дорога в выбоинах. На этом фоне резко выделялись своей чистотой и порядком расположенные по соседству поселения сосланных в начале войны немцев Поволжья. Хорошими санитарами в этих местах являются: летом — все испепеляющее южное солнце, а зимой — сильные морозы. Вот такое сочетание юга и севера.

Помню, прилетев самолетом после Нового года из Ленинграда, где шел дождь, меня встретил в Алма-Ате мороз 40°C, и я отчаянно мерз в своих даже утепленных ботинках, пока добирался до поселка Кок-Су. В ту зиму много померзло знаменитых алма-атинских яблонь «Апорт».

Когда в августе мы обследовали межгорную долину в самых верховьях реки Кок -Су, мне надо было по просьбе геологов отобрать образцы пород из скальных обнажений

Автор в 1956 году.

Счастливые молодожены, им в шалаше — рай.
Справа — бурдюк с кумысом.

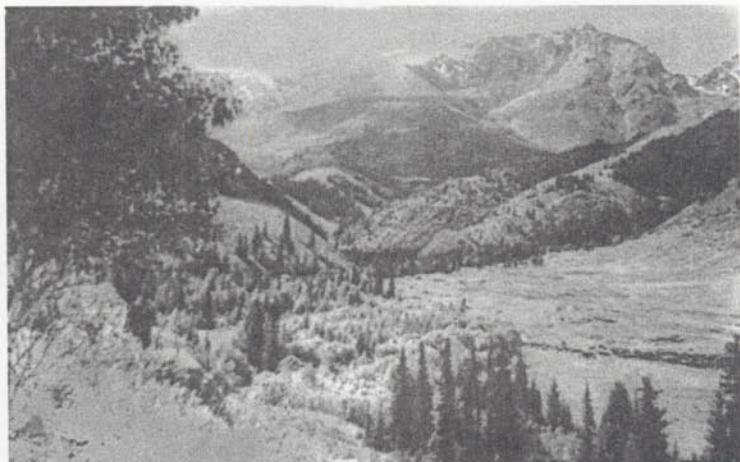
захская пара, живущая здесь первые месяцы после свадьбы. Они оба, кажется, светились счастьем и покоем. Пожалуй, это одна из самых счастливых семейных пар, виденных мною. Вот уж где мы, изголодавшиеся и уставшие, поели настоящего бараньего бешбармака и вкусных лепешек. Бешбармак, в переводе, — «пять пальцев», я ел его, как и хозяева, руками, отказавшись от предложенных ложек и вилки. Попили до отвала свежего кумыса, приготовленного из кобыльего молока. Кстати, кобылиц доит всегда

на той стороне реки. Там я увидел пасущееся большое стадо молодняка. Выбрал спокойный плесовый участок реки, разделся донага и где вброд, где вплавь добрался на тот берег. Лошадь оставил с Куракиным, так как из-за глубины да и скорости течения она не перебралась бы по валунам на ту сторону. Хотя день был теплым, но вода в реке из-за близости снежников была ледяная. Чтобы согреться, бегу легко вдоль берега и только чувствую уколы камней под ногами, а самого тела, обожженного холодной водой, не чувствую. Только дух твой есть, а тела нет.

И вдруг увидел, что все большое стадо годовалых бычков, кормившихся на пологом склоне, плотной массой ринулось ко мне. Я в испуге отступил к воде. Не добегая до меня метров двадцать, все стадо вдруг разом остановилось, замерло и с большой осторожностью и редким детским любопытством стало меня рассматривать. У некоторых изо рта торчали пучки травы, которую они забыли дожевывать. Я побежал дальше вдоль берега, и все стадо осторожно, вытянув шеи и не отрывая от меня широко открытых глаз, стало сопровождать, сохраняя интервал. Я никогда не видел ничего подобного у животных там, внизу, в многолюдных долинах, где они спокойны и нелюбопытны к окружающему. Так, наверно, вела бы себя толпа людей, впервые увидевшая бегущего обнаженного инопланетянина.

Выбрав кусок породы, я побежал назад к броду — и снова бычки плотной массой сопровождали меня, сохранивая дистанцию. Когда вошел в воду и поплыл, животные подошли к самой реке и продолжали напряженно следить за мной, даже когда я вышел на свой берег.

А вот медведей в верховьях встречали часто. Летом и осенью они сыты и обычно, увидев человека, уходят, недовольные, в сторону. Как-то мы чуть не сделали ошибку, которая могла нам обойтись дорого. Возвращались на свою стоянку, ехали с Куракиным по самому верху гор, по довольно ровному плато, покрытому редкой травкой, мхом, редким кустарником. И увидели маленького черного медвежонка, примерно полугодовалого, весом килограммов 5-6. Прицепился к нам, играет, старается лошадей за ноги ухватить — видно, он никогда до этого ни людей, ни лошадей не видел; а кони боятся, шарахаются в сторону. Осмотрелись кругом — ровное плато, далеко видно. Медведицы нет: Слез Куракин с лошади, с большим трудом изловил медвежонка и сунул в мешок: «Отвезу домой, ребятам в подарок, потом продам в зоопарк. Большие деньги дадут, поди». Приторочил мешок с медвежонком сзади к седлу. А медвежонок учит, пищит, острыми когтями мешок рвет. Маленький, а сила в нем большая. Лошади неспокойны, храпят, уши навострили, глаза косят в сторону пленника.

Долина в горах, где пасутся лошади.

Уговорил я Ивана Александровича выпустить медвежонка: до дома еще дня три пути. Найдет нас по запаху медведица и ночью во время noctiluga у костра рассчитается с обидчиками, а медвежонка уведет. Убедил. Слез Куракин с коня и вытряхнул медвежонка из мешка в траву. А тот не успокаивается, хватает Куракина за сапоги, укусить и поцарапать старается. Пришпорили мы коней — а те и рады, пустились в галоп, хотя уставшие были. Еще долго видели за собой бегущего за нами вдогонку глупого зверька. Но и даже после этого спали у костра первую ночь настороженно, хотя у каждого ружье. Прислушивались: не храпят ли путливо пасущиеся кони?

Был август, в горах стояла теплая солнечная погода. Я с рабочим Иваном Александровичем Куракиным и наблюдателем Порфирием — пожилым нудным человеком, завершал комплекс гидрологических работ в самых верховьях реки Кок-Су. Около гидрологического поста, оборудованного люльчатой переправой, стоял небольшой, построенный нами деревянный дом, где мы и жили.

Корма для лошадей достаточно, а у нас продукты заканчивались. Питались выпловленной вечерами рыбой, случайно подстреленными дикими голубями да остатками муки. Ехать на лошадях в поселок за продуктами — это туда да обратно неделя уйдет. Поэтому голодали, торопились завершить работы и возвратиться на базу в поселок.

«Вот бы горного козла или косулю подстрелить», — мечтали мы. Тогда бы перебились с питанием. В числе многих работ оставалось и летнее обследование на предмет лавиноопасности большого участка реки Кок-Су выше нашего гидрологического поста. Зимой до ущелья не добраться, и мы решили осмотреть: не остались ли на склонах следы схода снежных лавин.

Здесь у поста заканчивалась очередная долина, и выше река снова текла по ущелью, сжатому горами. Вход в уще-

лье, как ворота, запирали с обоих берегов скалы, почти отвесно спускающиеся к реке. Облезить их оказалось опасно, я с трудом вернулся в наш лагерь, так и не сумев спуститься с отвесных скал в ущелье. Надо обходить стороной по горам километра три. У меня за спиной неизменная двустволка «Тулка» 16 калибра, у Куракина — одностволка 12 калибра. Вошли в ущелье утром, идем по высокой траве и кустарнику. Время обеда. Достали свою последнюю оставшуюся банку с рыбными консервами да немного лепешек. Оказалось, что оба оставили свои ножи в лагере. Пробовали открыть банку острыми краями камней — только всю измели. Тогда я в отчаянии прислонил банку к скале и с небольшого расстояния выстрелил жаканом. Сплощенная банка отлетела в сторону, оставив содержимое на скале и земле, в радиусе 1-1,5 м виде отдельных капель. Пришлось нам, злым и голодным, пальцами собирать эти остатки брызг.

Двигаемся дальше. Следов схода лавин на склонах не видно. Продираемся через нагромождение камней, поваленных деревьев, кустарник, высокую траву. Нам кажется, что здесь никогда не ступала нога человека. И вдруг в высоком малиннике мы увидели спину бурой коровы. Как она могла попасть сюда, когда до ближайшего жилья несколько суток пути? Осторожно продвигаемся ближе. И тут животное повернулось, привстало, и мы увидели, что на самом деле это огромный бурый медведь. Он, видно, объедал спелую малину.

Мы с Куракиным переглянулись. У меня осталось 5 жаканов, у него три. Оба на медведя никогда не ходили, но решили не упускать возможности. Медвежье мясо я раньше ел, оно своеобразное, вкусное, слегка сладковатое.

Перезарядили ружья на жаканы. Остальные заряды для удобства положили в карманы. Сняли рюкзаки. Подходим метров на двадцать. Медведь все еще нас не почуял, занят малиной. Вот он повернулся, голова и левый бок нам хорошо видны. Оба целимся под лопатку, в сердце. Выстрелили почти одновременно. Затем я спустил второй курок. Медведь рявкнул, удивленно привстал на задние лапы, огляделся и увидел нас. Мы вот, рядом. Быстро перезаряжаем ружья, взводим курки. Я раньше думал, что раненый медведь встает на дыбы и идет на врага. Но зверь опустился на все лапы и побежал к нам, словно собака. Когда он переваливал через большое поваленное дерево метрах в 15 от нас, мы снова выстрелили.

Когда берут медвежонка в поселок, то наезжают себе много хлопот...

Огромная темно-бурая косолапого закрутилась, разбрасывая землю и остатки старого пня. Мы снова перезарядили ружья, приготовив по последнему патрону с жаканом. Медведь все еще старался двигаться в нашу сторону. Потом уткнулся мордой в землю и затих. Мы подошли ближе и для верности выстрелили в голову. Зверь дернулся в последний раз.

Вот тогда уже натянутые нервы не выдержали, и у меня подогнулись коленки. До нас зверь не добрался всего несколько метров.

Переглянулись. Оба взволнованы и напуганы случившимся. А ведь несколько минут назад действовали спокойно, уверенно, рука не дрогнула.

У нас сегодня с собой ни ножа, ни топора. Быстро заспешили к своей избушке. Это больше двух часов спешного хода. Вернулись к месту охоты уже в конце дня. Рубили топором мягкие места и укладывали в рюкзаки, всего килограмм 60 заготовили. На душе тревожно и неуютно. Недобро дело сделали. Пытался снять часть шкуры, но она толстая, да еще с большим слоем жира, очень тяжелая. Оставили ее до завтра.

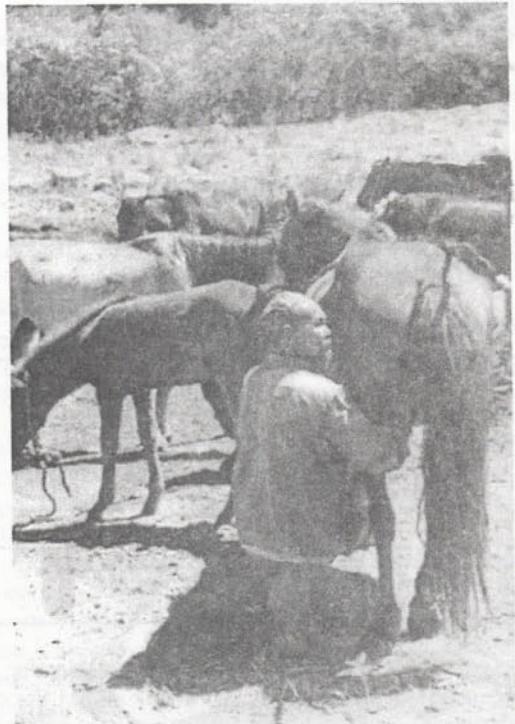
Возвращались в свой лагерь измученные, одежда, рюкзаки — все в крови. На душе неспокойно, словно злодейское убийство совершили. Радости нет. Вечером варили на улице в чугунке мясо. Оно старое, довольно жесткое, долго не доходило. Но вкусное. Ели до отвала.

Утром снова с рюкзаками, топором и ножами — к убитому медведю. Уже на подходе к месту спугнули много крупных и мелких птиц. На соседнее сухое дерево взлетели 7 огромных черных грифов с длинными голыми шеями и хищными клювами. Бrr! Они недовольно стали на нас смотр-

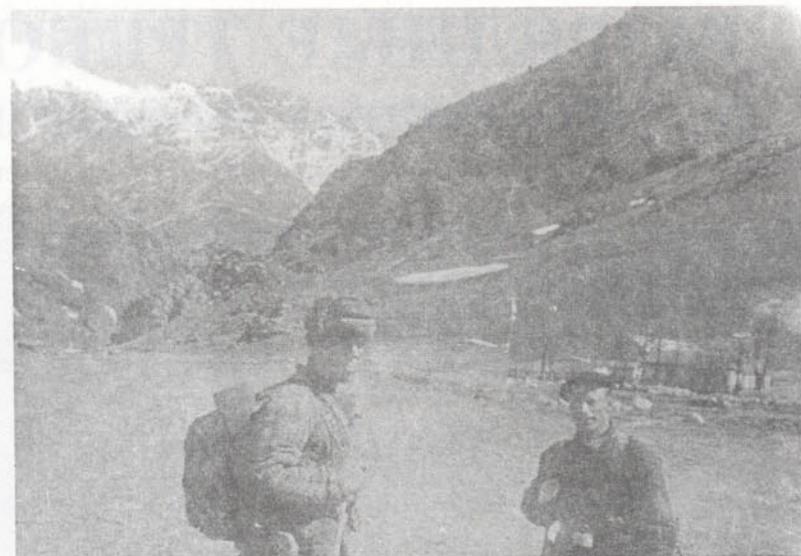
реть сверху, а когда я крикнул и замахал руками, то поднялись и улетели.

Птицы до неузнаваемости исклевали и испортили тушу. Как они так скоро успели учуять добычу? К тому же налетела масса мух. Неприятное зрелище. С трудом перевернули тушу медведя на другой, еще не тронутый никем бок, — тяжело, с полтонны веса было. Снова нарубили топором мясо с мягких частей. Вырезали порядочный тяжелющий кусок шкуры. И все это в рюзаках притащили в лагерь. Возвращаться за мясом еще раз было уже бесполезно. Оно начало приобретать запах, да и налетевшие птицы все исключают к завтрашнему дню...

Соли у нас ограниченно, ее на все мясо не хватит. Часть засолили, часть опустили в холодную воду соседнего ручья и придавили камнем. Ох, и живности к вечеру к нему набежало по воде и суще! Мясо постепенно стало попахивать. Реши-

Казахдоит кобылицу.

Мы с Куракиным перед выходом на обследование снежных лавин.
Апрель 1955 года.

ли, что следует отправиться Куракину с выючной и верховой лошадьми, груженными мясом, в поселок. Да чтоб вез скорее соль, хлеб и муку. Все это время лошади, чуя запах зверя, вели себя неспокойно.

Работа, конечно, на все эти дни оказалась заброшенной, только мясом и шкурой занимались.

Вернулся Куракин с лошадьми через пять дней. Почти все мясо и шкура у нас уже воняли. Мы их отмывали и скребли ножом.

А основная часть медвежьего мяса так и осталась там, в ущелье, на съедение птицам. Жуткое, неприятное это дело. Как будто мы человека убили. Убили не только медведя, но и часть себя. Не надо было губить зверя. Большой необходимости не было в этом. Не умирали же с голода. Неразумно. Для души ущерб.

Потом настоящие охотники нам сказали, что на большой риск шли тогда, стреляя из гладкоствольных ружей по большому зверю. Нужно идти на медведя с нарезным ружьем, а не гладкоствольными: другая убойная сила.

С тех пор я стал медведем при встрече обходить стороною — как и медведь обычно уходит от человека. После той охоты что-то изменилось во мне. Ружье по-прежнему всегда брал с собой — это нужно в тайге, в горах, даже для уверенности. Но уже не стрелял так, как раньше: легко и бездумно. Иногда если только тетерку на ужин при необходимости подстрелишь. А затем и совсем прекратил охоту. Лучше смотреть и радоваться, как веселится эта красавая жизнь, чем с сожалением держать в руках безжизненный комок с каплями крови на перьях, который еще несколько минут назад был совершенством природы.

РАЗРЯДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ПО СПОРТИВНОМУ ТУРИЗМУ НА 2001-2004 г.

**Утверждены Государственным комитетом РФ
по физической культуре, спорту и туризму.**

Разряды и звания в спортивной туризме присваиваются в двух видах туристско-спортивных соревнований:

- соревнования по спортивным походам,
- соревнования по туристскому многоборью.

1. Разрядные требования по спортивным походам

Для выполнения нормативов на звание Мастер спорта России международного класса (МСМК), звание Мастер спорта России (МС), разрядов кандидат в мастера спорта (КМС), I, II, III и юношеский необходимо совершить спортивные походы в соответствии с таблицей 1.

Условия выполнения разрядных требований

Звания и разряды присваиваются за походы, совершенные в соответствии с «Правилами проведения соревнований туристских спортивных походов, путешествий и организации спортивных туров. Кодекс путешественника» и «Единой Всероссийской спортивной классификацией туристских маршрутов», а также другими нормативными документами по спортивному туризму, утвержденных Туристско-спортивным союзом России (ТССР).

Для присвоения всех вышеуказанных разрядов и званий (кроме I МСМК), допускается замена руководства участием в походах с различных категорий сложности. Для начета на разряд КМС и звания МС необходимо участие похода в чемпионатах по спортивному туризму соответствующего регионального или Российского уровня. Итоги чемпионатов засчитываются, если в чемпионате участвовало не менее 6 команд по данному виду туризма. Соответствие занятого места в чемпионатах с зачетом на разряд или звание приведено в специальной таблице.

Документы на спортивный разряд или звание рассматриваются после присвоения предыдущего разряда или звания. Походы, совершенные по одному и тому же маршруту, засчитываются на разряд или звание, если они в первый раз были пройдены в качестве участника, а второй — руководителя.

Походы засчитываются на разряд или звание независимо от того, по каким видам туризма они были совершены.

Для выполнения норматива на звание МСМК, мужчинам необходимо иметь опыт руководства двумя походами VI категории сложности, а женщинам — одного. Для зачета на звание МСМК необходимо участие похода в Чемпионате России при количестве команд не менее 6, в классе походов VI категории сложности. При этом требуется набрать не менее 30 баллов в чемпионатах России (1 место —

30 баллов, 2 место — 20 и 3 место — 10 баллов). Если в данном году в чемпионате участвовало меньше 6 команд в классе походов VI категории сложности, то зачетные баллы на МСМК не присваиваются, а эти походы могут участвовать в чемпионате в течение времени действия настоящих разрядных требований. Для участников команд, занявших призовые места в классе VI кат. сл. количество зачетных походов на МС сокращается на единицу.

При оформлении званий МС и МСМК необходимо представить в ТССР: а) копии оригиналов справок о походах выше третьей категории сложности, идущих в зачет на звание; б) копии протоколов чемпионатов, заверенных маршрутно-квалификационными комиссиями (МКК), имеющих соответствующие полномочия; в) отчеты о зачетных походах, совершенных в качестве руководителя или все отчеты о походах V-VI категории сложности, совершенных в качестве участника (для участника допускается указать место их нахождения, если они находятся в ТССР); г) представление нижестоящей ходатайствующей МКК.

Срок оформления разрядов и званий не должен превышать одного года с момента утверждения протокола соревнований, в которых участвовал последний зачетный поход.

Требования к руководителям спортивных походов

РАЗРЯДЫ	Категории сложности спортивных походов											
	I		II		III		IV		V		VI	
	У	Р	У	Р	У	Р	У	Р	У	Р	У	Р
МСМК											1	2
МСМК											1	1
МС(м)											1	2
МС(ж)											1	1
КМС												
I												
II		1	1		1	1	1		1	1		
III	1											
I юн.	Совершить один поход III степени сложности											
II юн.	Совершить один поход II степени сложности											
III юн.	Совершить один поход I степени сложности											

Примечание:

- в таблице использованы сокращения: У - участник; Р - руководитель “допускается замена на 2 похода V к.с., совершенных в качестве руководителя. В этом случае рейтинг участия в Чемпионате набирается среди походов V к.с.”

Алексей КУРОЧКИН

Туристская солидарность

Человеку, который любит путешествовать, но никогда не бывал за Северным полярным кругом, обязательно хочется там побывать. Так случилось и с нами. Мы ежегодно в августе идем в какой-нибудь поход. На этот год мы решили сходить на Полярный Урал.

В Екатеринбургском городском клубе туристов я оформил поход 4 категории сложности пешего туризма. Собралось нас идти 4 человека. Протяженность маршрута — 250 км. Длительность — 25 дней. Маршрут начинался на станции Сивая Маска, пролегал по осевой линии главного Уральского хребта, проходил через массив Райиз и выходил к станции Харп — Северное сияние, что в 30 км к западу от города Лабытнанги. По пути было совершено 4 восхождения на вершины Скальная, Географов, Пайер и на безымянную вершину с отметкой 1276 м вблизи массива Райиз.

...Шел 12 день похода. Позади остались восхождения на горы Скалистая и Географов, а также траверс главного Уральского хребта. Наконец подходим к главной цели нашего похода — г. Пайер.

Пайер — самая высокая гора на Полярном Урале (1472 м). Находится в 18 км за Северным полярным кругом, на границе Коми АССР и Тюменской области.

Еще в XIX веке А. Регули, П.И. Крузештерн, Э.К. Гофман и другие исследователи установили, что это название ненецкого происхождения и означает «Камень-Хозяин» («пэ» — «камень», «ерв» — «хозяин»), «Хозяин Урала», «Владыка гор» (Матвеев, 1974).

Спустившись с главного Уральского хребта в долину реки Левая Пайера, мы пошли по ней вверх. По карте видно, что река вытекает из ледникового озера, расположенного в непосредственной близости от горы Пайер. Нам предстояло дойти до этого озера, а уже потом сделать радиальное восхождение на гору. До озера оставалось 12 км, а от озера до Пайера — 2 км, но последние 2 км предстояло карабкаться по скалам.

Птенец тундряной куропатки (кинчик).

Поставили лагерь. Наконец наступили долгожданные минуты ужина. Солнце перед тем, как скрыться за горизонтом, осветило под тучами красным светом безжизненные горы.

Наутро шел дождь. Ждать бессмысленно, так как тучи затянули все небо. Медленно поднимаемся по реке Левая Пайера. Наконец достигли первого озерка, потом второго, и так далее. С поднятием на каждую новую морену перед нами открывалось очередное озеро. Все озера были продолговатой формы, но разной величины. Они образовались во время ледникового периода путем выпахивания движущимся ледником дна долины. По мере подъема река заметно уменьшалась как в глубину, так и в ширину.

У предпоследнего, самого крупного озера в долине реки мы поймали птенца тундряной куропатки. По всей вероятности, он отстал от выводка и теперь в одиночку был обречен на смерть.

Обедали у водопада. Впереди виднелась скальная стена около 200 метров высотой. Посередине видна тонкая серебристая полоска. Эта полоска — крупнейший водопад, который слышно за многие километры вниз по долине. В бинокль изучаем склоны в надежде найти безопасный

путь подъема. Ага, вот и заметили: в том месте, где отвесные стены ледникового кара переходят в боковые склоны долины, виднеется скальный гребешок, по которому можно подняться на последний трог. (Трог — это долина, выпаханная в прошлом ледником.) Двухсотметровый скальный сброс, по которому низвергается водопад, четко отделяет нижележащую часть долины реки Левой Пайеры от вышележащей. Вышележащая терраса долины вытянута на 2 км, большую часть ее занимает безымянное озеро, а из него вытекает река Левая Пайера.

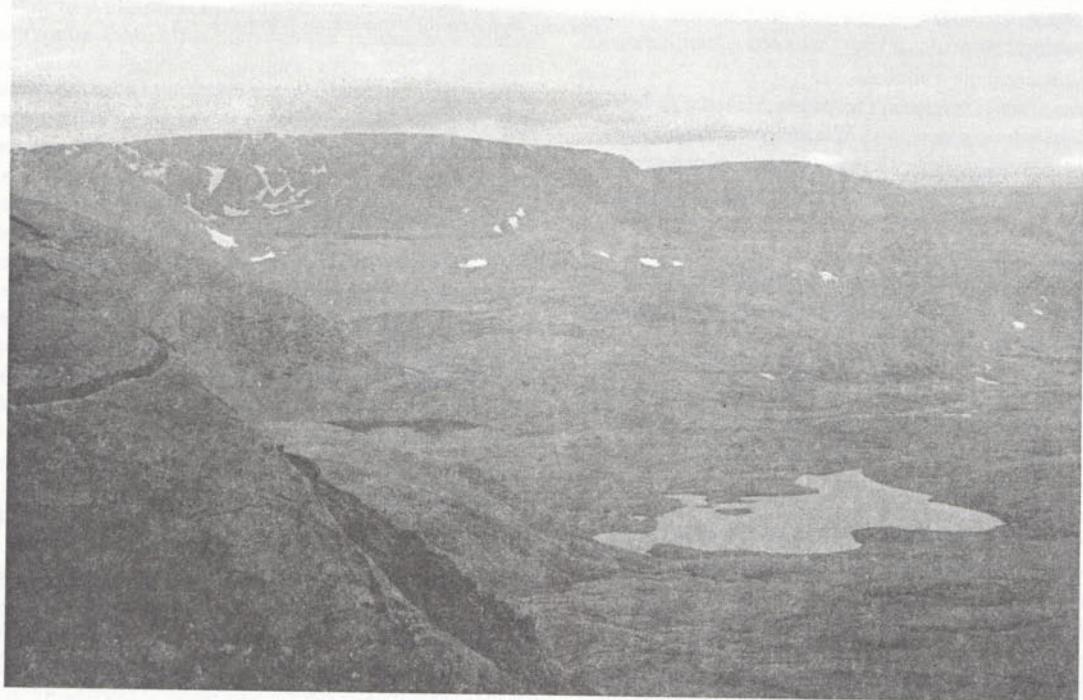
Через пару часов мы были в этой долине. Здесь уже лежал мокрый снег. Горы по обе стороны круто вздымались вверх и скрывались в облаках. Тучи настолько низко находились в этой долине, что не только г. Пайер не было видно, но и Пайерского перевала, лежащего на уровне 1250 м. Взобравшись на морену, увидели еще одно безымянное озеро, шириной 200-300 метров, длиной 1 км. Берега его прикрывала ледяная корка, а в 50 метрах над водой проходила граница облачности. Мы медленно двигались по крутым берегам. Дальше, в 200 м от берега, начинается каровый сброс.

Идти с рюкзаками нельзя, так как склоны кара очень круты. До вершины остается всего 400 метров по вертикали. Ставим палатку на снегу и ждем до завтра хорошей погоды. Завтра нам предстояло пройти 700 м до перевала Пайерского, а затем по гребню от перевала — 1000 метров до вершины горы Пайер. (Я специально привожу рассто-

жение в метрах, так как восхождение является самой опасной частью похода).

Всю ночь ветер трепал палатку, приходилось выскакивать и отгребать мокрый снег с тента. Утро. Ждем. Наконец ждать надоело — погода не только не улучшалась, а даже ухудшалась. Решаем идти на Пайер, несмотря ни на что. Уходим в белый туман. Тяжело взираемся в гору. Постепенно уклон увеличивается. Понимаем, что дошли до начала карового сброса. Уходим влево и выходим на скальный гребень. По гребню поднимаемся в течение 1,5 часов. Если бы была видимость, то подниматься было бы интересней. Из-за того, что вверху ничего не разглядеть, кажется, что подъему не будет конца. Но мы вылезаем на небольшое продольное плато, проходим по нему и на краю карового сброса видим заснеженный тур. К вершине подошли уже насквозь мокрые. Понимаем, что долго без движения находиться нельзя — иначе замерзнем. Быстро фотографируемся, ищем записку в туре. В нем, кроме записи, мы нашли еще и половину завернутой в целлофан шоколадки. Вот так презент! Это не просто подарок, а выражение туристской солидарности.

Спустились к своей палатке. Ее уронило, тент загнуло, и все находящиеся внутри вещи промокли. Делать действительно нечего — кроме как идти дальше. Прошли Пайерский перевал, спускаемся к озеру Кечпельто, двигаемся дальше и встаем ниже озера. На этом и заканчивается один из дней нашего похода.

Вид с вершины Пайера.

Евгений ТАМПЛОН

Озеро Шарташ

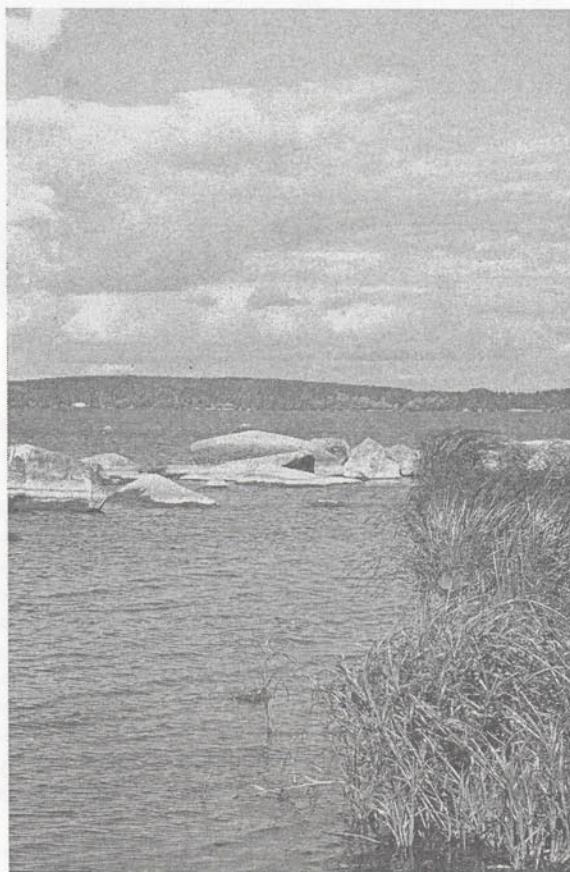
Для любого екатеринбуржца слово «Шарташ» знакомо с детства. Есть железнодорожная станция Шарташ, есть поселок Шарташ и Шарташские каменные палатки, есть Шарташская улица и, наконец, — Шарташский рынок. Всем этим городским достопримечательностям имя свое дало озеро Шарташ.

Само по себе озеро Шарташ нельзя назвать уникальным памятником природы. Оно не мало и не велико, своими глубинами или живописными берегами тоже особенно не отличается от сотен Зауральских озер. Но богатая история и близость к столице Урала Екатеринбургу сделали Шарташу славу, которой мог бы позавидовать любой уральский водоем.

Что означает слово «сарташ» — ломать голову не стонит. Название это, как и большинство названий озер на Среднем и Южном Урале, башкирское. Звучит оно как «Сара Таш», что значит «желтый камень». И действительно, озеро расположено в центре Шарташского гранитного массива. Прибрежная галька и песок состоят из частиц гранита, слюды и кварца; на солнце они расцвечиваются оттенками желтого цвета. Вот и получается «желтый камень». Во второй половине XX века озеро стало еще больше оправдывать свое название, поскольку на заболоченный южный берег навезли желтого песка и сделали пляжи.

Сейчас берега озера обустроены, слегка замусорены, но вполне годятся для небольших пикников, праздников на свежем воздухе и купанья в любое время года. Но стало таким озеро только в последние 50 лет. До этого Шарташ и его окрестные леса были местом довольно глухим и таинственным. Несмотря на это, люди здесь жили испокон веков. Еще в эпоху неолита, 5-7 тысяч лет назад, берега озера облюбовали древние охотники и рыболовы. Следы их стоянки были найдены на мысе Рундук — широком гранитном выступе у западного берега озера. Эпоха бронзы тоже оставила здесь свои следы. По берегам Шарташа жили тогда племена, освоившие сложный процесс выплавки меди. Их металлургическое производство располагалось на Шарташских каменных палатах — скалах, поднимающихся среди соснового леса в километре от берега. Сами же древние металлурги с семьями жили у озера, ловили рыбу и охотились. К плавке же металла допускались далеко не все, а только избранные, получившие магический дар и знания от своих предков. Лишь они могли ходить к священным скалам, на вершине которых в примитивных горнах выплавлялась медь и изготавливались магические амулеты, оружие и домашняя утварь.

Озеро имеет длину в 4 км, в ширину 2,5 км. Глубина его достигает 5 м.

Берега озера Шарташ.

Эпохи сменяли одна другую. Обитали на берегах Шарташа угорские племена, кочевали башкиры и еще бог знает кто. Но настоящая история началась только в XIV веке, когда в шарташских лесах у озера обосновались бежавшие от преследований московских властей староверы.

На северном берегу основали они деревню Шарташ и спокойно жили здесь, сохраняя привычную веру и обычай предков. Строительство Екатеринбургского завода и поселка староверческому гнезду больших хлопот не доставило. Даже когда по всему Уралу разоряли кержацкие скиты и специальные воинские команды силой сгоняли раскольников с насиженных мест — Шарташ не трогали. Более того, многие гонимые за веру бежали именно сюда. Постепенно Шарташ превратился в центр уральского ста-

рообрядчества, с которым приходилось считаться и горному начальству, и заводовладельцам.

Шарташская независимость объяснялась просто. Купцы-староверы держали в руках львиную долю торговли горнозаводского края. Они торговали с Москвой и Нижним Новгородом, обозы их ходили в Сибирь, добирались до Забайкалья и Китая. Подкупить шарташские купцы могли кого угодно, поэтому искоренять староверческую вотчину было далеко не безопасно и себе дороже.

Только к XIX веку сила и власть шарташских староверов постепенно угасли. Просто их перестали преследовать. Молодежь спокойно ходила на заводы и рудники, постепенно село Шарташ превратилось в обычный уральский поселок. А

когда на реке Березовке за Шарташом начали добывать золото, с жителями села вообще перестали считаться. Озеро и прилегающие к нему земли перешли в полное распоряжение екатеринбургских властей. В 1829 году Шарташ в течение нескольких дней исследовал немецкий естествоиспытатель и натуралист Александр Гумбольдт. Горное начальство жаловалось, что Березовский рудник постоянно затапливается, и просило ученого немца посоветовать, как быть. Гумбольдт, хоть и обладал обширными знаниями в геологии, но за несколько дней разобраться в хитросплетениях местных геологических структур так и не смог. Но совет его екатеринбургское начальство получило. Гумбольдт порекомендовал спустить озеро Шарташ в реку Пышму, поясня, что именно озерная вода проникает в рудники.

Это только потом установили, что Шарташский гранитный массив и Березовское рудное поле имеют совершенно разное геологическое происхождение и никак не связаны между собой. А в то время совет европейской знаменитости был немедленно принят к исполнению. От северного берега озера прокопали подземную штолню, которую в народе прозвали Гумбольдтовой канавой, и по этой штолне вода Шарташа ушла в Пышму.

К ужасу местных жителей, на месте богатого рыбой озера образовалось огромное топкое болото с небольшим озерцом посередине. Память об этом событии до сих пор сохранилась в названии одного из шарташских заливов — Покосы. В этом месте дно спущенного озера быстро заросло и превратилось в сенокосный луг. Вскоре природа взяла свое: штолнию затянуло илом, и Шарташ вернулся к своим прежним размерам. Больше на него не покушались, так как рудники как топило, так и продолжало топить.

В XX веке к берегам Шарташа вплотную подступил

Озеро Шарташ. Вид на Екатеринбург.

Екатеринбург. Заболоченные берега засыпали песком. Среди соснового леса у западного берега появились первые в городе коллективные сады и, пока еще скромные, деревянные дачи для начальства. Озеро стало местом посещения всех категорий горожан — от младенцев с родителями до людей почтенных и пожилых. На вопрос: «Где отдыхаете в воскресные дни?» — любой среднестатистический свердловчанин 50-70-х годов ответил бы вам — «Конечно, на Шарташе». Сейчас Шарташ не так популярен, как во времена советской власти. У людей появился богатый выбор мест для отдыха. Многие посещают Красное море или Альпы, отдыхают на экзотических островах или еще бог знает где.

Но экзотика далеко, а Шарташ рядом. И нет-нет, да сердце истинного екатеринбуржца подскажет, что пораходить на Шарташ, вспомнить детство, когда поход на озеро был настоящим приключением.

Попасть на Шарташ несложно. Сейчас озеро находится в черте Екатеринбурга, и со всех сторон к нему можно добраться городским транспортом. Если у вас есть свой автомобиль, то сильно на него не рассчитывайте. По асфальтированной дороге, идущей по берегу, можно только ходить пешком или ездить на велосипеде. К южному берегу добраться можно на трамвае, доехав до остановки Шарташские каменные палатки, а до северного и восточного — городским автобусом, идущим в город Березовский и поселок Изоплит.

Если есть желание, то до озера можно добраться и пешком. От площади 1905 года, где стоит Городская Администрация, до берега Шарташа не более 4 км. Просто нужно выйти на улицу Малышева и двигаться на восход солнца. Улица приведет вас к Шарташским каменным палаткам, а от них аллея идет прямо к берегу Шарташа.

Татьяна СУВОРОВА

Прошлое: «белые пятна»

Неизвестно, когда на Урале появился первый человек. Давным-давно в океане времени утонули названия и культуры первых народов, живших здесь. И тем более непонятно, откуда они приходили, куда и почему уходили. Более-менее изучены только последние столетия — с того момента, когда на Рифей (прежнее название наших гор) пришло Российское государство.

По каким принципам древние выбирали себе места для поселений? Если здесь была какая-то система, то тогда можно вести целенаправленные археологические поиски. Оттолкнуться здесь можно от того, что люди стремились обосноваться там, где есть хорошие, комфортные условия для жизни. Но вот что понималось под такими условиями? Леса и реки в те тысячелетия еще не были истощены — выбор богатых пищей мест огромен. Можно ли представить какой-то другой, дополнительный критерий отбора?

Да. Люди и реагировали, и реагируют на всевозможные поля и излучения. Геопатогенные и геоблагоприятные зоны — реальность, сейчас признанная уже всеми.

Большинство наших современников слишком мало прислушивается к ощущениям своих организмов и поэтому не чувствует характеристики тех мест, в которых находятся. В древности же, судя по всему, люди относились к своему природному окружению более внимательно, находились с ним в более тесном контакте — это был вопрос их прямого выживания. А шаманы, колдуны и т.д. специально развивали свою чувствительность, передавали из поколения в поколение тайные знания — в том числе и способы определения тех мест, которые «прокляты», «благословленны». И, кстати, кто сказал, что эти знания были полностью утеряны и не использовались в другое, уже гораздо более близкое к нам время?

Исследованиями этой темы и занялся академик народной медицины Марат Курбанов — вместе со своими друзьями. Картина в итоге получилась интересная: на Урале оказалось два треугольника, сходящиеся друг к другу своими вершинами. Внутри южного треугольника находится много очень древних памятников истории — например, знаменитый Аркаим и около 30 подобных ему поселений. Их возраст — 4–6 тысяч лет. Причем неизвестно, сколько еще городов кочевников не найдено или было распахано при сельскохозяйственных работах. Такие «руины» очень незаметны — ведь арии строили дома только из дерева, а потом, переезжая на другое место, сжигали за собой все.

Второй треугольник включает в себя Северный и Приполярный Урал — районы, очень плохо освоенные и изученные. Но предания о древних, могущественных и исчез-

Икона из храма: отчетливо виден треугольный nimbus над головой Бога-отца.

нувших народах, в тех местах ходят. (Говоря о могущественности, надо помнить: эту оценку своим соседям давали первобытные племена. Так что реальный уровень тех легендарных культур совершенно неясен.) Но на все вопросы может ответить только одно: исследование. Вполне возможно, что гипотезы М.А. Курбанова верны, и пока ненайденные поселения Приполярного Урала много стариннее, чем южные.

Пока же построенные треугольники принесли одно, но очень интересное открытие: уникальный православный храм, построенный во имя Симеона Верхотурского. Он был обнаружен вдалеке от населенных пунктов, как раз на одной из вершин южного треугольника. Что любопытно: если из этой вершины продолжить одну из сторон треугольника — то линия пройдет прямо через Иерусалим. А если продолжить вторую сторону треугольника — линия пройдет через Тибет.

Архитектура этого храма более чем нетипична для пра-

вославия: она повторяет иерусалимскую. Еще более нетипичны росписи внутри: например, над головой Бога-Отца нарисован нимб ТРЕУГОЛЬНОЙ формы. А Иисус одет не в белые (как положено по всем канонам), а в синие одежды (символ пути). Ни в одной из христианских традиций не предусмотрено такой символики — в том числе и в иерусалимской школе иконописи.

Все это тем более странно, что речь идет не о храме какой-либо из сект, отделявшихся от православия. Это остатки вполне легального, подчинявшегося Епархии монастыря.

Что может находиться в обширных подземельях под храмом — пока остается только предполагать. И исследования, и реставрационные работы ведутся силами энтузиастов из Уральской духовной академии «Единый мир». Храм — не единственный проект, которым они заняты. В середине этого лета планируется экспедиция на Северный Урал — она будет искать остатки легендарных пещерных городов, которые, по расчтам, должны находиться внутри северного треугольника, в районе знаменитого «Плато Идоллов».

Можно смеяться по поводу всех этих вещей, можно

Реставрацию ведут добровольцы.

восторгаться ими. Но, наверное, гораздо разумнее не делать загадки никаких выводов и подождать фактов. А факты, касающиеся древней истории нашей земли, очень нужны.

Уж слишком много «белых пятен» на ее страницах...

Православная церковь иерусалимской архитектуры. Такой она была.

Нина СТЕПАНЫЧЕВА, г. Екатеринбург

Несерьезные этюды

Дровосек

Сижу на берегу Нейворудянского пруда, пишу этюд около последнего дома в деревне. Неподалеку мужик дрова колет и домой таскает.

Но в какой-то момент мне показалось, что дрова он уже все перемолол и ходит с ними взад-вперед, приглядываясь. И точно, когда дровосек понял, что я заметила, как он кругами ходит, извинившись, подошел. Деревенские жители намного вежливее и тактичнее городских. Посмотрел он, поговорили о том, о сем, в основном, об акварели.

— Я бы хотел вас в гости пригласить, — сказал он как-то неуверенно. — Я акварелью когда-то писал, а сейчас из кедра разные изделия делаю.

Изделия, особенно маски, очень выразительны, талантливо сделаны. А на стене, во всю ширину стены, акварель висит.

— Тающий лед на пруду нарисовал.

— Как это вы умудрились на улице в начале весны такую работу написать?

(Видно, что на натуре написано.)

— А вы обернитесь.

Обернулась и ахнула. В кухонном окне, которое, как мне показалось, расположено в странном месте, весь пруд виден.

— Я специально здесь окно прорубил, чтобы озеро наблюдать и писать в любую погоду. А чертей и маски односельчанам дарю, шибко радуются.

Вот так и живут в глухой тайге чудаки, на которых земля держится.

Илька

Появился у моего приятеля щенок Илька, стали мы его с собой в лес брать. Когда первый раз он зимой в лес попал, радости его предела не было. Прыгал, как заяц лопоухий, по сугробам и до того устал, что пришлось его в рюкзаке нести. Со временем по-взрослел, но все равно и снегу, и лесу бурно радовался.

Катались мы на лыжах не быстро, по сторонам смотрели. Но стала я замечать при каждой нашей вылазке в лес странную вещь. Там, где есть встречная лыжня, люди, проходя мимо и глядя на меня, улыбаются начинаят. Кто тихонько так ухмыляется, а один во весь голос захохотал. Оборачиваюсь, спрашиваю приятеля:

— Слушай, на мне все в порядке?

— Нормально.

— Чему люди улыбаются?

— Не знаю, видно, настроение хорошее, погода прекрасная.

Погода погодой, но почему-то продолжают улыбаться, хотя уже и зима на исходе. Обернусь — сзади все нормально. Только у моих спутников — у собаки Ильки и у его хозяина Володи — морды, то бишь, лица какие-то уж очень серьезные, с явным выражением: «Мы тут совершенно ни при чем!» Всем весело, а они — ни при чем. Ну, думаю, что-то тут не так. Поехала побыстрее и на ходу резко обернулась. И осталбенела: Илька, устав, пристроился ехать на моих лыжах: две лапы на одной лыже, две на другой. И так по очереди: левой — правой, левой — правой. А

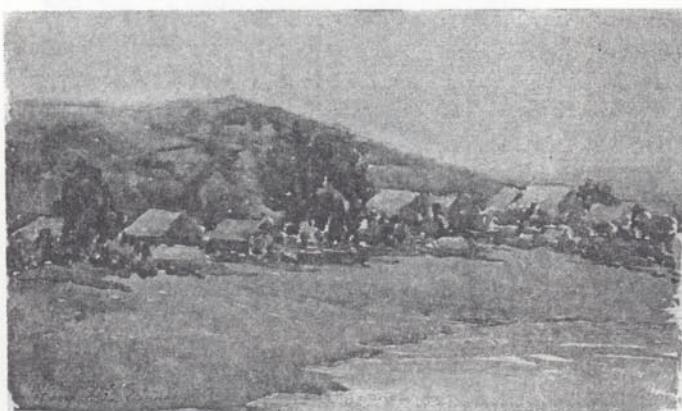
когда я оборачивалась, он быстренько с лыж соскакивал и с невинной мордой рядом бежал. Но на этот раз, поняв, что его застукали, слез с лыж с виноватым видом, виляя хвостом, чуть в снег от стыда не зарылся...

Представляю, сколько людей мы втроем в ту зиму повеселили: левой — правой, левой-правой...

Сарана

В конце марта поехала я в дом отдыха «Сарана» писать этюды. Экипировка, соответственно, зимняя.

А места красивейшие. Дело в том, что река Уфа в тех местах не замерзает, так как

Нейво-Рудянка.

Уктус.

из горы бьют источники, и пар, поднимаясь от воды, оседает на ветвях деревьев. А березы низко склонились над водой, облепленные изморозью. Сказка. Темная вода, сугробы снега и белоснежные тонкие ветви берез. Вот я и бегала на берег их рисовать, благо, недалеко.

Со мной в комнате жила Капитолина, женщина лет сорока. И вот однажды она спросила, что такое этюды, и я ей подробно объяснила.

— Можно, буду с тобой ходить на реку. Зимой в доме отдыха делать нечего.

— Можно, — говорю, — только не матерись.

У нее мат через каждое слово, так, между прочим. Работала она грузчиком в лесопильном цехе Уралвагонзавода в Нижнем Тагиле. Все понятно. Но вдвоем на берегу, в тайге, как-то веселей.

И вот однажды, собираясь на этюды, прикалываю лист бумаги обратной стороной.

— Ты зачем собираешься на другой стороне этюда рисовать?

— Да, этюд не получился, бумагу жалко.

— А ну-ка, мать твою, разложи-ка все этюды, что написала.

Я разложила на кровати, другого места не было. Она все внимательно посмотрела и говорит:

— Мать твою, из того, что ты мне рассказала про этюды (настроение, состояние и прочее) — этот самый лучший, хоть и недописанный.

Кончились моя путевка, вернулась в город, разложила перед своим преподавателем на полу этюды для просмотра. А тот, недописанный, в сторону отложила. Федор Васильевич спрашивает:

— А этот-то что убрали?

— Да не успела написать, снег пошел.

— А он, между прочим, самый лучший.

Только, что не добавил: «Мать твою!»

На трамплине

Есть на Уктусе старые трамплины. Покрытие на них синтетическое, ветрами и водой отполированное. Мальчишки иногда на «пятой точке» с них спускаются, точнее, съезжают, но не с самого верха, разумеется.

Я недалеко от трамплина этюды пишу, а по берегу две молодые мамаши со своими детьми прогуливаются.

И вот, видно, решили они вспомнить детство, или надоело им быть серьезными. Одна из них до середины трамплина поднялась и, недолго думая, села на покрытие. Это был концерт. Кто не видел, тот слышал. А слышала вся округа. С большой скоростью ее понесло вниз. Мальчишки-то, те тормозить умеют ребрами ботинок, а женщина растерялась, несется вниз на «пятой точке», все разгоняясь, и орет на всю округу: «Ой, горю, дымлюсь!» От такого трения, да при такой скорости, действительно брюки вспыхнуть могут, если они на ней еще останутся.

Наконец, она со всей скоростью, установив миро-

Березы.

вой рекорд нестандартного передвижения, затормозила аккурат в луже, а воскресные отдыхающие долго еще лежали от хохота, выбрав место посушше.

Баня

Езжу я иногда в теплые зимние дни на этюды на Таватуй, к знакомым (у них там сад), писать ели в снегу. Работаю много, обедать мне готовят, так что пиши да пиши. Все условия плюс баня.

Зима была в том году очень снежная... Сам дом на горке, а баня под горкой, в низине, чуть ли не до крыши снегом занесенная. Баня очень хорошая. Сильный жар и пар я плохо переношу, поэтому часто выскакивала в предбанник, а в какой-то момент решила (явно бес попутал), чего мелочиться. Нырнула из бани в сугроб, лицом вниз. Попыткалась встать: пора бы и назад, в баню. Нет, не могу. Снега так много, что не могу встать, так и лежу лицом вниз. Уже и прохладненько стало. Перевернулась на спину, пытаюсь встать — ноги проваливаются. Лежу на спине, на луну пялюсь, а она ехидно улыбается. Но на помощь не зову. На живот перевернулась, да еще вокруг своей оси, как стрелка компаса, чтобы не ползти ногами вперед. Представила, как это сверху смотрится: голая баба, распластавшись на снегу, ползет на животе, по-пластунски...

Мне тогда казалось, что всю оставшуюся жизнь я согласна просидеть в бане. Когда я все-таки вернулась из бани, по лицу хозяина скользила легкая тень улыбки. Воспитанный человек: ничего не сказал.

Столб

Приехала в начале осени в маленькую деревушку за Белояркой, даже не в деревушку, а так, несколько домов на реке Пышме. Огороды, небольшое поле, а дальше лес. И какая-то прямо некрасовская тоска разлила окрест, так и крутится в голове: «Только не сжата полоска одна, грустную думу наводит она».

Не успела раскрыть этюдник, как заморосил мелкий дождичек. Устроилась под навес летней кухни и, как показалось, мне удалось передать в этюде некрасовское настроение. Прибежав в дом, показываю Вере (хозяйке) этюд, она меня спрашивает:

- Где столб?
- Какой столб?
- Который у меня посреди огорода стоит. И к нему еще большой скворечник на длинной палке приклончен.

Выселки.

— Нет там никакого столба, — уверяю я.

— Странно.

Повернула она выключатель, лампочка загорелась.

— Очень странно. Свет есть, а столба нет? Да и с утра стоял, — удивленно сказала Вера.

Какое-то смутное беспокойство закралось в мою душу. Несмотря на дождь, вышла в огород: посреди огорода стоит тот самый столб со скворечником в трех метрах от меня.

В дом я вернулась слегка пришибленная.

— Стоит? — уже неуверенно спрашивала Вера.

— Стоит.

— Ну знаешь, — почему-то рассердились она, — говорят про художников, что они рассеянные, но не до такой же степени!

— Видно, он мне мешал передать состояние заброшенности, — оправдывалась я.

Снегопад

Бывая в городе Миассе по семейным делам довольно часто, как-то на озеро Тургояк у меня все не хватало времени. И вот, наконец, в конце августа с этюдником в руках и прихватив купальник, я поехала на Тургояк.

Места красивые. Большое озеро в чаше гор. Вода чистейшая, наверное, как на Байкале — каждый камешек глубоко видно, но холоднющая! День солнечный, ветреный, по небу облака гуляют. Я сижу на пляже, и не столько этюд пишу, сколько раздумываю: искупаться, не искупаться? Ребята, разумеется, купались вовсю.

Но тут из-за гор стала быстро надвигаться темная туча, поднялся ветер, а при сильном ветре вода приобретает красивый, совершенно нереальный зеленый

Директор редакции
Фирсов Максим
Отдел истории и краеведения
Юний Горбунов
Отдел художественной литературы
Петр Родимов
Отдел «Встречный ветер»
Александр Челноков
Художественный редактор, верстка
Татьяна Суворова
Дизайн, препресс обложки:
ООО «Тарпан»
Фото на обложке
Леонид Сташкевич
Картина на 3 стр. обложки
Нина Степанычева
Корректор
Елена Тришкина
Реклама:
ООО «Уральское Рекламное Агентство»
тел. (3432) 22-45-01
Учредитель: Общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»
Издатель:
ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
Редакционный совет:
Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Кир Булычев
Николай Никонов
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Станислав Мешавкин
Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г. Министерством печати и массовой информации РСФСР.
ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала.
Рукописи не возвращаются.
Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.
Цена за подпись 36 рублей.
По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. 22-36-62
Подписано к печати 2003 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага газетная.
Печать офсетная. Тираж 4500. Заказ №
Отпечатано в типографии
© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» 4-2003

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(3432) 224-501, 223-662
E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru
Доступ в Интернет предоставлен

цвет. Тут уж все сомнения побоку: даешь этюд! И пока я пыталась запечатлеть быстро меняющееся состояние, как-то не сразу придала значение тому, что все отдыхающие быстро хватают свои вещи и бегут на остановку автобуса.

Поняла, но было уже поздно. Резко похолодало, и из этой самой тучи крупными хлопьями повалил снег — на зеленую воду, опустевший пляж и на меня... в купальнике. Со стороны, полагаю, зрелище было потрясающее! И цвет моей кожи явно стал такого же сине-зеленого оттенка, что и вода, в гармонии, одним словом.

Когда же туча ушла, мне удалось втиснуться в переполненный автобус. Вот обрадовалась тесноте — согреюсь. Тогда на озере Тургояк я на собственной шкуре поняла, что значит «стучать зубами» от холода в августе месяце.

Тургояк.

Пьяные березы

У Бестужева-Марлинского есть интересный опус о влиянии винных паров на развитие русской словесности. Не знаю, как пары влияют на словесность на самом деле, а вот как они влияют на рисование, убедилась на собственном опыте.

С геофизической экспедицией (это когда я служила физиком, а не лириком) была зимой на «эксперименте века», в Челябинской области. В подробности технические вдаваться не буду, только случилось так, что просидели мы втроем в машине целый день в белоснежном лесу, а «пуска» так и не было. Сидели, ждали, на двоих (третий-то за рулём) бутылку водки выпили — зима все-таки.

Подкрепившись так, решила я порисовать углем. Лес березовый, красивый такой. А березы-то качаются, то ли от ветра, то ли еще от чего. Облокотилась я на наш тягач (артиллерийского типа, как танк, только без ствола) и нарисовала, как показалось, неплохой этюд.

На этот же этюд обратил внимание и мой преподаватель из студии:

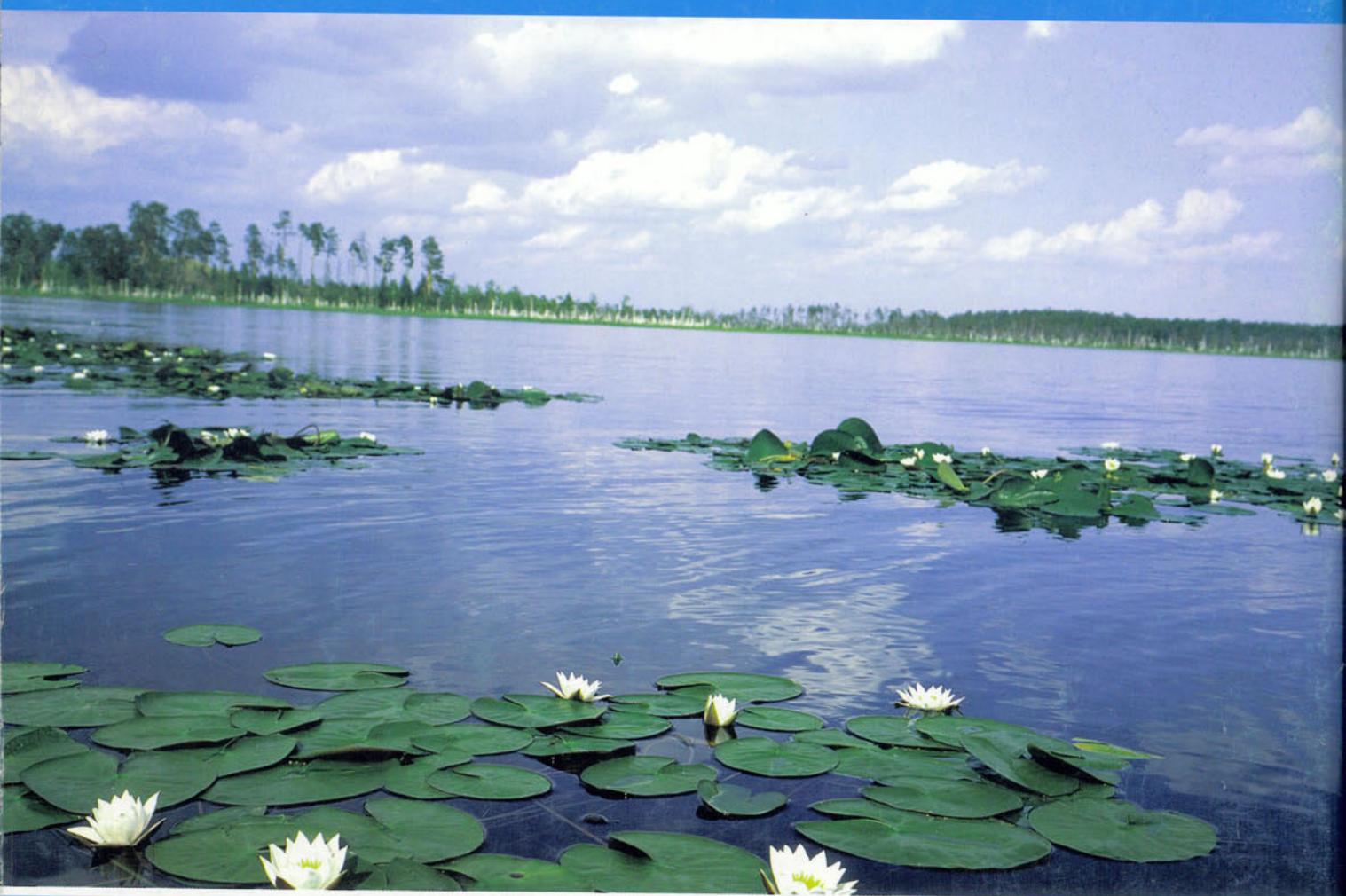
— Нина, какие выразительные березы, как пьяные стоят.
Я почему-то не стала уточнять истину.

Н. Степанов

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

Журнал издан при содействии:

Свердловский областной клинический
психо-неврологический госпиталь
для ветеранов войн

Уральский Мебельный Центр

ISSN 0134-241X Индекс 73413. "Уральский следопыт", 2003, n4